

Святоотеческая письменность

*Серия издается по благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II*

**ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
КОНСТАНТИНА, ЧТО ИЗ ИУДЕЕВ**

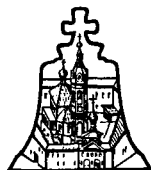

**ЖИТИЕ
СВ. ИСПОВЕДНИКА НИКИТЫ,
ИГУМЕНА МИДИКИЙСКОГО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

Москва 2001

ОБЩАЯ СИНУДАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Редколлегия серии

*Д. Е. Афиногенов, протоиерей Борис Даниленко,
А. Г. Дунаев, М. В. Бибииков, Д. А. Яламас*

Житие преподобного отца нашего Константина, что из иудеев. Житие св. исповедника Никиты, игумена Мидийского / Перевод, составление, статья Д. Е. Афиногенова. — М.: Индрик, 2001. — 160 с.

ISBN 5-85759-160-0

Книга адресована студентам и аспирантам, специализирующимся в области классической филологии, а также всем интересующимся историей византийской литературы и историей церкви.

- © Издательство «Индрик», 2001
- © Перевод, составление, статья. Афиногенов Д. Е., 2001

ISBN 5-85759-160-0

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИТИЕ

ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КОНСТАНТИНА,
ЧТО ИЗ ИУДЕЕВ 4

ЖИТИЕ СВ. ИСПОВЕДНИКА НИКИТЫ,
ИГУМЕНА МИДИКИЙСКОГО 95

Д. Е. Афиногенов

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД
«ЖИТИЯ СВ. НИКИТЫ МИДИКИЙСКОГО»
ФЕОСТИРИКТА
И ЕГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 147

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КОНСТАНТИНА, ЧТО ИЗ ИУДЕЕВ

Расцвет средневизантийской агиографии, начавшийся в первые годы IX в. после полутора столетий практически полного отсутствия литературной активности в данной сфере, оказался достаточно продолжительным и чрезвычайно продуктивным. Последние произведения, которые можно отнести к этой замечательной эпохе в истории византийской словесности, появились в первой четверти X в. В отличие от следующего, Метафрастовского, периода, жития святых, созданные в эти годы, очень часто поражают свежестью взгляда, оригинальной разработкой темы и неповторимым духом времени. К сожалению, изменение литературных вкусов византийцев в X в. крайне отрицательно сказалось на сохранности более раннего, не парафразированного ученым языком агиографического материала. Так, предлагаемое вниманию читателя житие дошло до нас в единственной рукописи (Florentinus IX. 14) начала XI в., хранящейся в библиотеке Медичи во Флоренции. Датировка как жизни самого святого, так и создания жития не вызывают затруднений. Как явствует из гл. 69, агиограф писал в царствование императора Льва VI Мудрого (886—912), а его герой подвизался в правление Михаила III (842—867) и Василия I Македонянина (867—886), причем его рукоположение состоялось, по-видимому, при первом из этих государей, судя по тому, что хиротонисал его епископ, пострадавший при иконоборцах, т. е. до 842 г. (гл. 45). Автор жития был современником Константина, но лично его, очевидно, не знал. Судя по панегирическому тону описаний г. Никеи (гл. 55) и Иакинфова монастыря на Олимпе Вифинском (гл. 35), анонимный агиограф имел к ним прямое отношение. Хотя в другом месте слова «этот город» относятся к Константинополю (гл. 61), издатель текста, как мне кажется, слишком категорично утверждает, что житие писалось в столице (с. 628).

Жизнеописание Константина «из иудеев»*, согласно вполне обоснованному замечанию Ипполита Делейе, основано не на письменных источниках, а на устном предании, бытовавшем среди многочисленных отшельников и монахов Олимпа Вифинского (с. 628). Нигде больше упоминаний о преп. Константине не обнаруживается, только Синаксарь под 26 декабря содержит резюме этого же самого текста. Настоящее житие — один из лучших источников, наряду с двумя житиями преп. Иоанникия Великого, передающих атмосферу этой уникальной иноческой общности, столь непохожей на ту, что в следующем веке начала складываться на горе Афонской. Как ни странно, автор сдержал свое обещание не увлекаться риторикой (подобные заявления у византийцев часто означают нечто прямо противоположное), но это, как представляется, не повредило литературным качествам текста, самое замечательное из которых — живость изложения. Заслуживает внимания и мастерство, с каким автор присоединяет друг к другу бесконечные новеллы о чудесах святого. Некоторые особенности стиля были сохранены даже в ущерб «гладкости» — например, частое и далеко не всегда уместное употребление указательных местоимений (ἐκεῖνος в оригинале, «тот» или «этот» в переводе).

Перевод выполнен по изданию: De S. Constantino quondam Iudaeo, monacho in Bithynia / ed. H. Delehaye // Acta Sanctorum, Novembris, vol. 4, Bruxelles, 1925, p. 627—656.

В переводе обеих Житий цитаты из Св. Писания даются, как правило, в синодальном переводе, однако в случаях расхождения его еврейского масоретского оригинала с переводом 70-ти (Сеп-

* Здесь скрывается серьезная переводческая трудность. Византийцы не могли назвать «иудеем» или «евреем» христианина, независимо от его происхождения. Греческое выражение «ἐξ+ род. п. множ. числа» в данном случае означает «бывший», однако по-русски оборот «Константина, бывшего иудея» звучит диковато. Можно сказать и «Константина, в прошлом иудея».

туагинтой), т. е. греческой версией, которой пользовались византийские авторы, соответствующие места адаптированы с принятого в Русской Церкви церковнославянского текста, оригиналом которого была Септуагинта. В отдельных, крайне редких случаях, когда цитата должна быть хорошо знакома читателю по ее литургическому употреблению или по ежедневному молитвенному правилу, она приводится по-церковнославянски.

В угловые скобки <> заключены слова, добавленные переводчиком там, где дополнение по смыслу допускает и другие варианты. Самоочевидные дополнения, вызванные стилистическими соображениями (например, подстановка существительного вместо местоимения и т. п.), никак не оговариваются.

1. Деяния святых воздвигнуты Божественной благодатью как некое полезное пособие в жизни, словно некие маяки, зовущие людей к добродетели как моряков — к спасению, и повествования эти, будто со столпов объявляющие об их свершениях, обязательно должны быть записаны. Ведь у некоторых и узаконено чтить героев статуями, не только из-за того, что отличие вещества придает больший блеск первообразу, но и потому, что доблесть через изваяние как будто бы обретает бессмертие в памяти, будучи провозглашаема, и словно подстегивает зрителей более ревностно стремиться к ней. Ибо доброй природе свойственно некоторым образом подражать тем хорошим вещам, которые она видит, и направлять свою жизнь по прошлым благим примерам. Поскольку же и наше время принесло нечто необычайное, великого мужа Константина, который старался не уступить первенства тем, кто прежде отличился добродетелью, а наших современников, я думаю, всех превосходил в ней, давайте водрузим нашему герою словесное изваяние в этом¹ духовном театре, не телесный его облик высекая низменным ремеслом из земнородного вещества, но самим словом, которое ценнее всякого вещества и изобретательнее всякого искусства, изображая красоту его души. Ведь статуи передают телесное строение, и более ничего, и то не полностью, а слово в рассказе не только показывает все душевные красоты, но и род, и нрав, и воспитание, и словно живописует перед взором внимающих все, какие есть, наилучшие поступки.

Начну же я речь с того, с чего необходимо начать, желая восхвалить сего мужа не по правилам риториков, но скорее по истине, которой и те хвалятся — а прежде, чем приступить, приходится

¹ Автор жития употребляет местоимение αὐτός в значении указательного, как в современном греческом языке.

мне подивиться величию свершений нашей безупречной веры, и тому, как Спаситель мира теми же самыми способами и издревле, и теперь в Своем человеколюбивом расположении устрояет спасение каждого, делая из гонителей благовествователей, из богохульников богословов, и из неверного рода не только верных, но и ведущих равную ангелам жизнь и в божественной ревности становящихся Павлами из Савлов по небесному призванию. Ибо боговещанный муж, предмет нашего слова, воспитанный в ветхом и истлевающем и законе, и человеке (ср. Еф. 4:22), но переменявший эту веру и уверовавший Христу, Совершителю закона, достиг таких высот добродетели, что и пророческому дару не остался непричастен, и по-апостольски проповедовал Евангелие благодати своим сородичам, неверующим и возражающим, и с мученическим сознанием жил, не отказываясь подвергаться даже смертельной опасности за истину, потому что соплеменники бранили его и грозили смертью, пусть и не открыто и прямо, но как обычно исхитряется умудренная во зле неверная часть. За это он стяжал тем большую славу, идя подвижнической стезей и ни в чем не отставая от Илии и Иоанна, из которых один был предтечею первого Христова прихода, а другой — второго Его страшного пришествия. И надлежало ему, дойдя до конца, получить почесть *вышнего звания* (Фил. 3:14) и быть принятым устройтелем состязания Христом *в лоно Авраамово* (Лк. 16:22), не по обрезанию или необрезанию, но по благодати веры и второму рождению божественного крещения, через которое он, совлекишись ветхого человека (ср. Кол. 3:9), облекся в нового, не исказив красоту образа, но сохранив ее всецело без ущерба, за что и нужно воссылать вящие хвалы. И вот после такого предварения речь в дальнейшем изложит все подробности, а я, немного вернувшись назад, расскажу по порядку, предоставив его заступничеству направлять слово, кто, откуда, и

каков был этот боговецанный человек, и какой степени добродетели он достиг.

2. Родиной его был город Синада, который в качестве митрополии главенствует над всей Фригией. Некогда и многие другие прекрасные вещи были в нем предметом восхищения и гордости, а теперь он, вдобавок ко всему остальному, обогатился и этим мужем в вечнопамятную славу, не столько украшая его от себя, сколько сам украшаясь его добродетелью и свершениями в Боге. Родом же он был из евреев, которым мрак неверия издревле преграждает взор и не позволяет принять Христа как чаемого Спасителя. Оттого-то муж этот тем паче достоин уважения и похвал, что, родившись от таких людей, он в совсем юном возрасте стал сам свершителем собственного спасения, оказавшись безошибочным судьей истины и не имея от родительской помощи ничего, что содействовало бы правой вере. Ведь те, кто происходит от верующих родителей, с самого младенчества наставленные в образе поведения, повинувшись назиданиям, а также и приказаниям родителей, имеют помощником в добре и само воспитание, и с младых ногтей наставление — а кто совершенно чужд вере и не вкусил ее, а вернее, напротив, противился ей и кого сами родители учили иным мнениям, если такие люди, взвесив подлежащее суждением ума, выберут лучший удел благочестия и примкнут к нему, распрощавшись с противниками его, то именно они по справедливости совершат прекраснейшее и благоугодное как Богу, так и всякой боголюбивой душе дело, вызывая заслуженное восхищение тем, что выбрали благо не без испытания, но по разумному суждению.

3. Итак, Освятивший Иеремию во чреве матери (Иер. 1:5) возжег огонь Божественного Духа в нем, происходившем от

таких родителей, чьи прозвания мне недосуг записывать, потому что их имен нет и в книге жизни, и пребывавшем в детском возрасте, хоть он и был более, чем ребенок, — в ведомом Ему даже прежде рождения, — и душевное жилище, понемногу выметаемое и очищаемое, стало воспринимать сияние Христовой веры, каждодневно приурочиваемое к принятию благодати и возрождения. Что-то он сам позволял видевшим предугадывать, держась благих обычаев Христовой веры еще до крещения, а в чем-то и Бог показывал силой предведения, как он воссияет и насколько преуспеет в добродетели: ибо говорят, что при самом рождении младенца повитуха, принимавшая, как полагается, роды, видела некое нешуточное знамение, когда ребенок только что вышел из чрева, — и это указание на великое его будущее побудило повитуху сказать нечто о нем, что, дескать, этот ребенок весьма возвысится в жизни и приобретет большую известность. А высказала ли она это, усмотрев нечто природное (ведь для повитух такие признаки не составляют тайны), или по Божественному наитию, я сказать не могу — только что слово это сбылось, и высота добродетели сделала его известным почти что повсюду. Но это чудо воспоследовало, уже когда он сделал лишь первый вдох. Поскольку же великий этот муж был в обучении смышлен и не оставлял желать лучшего, и овладел грамотой и еврейским наречием, он стал стараться тщательно изучать Ветхий закон, может быть, посвященный в Писание заботами родителей — к их собственному обличению — но большую часть давала благодать (как же иначе?), пока он был еще очень юн и по простоте рассудка не мог приняться за более совершенные вещи.

4. Когда он так воспитывался, его мать тоже получала о сыне много знаков, которые предвещали, что он станет христиани-

ном — поэтому она терзалась в душе, и, с одной стороны, горела материнской любовью, а с другой, запуганная иудейским заблуждением, желала ненавидеть сына и осыпала его бранью, предзнаменуя, что он вот-вот оставит родителей и их обычаи. А что неверной душе часто бывает Божественное предвестие, свидетели тому Фараон и Навуходоносор, которым от Бога во сне было возведено, первому — о тогдашнем голоде, а второму — о его собственном падении. Но такие предзнаменования были даны о нем, отчасти через него самого, отчасти через других, когда он еще был связан узами родительского неверия.

5. Теперь же пора вновь взяться за повествование о том, как он совершенно отрешился от иудейской суетности и всецело принял веру Христа, Царя и Бога. Ибо Бог, желающий, *чтобы все спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2:4), многообразно устрояя человеческое спасение, показал и здесь действительность Своего человеколюбия, и началом и основой соединения этого дивного мужа со Христом стала некая причина, обильно исполненная Божия попечения, хотя дело это и кажется какой-то малостью. Оканчивался расцвет лета, и рынки ломились от плодов, выложенных на продажу, — и он проходил мимо, восхищаясь предлагаемым товаром, а какой-то торговец овощами стал зевать, и сразу, как только открыл рот, запечатлел его крестным знаменем, как это в обычае у христианского собрания, освящать даже внутренности при зевке. Итак, блаженный, заметив его, и сам в ту же минуту по некоему промыслению охваченный тем же позывом, одновременно с зевком запечатлел уста крестным знаменем, подражая увиденному. И это он сделал один раз — а поистине божественное это знамение, похоже, отобразилось на всем теле, ибо он увидел

себя целиком запечатленным честным крестом нестираемым образом. И он подивился силе знамения, и, еще не удостоенный божественного крещения, стал с горячей верой поступать как христианин, и путешествуя, и ложась спать с призыванием почитаемого христианами Христа Спасителя. С этого-то времени и проявилось в нем проросшее божественное семя веры. Справляли евреи некий свой праздник, а случилось так, что и благочестивый народ устроил литанию, потому что было почитаемое торжество. И когда он шел с матерью в еврейскую синагогу, встретилось им на улице это шествие — и он, словно вне себя, не обращая никакого внимания на мать, стал пристально глядеть на честной крест и просить Бога, чтобы ему узнать его силу. И снова явилось отроку необычайное и удивления достойное знамение: как будто молния, вылетев из знака креста, достигла его лица, и кажущийся огонь превратился во влажное облако, из которого некий кроткий и исполненный услады голос поведал ему христианские таинства. Мать же, взглядевшись в лицо мальчика, увидела его сияющим и облеченным невыразимой красотой, так что при виде этого ее охватило изумление, и с тех пор она удивлялась силе видения. Он же, восприняв явившееся на нем озарение как какой-то Божественный знак, постарался сохранять чистоту и провел несколько дней без пищи, думая вообще не осквернять небесную благодать земными делами, если бы это было возможно.

6. Таковую божественную любовь вложило в него это зрелище, с самого исходного рубежа насытив совершенными вещами — а так же ли, как того Павла, который взошел даже *до третьего неба* и *слышал неизреченные слова* (2 Кор. 12:2,4), и стал солнцем вселенной, я сказать не могу — только что попечение Божие о людях видится мне каждодневно изливающимся чело-

веколюбовиво и изобильно. Ибо беспредельная Божия благость не переставала и потом тысячами чудес устроить спасение этого мужа, и слово, рассказывая далее о его чудесах, я знаю, у многих вызовет изумление. Как-то, уже будучи в юношеском возрасте, шел он мимо, и некая еврейская девушка бесстыдно набросилась на него, одержимая сатанинской похотью. И она бесновалась от страсти, а он рассудил про себя снова изведать на опыте Христову силу. И он запечатлел девицу знамением креста, а она тут же упала наземь и лежала мертвая и безгласная. Увидев это, юноша удивился случившемуся и удостоверил вторым чудом первое: и снова, запечатлев крестным знамением лежащую и почти что мертвую, он взял ее за руку и поднял здоровой и целомудренной, как и прежде, не имеющую понятия, что произошло.

7. Таковы первые шаги нашего героя, и таким чудом Бог украсил того, кому вот-вот предстояло стать горячим Его служителем. А затем ² по устроению о нем благодати свыше он, будучи свободен от отцовского христоненавистнического нечестия, потому что родитель его покинул этот мир, так же отрешился уже и от материнских уз, когда заболела его мать, под чьей опекой находился юноша — ибо смерть унесла ее. Когда же нужно было предать тело земле, сын, плача, шел в погребальном шествии, повинувшись, наверное, закону природы — и, оказавшись вблизи церкви мученика Трофима, чьи страдания за Христа община восхищенно почтила честным храмом, воздвигнув его на некоей широкой улице, он увидел, как прославленный этот мученик в торжественном облике

² Ἐπεὶ здесь невозможно понимать как союз. По всей вероятности, необходимо исправление: ἔπειτα.

вышел из собственного храма, коснулся его волос и доброжелательно произнес: «О, юноша, не оплакивай мать, которая отказалась от собственного спасения; не будь рабом мертвой природы, получив уже залог благодати». И как только это было сказано, юноша, словно вне себя, сразу же перестал плакать, и у него не осталось больше никакой боли от любви к матери — но как огонь пожирает лен, так слово мученика мгновенно уничтожило горе в его душе. Таково было первое расторжение мирских связей; таково восхождение к поистине Божественному родству, через которое его душа, очищаясь от житейской грязи, явила сияющую красоту.

8. Итак, после ухода родительницы близкие его родственники, стараясь позаботиться о юноше, спешили связать его брачным союзом, не находя, как это обычно для евреев, ничего предпочтительнее в отношении благочестия, чем быть рабом плоти и рожать детей. И они в этих своих усилиях принялись за дело, а он, поскольку его толкали на это против воли, когда обручение уже состоялось, а все прочее ожидалось, сделал нечто премудрое и стоящее выше плотской связи. Но и это тоже не без благодати свыше. Ибо он старался сохранить себя неоскверненным брачными узами, а Божественная благодать содействовала чуду и исполнила волю Своего служителя. Ибо когда был устроен пир, и угощение гостей близилось к концу, они, поскольку услаждались мирскими благами, стали принуждать юношу увеселить присутствующих прыжком (ведь он был очень легок и подвижен, превосходя всех своих сверстников в игре крепостью и хорошим телосложением, и умел скакать быстрее оленя — думаю, потому, что естество его сопутствовало его склонности к добру, и естественная красота телесных движений указывала на сверхъ-

естественное движение души к добру). Когда же он приготовился прыгать, он увидел, как мощная рука взяла его за бедро и удержала от прыжка — а когда он дважды и трижды попытался сделать то же (ибо он, хоть и против воли, повиновался заставлявшим), то привидевшаяся рука столько же раз появлялась и удерживала его от прыжка, так что зрители удивлялись, не понимая, что у него на уме, а он еще больше пылал любовью ко Христу и считал происходящее Божественным промыслом. На этом тот пирующий синедрион и разошелся.

9. А по наступлении ночи тогдашние его близкие стали уговаривать его подчиниться закону природы, сочетавшись с супругой, — но нашли его в этом тверже алмаза. Ибо Божественная любовь затмевала любовь тела, и замышляемое бегство от мира заставляло считать все мирские удовольствия враждебными, неприятельскими и ведущими к гибели. Посему доблестный этот муж, снова избежав откровенного объяснения³, вышел из дома и, вверив свое бегство стремительности ног, удалился. И некая сила, не видимая зрением, но очень хорошо ощущаемая в действии, взяла его за макушку, приподняла от земли и в один прыжок перенесла юношу на расстояние брошенного камня. Когда же тот встал ногами на землю, она, снова приподняв, опять перенесла на столько же, а ко второму прыжку добавила и третий, промолвив: «Отправляйся, юноша, в небесный путь». Но приподнимавшая сила, сделав это в третий раз, остановилась, — наверное, наставляя его в Троической благодати. А он, сочтя случившееся чем-то божественным и как бы пособием в его за-

³ Принимаем рукописное чтение $\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\kappa\lambda\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$ вместо издательского исправления $\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\beta\lambda\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$.

мыслах, еще усерднее предался бегу, стараясь убежать от мирских уз и породниться лучше с Богом, и быть причисленным впредь к Его уделу вместо мирской суетности.

Итак, удостоенный такой благодати творящим все к пользе Божественным промыслом, он шел, радуясь и полагая главным предметом стараний стать совершенным в вере посредством крещения. Поэтому, прежде чем войти в Никею, он, чтобы город не смутил его благочестивых помыслов, остановился в каком-то селении неподалеку. И стало это селение для блаженного как будто горой Синайской. Ибо внезапно его осенило облако, окутав, словно хитон, от макушки до чресел, — а из него раздался кроткий и спокойный небесный глас, предвозвестивший всю его жизнь, и прошедшую, и будущую. От этого-то, я думаю, в нем, удостоенном пророческой и божественной благодати, до конца жизни действовал Божественный Дух, и он заранее видел грядущее, будто настоящее.

10. Однако и после этого не рассеялась та небесная и божественная благодать, но по-прежнему облако оставалось облаком, а вернее, оно наподобие огненного столпа руководствовало уже ставшего близким Богу по благодати к Божественной воле, и, следуя ему, где бы он ни был, полагая это Божиим велением, блаженный пришел в некую душепопечительную обитель. Называлась же она Флувуги, и в ней просияла добродетель величайших мужей, со тщанием проводивших подвижническую жизнь. И оказавшись возле ворот этого божественного пристанища, он дал телу отдых с дороги, а душой был в постоянном движении, в горячем порыве вождедея достичь благодати крещения. А поскольку душевная забота побеждала телесную истому, он провел всю ночь без сна, вместе и общаясь с Богом влечением разума, и моля Его о грядущем, чтобы его де-

ло завершилось благоприятным и богоугодным образом. Когда же заулыбалось утро, и приставленный к тому человек должен был открыть ворота монастыря, о прибытии блаженного было возвещено наставнику тамошних душ. Вошел он внутрь обители и рассказал о себе и о том, как Бог руководствовал его, чтобы он пришел к здешнему поселению, ведомый облаком.

11. А так как его рассказ вызвал у предстоятеля изумление, он, отвечая на вопросы, рассказал тому и все остальное из случившегося прежде, и как он изначально получил благодать, огладившись крестным знаменем, и о материнских предвидениях о нем, и (чтобы не тратить времени, излагая все по отдельности), какую благодать и промысел стяжал он доселе. Тут дано было о боговещанном этом муже некое знамение, способное показать немалое Божественное попечение о нем, — ибо пока он это рассказывал, спрашивавший, желая на деле проверить истину слов, велел принести крест и приказал блаженному приложиться к нему. Когда же тот со страхом целовал основание креста, честное это орудие, приклонившись к голове блаженного всем столпом и перекладиной, наложило на его голову крестообразный отпечаток, который, сохранившийся неизгладимым до отхода его к Богу, он показывал всем, как свидетельство тогдашнего происшествия. Ибо такие дары, превыше и самого естества, Бог доставляет возлюбившим Его.

12. Когда же присутствующие увидели это чудо, все они были поражены, а более всех тот наставник, так что из-за этого он, опять-таки, стал усматривать в нем нечто великое, а поэтому спрашивал с большим жаром, чтобы узнать мысли блаженного. А тот отвечал: «Отче, я не в силах как подобает поведать о сверхъестественности великого обо мне попечения Божия и о

том, каким образом я сюда добрался. А так как нужно мне принять символ Христовой веры (потому что вожделением этим я пылаю смолоду), не откладывая более, но сделай меня совершенным через божественное крещение и сотри с меня прадедовскую грязь, потому что я отвергаю вместе с отчим домом и неверие, бежав от родства и (если следует сказать и остальное) презрев и невесту, и наследство, и всю мирскую суету ради любви ко Христу». Предстоятель, обрадованный этими словами, возликовал душой и быстро исполнил это дело, удостоив просителя божественного крещения и дав ему имя Константина, по просьбе самого совершаемого, что есть немалозначительный признак христолюбивой души — желать украситься прозванием ниспровергателя всякого христоненавистного учения. Когда же божественная купель его обрела благоприятное завершение, блаженный не замедлил уже и принять знаки подвижнических трудов, но одновременно и через возрождение очистился от скверны рождения, и пустился в дорогу, ведущую на небеса, я имею в виду почтенную схиму иноческой жизни — и стал он и в этом вернейшим и никому не уступающим подражателем возлюбленного Христа, после крещения удалившись от мира и вступив в борьбу с искусителем.

13. А о том, что случилось, что было выше естественного порядка вещей, но, возможно, скромно по меркам беспредельного могущества благодати, которую Спаситель мира излил на возлюбивших Его и в особенности на дивного этого человека, я сейчас расскажу. Ведь не расступилось перед ним море, и после прохода спасенного не погибло египетское войско, но в возрождении блаженного водою и духом и в отречении от дедовского греха через небесное обетование, после того, как, погрузившись в купель, он вышел из нее, укрепляемый Боже-

ственным Духом и в первый раз ступил на землю, следы его честных ног оттиснулись и запечатлелись в том месте, необычайностью происшедшего я думаю, знаменуя для грядущих времен в непреложном знаке истинное присещение на него Пресвятого Духа и вечно пребывающую благодать Попечителя всеяческих Бога. Если же кто-нибудь сомневается в рассказанном, то, придя в то место, он изведает истину на опыте, как и другие, медлившие верить Божественным чудотворениям, которые Бог каждодневно являет в святых Своих, твердо удостоверились, убедившись на опыте.

14. Если же ставшего истинным и подражателем, и последователем Христовым, принявшего крещение во имя Его и через то очищенного от прегрешения предков, чтобы сразу идти в пустыню и бороться с искушителем, руководствуясь Христовым законом, и победить его со всей силою, и сделаться спутником Учителя и сопричастником Его в славе — так вот, если действие на нем Божественного Духа, пожелав прославить его, запечатлело следы этих священных ног, то пусть никто не удивляется, если допускает, что друзья Божии могут даже горы переставлять верой (1 Кор. 13:2), и верит, что Владыка Христос обещал своим ученикам, что они будут творить дела бóльшие, чем Он творил Сам от Себя (Ин. 14:12). Ибо много такого, и еще большего обнаруживается в повествованиях о тех, чья жизнь была столь великолепна в Боге.

Но доселе течение слова шло у меня более прямо и в нетяжких трудах, а как бы мне справиться с последующим, чтобы достойно рассказать о величии подвигов сего блаженного или поведать множество благодатных его даров, которыми увенчал его возлюбленный им Христос и которыми он поражал всех наблюдавших его богоугодную жизнь, даже если их очень трудно было

удивить? Ибо он старался преуспеть во всех добродетелях, так, как кто-нибудь другой — только в одной, а во всяческом подвижничестве стяжать первенство среди всех, словно некий хороший бегун, стремящийся к награде за победу над всеми соперниками и желающий угодить устроителю состязания Христу, от Которого он и ожидал получить достойный венец за труды.

15. Итак, началом и преддверием такого ристалища стало для него непревзойденное послушание, через которое ведущие иноческую жизнь обыкновенно достигают всяческой добродетели. И обретя хорошего руководителя в трудах, он стал хорошим учеником, так что своим рвением к добру приводил учителя в удивление. Ведь у людей в обычае измерять день двенадцатью часами — а он каждый час, словно начиная другой день, возносил долгие и усердные песнопения Богу, за которыми следовали молитвы, почти смыкавшиеся с наступавшими песнопениями часов, так что ⁴ на нем исполнялось Давидово речение, ибо язык его поистине целый день проповедовал Божественную хвалу (Пс. 34:28). И вот, двенадцать раз на дню исполнив предстояние перед Богом, он и ночью не пренебрегал тем же занятием, но как только наступала ночь, ночные песнопения сменяли дневные, и каждому часу и тогда был посвящен особый гимн и при нем молитва, так что муж этот почти без сна во всеобщем стоянии творил эти усердные и самих ангелов изумлявшие молитвы, к которым он присовокуплял и общие вместе со всей братией богоугодные труды, в утренних бдениях и прочих канонических установлениях.

16. И пусть ни у кого не возникнет недоверия ко мне, рассказывающему вещи, в которые трудно поверить, пока не получит не-

⁴ Принимаем чтение $\omega\varsigma$ вместо $\delta\varsigma$ у издателя.

сомненного удостоверения его природы и рвения от доподлинно знающих его подвиги — потому что я настолько далек от сомнения, насколько достоверное подтверждение о его делах получил от его спутников. Ибо он был настолько усерден в посте, воздержании и в прочем божественном сонме добродетелей, которым обычно украшается иноческий чин, творя из человеков ангелов, что, казалось, не пропускал даже самой малости, но считал величайшим ущербом, если в его подвигах неостанет чего-либо из совершенного теми великими и прославляемыми за это знаменитыми людьми. И если он где-нибудь слышал о каком-то виде добродетели, он старался осуществить его со всяческим рвением, и с древними он соперничал, а нынешних современников стремился превзойти, и просто-напросто через недолгое время стал казаться большинству ангелом, а не человеком, поражая собеседников провидческой тонкостью ума. Ибо прекрасным плодом таких трудов видится множество чудес из дарованных ему Богом, о которых я сейчас и расскажу, опять-таки, в простом изложении, избегая пестроты речи.

17. Великий этот человек Божий был усерден не только в духовном, но и в служении братии, и поскольку он знал апостольское слово, которое праздному от работы не велит и есть (2 Фес. 3:10), он занялся не каким-либо другим ремеслом, но именно апостольским⁵, так что если и оставалось какое-то время от молитвы, он тратил его на работу и, будучи сопричислен приставленным к этому делу, он с душевным рвением держал сапожный нож и шил кожи, обувая ноги братии собственным рукоделием. И телесная сноровка, соеди-

⁵ Св. ап. Павел, как известно, шил палатки. Здесь в более общем смысле кожевенного ремесла.

ненная с природной ловкостью и послушанием, делала этого работника дорогим для всех.

18. Духоносное же действие души являло этого мужа неким чудом для товарищей по труду — ибо когда он каждодневно в почасовых молитвах беседовал с Богом, помещение, в котором он работал, наполнялось величайшим благоуханием, и притом таким, с которым, казалось, не сравнится ничто в жизни. Поскольку же присутствующие недоумевали, что происходит, они стали тщательно примечать и, так как одновременно с благоуханием видели блаженного Константина выходящим на молитву и наедине общающимся с Богом, они поняли, что причина этого дела не в чем ином, как в нисхождении на него свыше Божественной благодати Духа, так что с тех пор они за него воссылали славу Богу, прославляющему славящих Его (3 Цар. 2:30), а сами позаботились о том, чтобы провожать блаженного на молитву, преклонив голову, и каждый раз просили помянуть их. Ибо такими чудесами столь возлюбленный Христос с юности одарил возлюбившего — и потому тот все более и более преуспевал, постоянно прибавляя к одним добродетелям другие и умерщвляя тело не только постом, но и бдением, вызывавшим великое изумление у слышавших — ибо целых шесть лет каждую ночь, после того, как братия засыпала ⁶, он шел в молитвенный дом и приступал к непрерывному чтению. Знать же о такой добродетели он предоставил лишь Всеведущему, а от братии старался скрыть, стремясь таким образом не быть честолюбивым. Поэтому одновременно с утренним призывом, когда братия вхо-

⁶ Видимо, порча текста: нужно ἀφύπνισθηναί, «засыпала», вместо διπνισθηναί, «пробуждалась».

дила в церковь, он незаметно выходил из врат храма и, вернувшись, входил снова вместе с братией, и тогда уже совершал общее славословие Богу, так что стояние его было всемогущим в совершении то почасовых молитв, то примыкающих к ним чтений и обычного правила.

19. Случилось и здесь нечто необыкновенное, хоть и не невероятное, если совершается теми, кому помогает всемогущество Божие. Ибо когда однажды ночью этот великий подвижник пришел к Божию храму, чтобы совершить в одиночестве обычную молитву Богу, а так называемые царские врата⁷ были закрыты, как и полагается еkkлесиарху заботиться о сохранности, преподобного охватила словно божественная жажда совершить молитву внутри храма, может быть, потому, что в горячей своей вере он полагал, что в месте, более близком к священному святилищу, он обретет через молитву более обильную благодать приближения к Богу. И что же верный слуга? Он со дерзновением обращается к Владыке и словами высказывает сердечное желание Знающему его даже прежде слов; просит доступа в храм: «Владыко, — говорит он, — не повредивший в Своем воскресении печатей на гробе, явившийся Своим святым ученикам при затворенных дверях, как захотел, открой и мне двери Своего храма, человеку грешному и ничего не стоящему, но дерзающему верой в Твою всемогущую волю — ибо ничто не противостанет Твоему желанию. Этим же Ты вселишь в меня веру, что Ты не закроешь предо мной и двери Своего Царствия, и дашь мне уверенность, что я не обманусь в надеждах на спасение». Так молился блаженный, обливаясь слезами; Тот же, Кто близок

⁷ У византийцев — двери из притвора (нартекса) в храм.

к призывающим Его в истине и внимает их молениям (Пс. 144:18,19), сразу явил ему двери отворенными. А он, взглядевшись, преисполнился изумления и радости, и тут же радостно вошел и начал обычные молитвы. Но наступила полночь, и блаженному нужно было возвращаться с молитвы. И он прошел обратно, а двери оказались закрытыми, как и прежде, сойдясь вместе и показывая, что они нерушимо стерегут этот священный Божий храм, как им и было вменено церковным смотрителем. И многие, хорошо знающие его, твердо свидетельствуют, что муж этот не однажды сподобился такого зрелища, но и много раз. И что удивительного, если Отворивший некогда врата темницы Своим ученикам (Деян. 5:19) и здесь, руководствуясь тем же самым обыкновением, приказал, чтобы исполнилось *желание боящихся Его* (Пс. 144:19)? Ибо у Него в обычае, удостоверяя старые чудеса новыми, творить удивительные вещи в каждом поколении.

20. Посему кто, слыша о таком, не удивится стойкости этого мужа, не изумится жару его любви к Богу, не возлюбит труды его и не приветствует богоугодные эти и равноангельские занятия? Кто не восславит Творящего ангелов из людей, так прибегающих к Нему с горячей душой и всецело отдающих себя вышнему упованию? Ибо в такой мере изливалась с его уст благодать предведения, что каждый из братьев монастыря узнавал в намеках, каков он есть по жизни. Ибо ему казалось, что он видит каждого из братьев строящим как бы медвяные соты в каком-то месте храма, и одни собственным усердием увеличивали строение, а у других оно уменьшалось из-за нерадения. И видение этой притчи действительно показывало дела более ревностных и более нерадивых тому, кто хотел рассмотреть жизнь тамошних иноков. Поведав же об этом

видении игумену, он получил повеление никому не рассказывать о нем, а Богу воссылать благодарение за такую благодать — ибо зрелище это было открыто ему не во сне, но как бы наяву, и он, я думаю, превзошел таковыми дарами многих, снискавших известность такого рода благодатью.

21. Из-за этого появилось у него влечение к безмолвию в пустыне — и он разрывался в душе между тем, чтобы не оставлять ристалища, на котором он начал свои труды, и тем, чтобы всецело стать Божиим, отрешившись от всякого вещественного пристрастия и воспоминания, и, если возможно, обнаженной душой совершить еще при жизни воскресение к Богу, подражая жизни Илии и Иоанна. И о возникновении прочих помыслов он исповедовался игумену, а этот решил скрыть, желая получить лишь в том испытание Божия благоволения в отношении своего намерения, что, если Он хотел бы, чтобы слуга Его достиг желаемого, Он подвиг бы наставника первым завести с ним речь о безмолвии. Итак, когда блаженный так рассудил об этом деле, Бог, исполняющий желание боящихся Его (Пс. 144:19), опередил богоугодный замысел, и он, исповедуя помыслы, просил учителя поразмышлять о них, а тот, оставив подлежащее, повел с учеником речь о безмолвии, может быть, даже против желания, как он после беседы рассказывал о происшедшем с ним, что когда он хотел поговорить о других вещах, у него невольно завелась речь о безмолвии, так что чудо с учителем было не меньше чуда с учеником. Итак, исполнившись надежды на безмолвие, и узнав Божию на то волю из побуждения наставника, и будучи ненасытен в благоугождении возлюбленному Владыке, он ждал, чтобы получить ясное веление от Бога, посылающее его на исход в пустыню.

22. И вот, человеколюбивый Господин сего верного раба, некогда воззвавший к Павлу с небес, вскоре исполнил и нынешнее его желание, и призвал его небесным гласом, и повелел уйти в горы, где он, служа Ему, имел бы Его руководителем и пособником в трудах. И бывший блаженному глас с небес говорил так, а он, соблюдая непреложность послушания, постарался совершить исход в пустыню с согласия наставника и, придя к тому, просил об исполнении своего желания, однако не хотел рассказывать о Божественном вещании. Тот же откладывал и не позволял ему уйти из монастыря, и он часто просил и настойчиво умолял дать ему молитву на исход, ссылаясь для убедительности на двенадцатилетнее пребывание в монастыре с таким желанием, а тот, считая потерей исчезновение такой звезды со своего небосклона, еще больше тянул время — а в конце концов Божественная благодать, рассмотрев, похоже, состязание тех и других помыслов, отдала победу ученику, учителя же заставила даже против воли признать поражение, чтобы первый отправился на подвиги в пустыню с благословения наставника, а второй не оплакивал утрату такого блага. Засим один дозволяет, не думая, что делает это, а другой, достигнув желаемого, прощается с братией и уходит, провожаемый, словно с земли на небо.

23. Когда же наставник осознал, что блаженный ушел, он оплакивал разлуку, но удивлялся, как, не желая этого делать, он дал свое согласие — и поэтому, сочтя происшедшее Божией волей, он благодарил Того, Кто увенчал Своего слугу такими добродетелями и дарованиями. А того приняла гора Олимп, проводившего дивную эту жизнь во многих трудах добродетели и в посте, который из-за чрезвычайного воздержания от пищи являл его почти бесплотным, так что все насельники монасты-

ря, слыша о таком его житии, воспринимали это как украшение и гордость собственной обители. Но поскольку, как обычно, не знаю почему, в духовный чин проникает зло ничуть не меньше, чем в мирской, и удел Божий бывает захвачен им — а это козни вечно завидующего добру — сменился во Флувутийском монастыре игумен, и один отправился в столицу, а другому было вверено управление обителью, человеку, может быть, в других отношениях неплохому, но в знании добродетелей каждого из пасомых пока что неопытному. Тот, услышав об уходе блаженного в безмолвие и позавидовав известности его добродетели, навел искушение на блаженную эту и сравнимую с древним Иовом по безупречности во всем душу, то ли потому что Божество усмотрело нечто об этом доблестном муже ради испытания добродетели, то ли, что есть предмет еще больших венцов, не остался тут в стороне и диавол⁸ — ибо подстроил злоумышление некто из соплеменников-евреев, чтобы он, оскорбленный, вернулся к отеческому заблуждению (ведь евреи часто замыслили это против блаженного). Как бы то ни было, были посланы люди, чтобы привести подвижника, как беглеца. И придя на Олимп и приступив к жилищу блаженного, они немедленно схватили его и привели к тому начальнику.

24. Тот же, не замедлив (ибо, одержимый страстью, он, похоже, держал ум под пятой — и потому стал орудием этого сатанинского замысла, хотя следовало бы постыдиться столь прославленной добродетели), заключил его в место наказанных, и многими считаемый за образец безмолвия был осужден судом бессудным как злодей и беглец. И не только это, но и, как бы снова уступая гневу, он даже заковал эти святые ноги, попи-

⁸ Перевод по моей конъектуре — *λειπομένου* вместо *λειπόμενον*.

равшие умопостигаемых змей и скорпионов, в железные кандалы. Тот же, принимая все с благодарностью, говорил, что должен благодарить так обошедшихся с ним, по двум причинам: из-за уничтожения здешней его славы, у которой в обычае часто вредить добродетели подвигающихся, и из-за венцов, доставшихся ему за то, что он удостоился пострадать ради добродетели и стал общником Владыки Христа по несправедным узам, казалось бы, не вовремя, однако своевременно.

25. Поскольку же страсть, успокоившись, оставила того начальника, а вернее, сатанинский приступ не достиг ожидаемой цели из-за благодарности блаженного в страданиях, он пришел в себя, осознав нелепость совершенного, и освободил его от железных кандалов и выпустил из темницы наказанных, и, словно оправившись от исступления, стал жалостно молить блаженного и, исповедуя грех, просить прощения и сопутьствующей ему епитимьи, какова бы она ни была. Великий же Константин, и в этом подражая возлюбленному им владыке Христу, сказал, что скорее будет молиться за тех, кто доставил ему вознаграждение, и что не зачтется грех, который они совершили в неведении. И многим другим утешив просителя, он убедил его быть уверенным, что ему будет прощен этот проступок и что впредь совесть его будет чиста, потому что пострадавший присоединится к его молитвам, обращаясь к незлопамятству Божию. Проведя же несколько лет во Флувуги и поразив тамошних иноков преизбытком поста и других трудов, а вернее, оставив там свою жизнь в качестве примера незаурядной добродетели, он вновь приступил к другим трудам.

26. Однажды, когда в час молитвы он имел одесную себя честную икону великого того Спиридона, который украшал ан-

гелоравный сонм отцов-святителей, впервые собравшихся в Никее, и был знаменит многими подвигами за Христа во времена тиранов, а затем и непревзойденной благодатью чудес, тот, казалось, через свою икону заговорил с блаженным во время молитвы: «У тебя есть масло из пустыни — посему зажги мне здесь лампаду и, выйдя из монастыря, отправляйся на Кипр — а я, встретив тебя там, протяну тебе руку помощи». Вот такой глас раздался от иконы великого Спиридона. Он же, приняв повеление словно Божественную заповедь, и в особенности обратив внимание на предписание о масле (потому что у него действительно было масло, оставшееся после пустыни), быстро зажег светильник и, оставив его одному из братий, чтобы тот в дальнейшем наполнял лампаду и ухаживал за ней, и помолившись Богу за такое извещение, вышел из ворот обители, всего себя оградив честным крестом. И едва выглянув из предвратного помещения, он снова услышал от Бога такой глас: «Выходи, не бойся, с тобой Моя благодать». Итак, еще более ободренный таковым гласом, он, который удостоился почти такой же благодати в призваниях, что и небесный человек Павел, отправился в назначенный путь, с великим усердием стремясь прибыть на Кипр.

27. Когда же он пришел в Миры, ему дана была благодать достойного упоминания чуда. Ибо в обычае было у этого мужа избегать больших дорог, наверное, тоже ради безмолвия, а путешествовать более всего неторными и уединенными тропами. И если требовалось, он выходил оттуда к Мирской церкви, чтобы поклониться великому в архиереях Николаю, которого Божественная благодать особо почтила чудесами. Итак, когда он шел туда, ему встретился зверь, свирепейший лев, страшный для живших поблизости и известный у них. Ведь прогретые и открытые

солнцу места обычно порождают и таких животных. Он же, увидев его, стал подзывать, словно собаку — ибо Бог не только доставил ему спасение от зверя, чтобы даже не испугаться, но и благоволил, чтобы ему увиделся не зверь, а собака. Зверь же делал вид, что бьет хвостом, но бежал далеко и отступал от праведника, пока тот уже не мог его видеть, а тот, поистине новый Даниил, промышлением Божиим остался свободен от всякого вреда от него. Ибо чистота и девство умеют сохранять соблюдающих их невредимыми даже от зверей и отгонять таковых, как будто те уважают слуг Создателя. Когда же он, продолжая путь, пришел в некое селение, и жители стали спрашивать у блаженного, как он прошел той дорогой, поражаясь спасению от зверя, потому что тот много раз и на многих прохожих нападал, он отвечал, что ничего ужасного и не видел, и не претерпел, а встретил только собаку, и ту ручную, которая скорее уступала встречным и сама сходила с прямой дороги. А они, почувствовав в этом муже силу Божественной благодати, поздравляли с тем, что он остался жив и упрашивали молиться об их благе, и более всего об избавлении от того зверя, льва, потому что он был вредоносен, но в то время неодолим для местных жителей.

28. Оказавшись же в городе Атталии ⁹, откуда обычно отбывает большинство направляющихся на Кипр, он встретился с человеком, в ту пору весьма отличавшимся в той части добродетели, которая относится к безмолвию. И когда блаженный изложил ему свой замысел, тот убавил его усердие и убедил остаться с ним, а от путешествия на Кипр пока отказаться: и тогда тоже произошло нечто наподобие того, как в древности тому, кого называли человеком Божиим, обманутому

⁹ Ныне популярный курорт Анталья.

пророком (3 Цар. 13:11—24), было испытание, и, я думаю, научение в добродетели — кроме страдания. Ибо благодать отличается от подзаконной суровости кротостью, обращаясь к неверно ударяющим по струнам жизненной кифары не с угрозами и карами, но с духом снисходительности. Ибо не лев послан был на божественнейшего и поистине дивного добродетелью человека, но во сне предстал ему тот великий Спиридон, чье явление вывело его из монастыря, устрашая его некой ангельской силой, браня за трусость и гневаясь на маловерие, и побуждал отправиться в путь на Кипр в убеждении, что повелевающий это будет сопровождать его и усердно споспешествовать в плавании.

29. Такого возвещения удостоил блаженного божественный этот сон. Он же, ничуть не замедлив, а скорее осудив себя за трусость и отсрочку до того времени, взойдя на одно из судов, обычно совершающих переправу, отправился в плавание на Кипр, вверив спасение надежде на обетованное. Тут и случилось нечто достойное рассказа, заставляющее прославлять за него Бога, — ибо когда корабль уже ушел в плавание, и находившиеся на нем моряки, как обычно для таких людей, принялись угощаться, доверившись благоприятному ветру, сильно напились и во хмелю погрузились в сон, соседствующий со смертью, корабль наполнился водой, потому что некое отверстие допустило внутрь эту погибель. Блаженный же, не зная причины, но видя, что вода залила корабль выше середины, попытался спешно разбудить этих легкомысленных людей. А они даже не заметили его криков (да и как же иначе, если они настолько захмелели), но в течение нескольких часов лежали, словно мертвые, и не подозревали о несчастье. Когда же оказалось, что у сего блаженного ничего не получается, он прибег к

Богу, Который часто творит чудеса в таких обстоятельствах, — и он молился, распростерев руки, а вода более не текла, и корабль приподнимался вверх и освобождался от тянущей на дно гибели. И когда некоторые из них чуть-чуть протрезвели и были в отчаянии из-за быстрого погружения судна в пучину, потому что им вот-вот предстояло утонуть, они увидели неожиданное спасение, так как погруженная часть судна своей влажной поверхностью обнаруживала, насколько корабль поднялся вверх. И вот, обретя избавление таким необычайным образом, спасенные после отрезвления приносили Богу обильные слезы и немалое сокрушение, а больше благодарность за необычайное избавление молитвами этого дивного мужа — потому что потом они, отыскав отверстие и заделав его, насколько было возможно, продолжали свой путь, полагаясь впредь скорее на молитву святого, чем на что-либо другое. Он же благодаря содействию благоприятного ветра спокойно завершил плавание и, прибыв на Кипр, сошел с корабля.

30. Когда же он прибыл на остров, он встретил кого-то из местных и, как было заведено у блаженного всегда расспрашивать о вещах духовных скорее, чем о прочих житейских, узнал от него нечто желанное, а именно, что в некоем труднодоступном и обрывистом месте лежат священные мощи святых (они назывались «Явленными»), и что там слышатся звуки священного псалмопения, а поклонение со стороны окрестных жителей таково, что они, презирая эту опасную крутизну, даже справляют торжество где-то недалеко от святых, но только епископ тамошних душ осмеливается приближаться к гробнице и, спустив сверху в эту обрывистую пещеру кадило, доставлять туда благоухание ароматов. Блаженный же, услышав это, без всякого промедления отправился к той священной гробнице, насколько не счита-

ясь с опасностью — ибо ревностные души полагают, что нет ничего предпочтительнее душевной пользы, даже если ей сопутствует и некая опасность. И проникнув в эту обрывистую пещеру, когда солнце уже клонилось к закату, он провел ночь до рассвета у священных этих мощей, почитая их песнопениями и как бы украшая благодать этого священного места безупречной молитвой.

31. И пришло ему желание уйти оттуда не без сопровождения святых — а когда он это обдумывал, увидел он, как некая часть этих святых мощей самопроизвольным движением отделилась от связи с остальными и только что не показывала себя блаженному как его удел и достояние, несущее спасение. Он же, сочтя это Божественным действием, молился Богу за благодатный дар, а святых благодарил за гостеприимство и с любовью и слезами, всеблагоговейно протянув руку, подобрал отделившуюся частицу мощей (это был большой палец) и хорошо спрятал у себя ради неиссякаемого богатства благодати. Так вот это было. Случилось же так, что, пока он лелеял этот священный палец со всякой честью и уважением, к святому пришел один из кипрских монахов, который, узнав, что тот обогатился мощами, решил украсть некую их частицу — настолько в том месте чтили этих святых. Посему он выдумал какой-то предлог, который заставил блаженного пойти к источнику набрать воды. И вот, он ушел, а этот похититель святынь, поискав в корзинке, которую обычно носил блаженный, и найдя священный палец, попытался зубами откусить от него кусочек. И тут из-за дерзости монаха случилось нечто необычайное, ибо блаженному, черпавшему воду у источника, показалось, что у него отрезали его собственный палец, и он закричал от боли, объявляя, что с ним произошло, так что услышал и сам тот вор. Посчитав это за необманный знак истины, великий муж быстро вернулся и обвинил похитителя святынь в

дерзком поступке, и обвинение было именно в том, что он и соби-
рался сделать, покусившись на мощи. Тот же рассказал о своем
деянии, и объяснил, что подозрение истинно, и просил прощения
за дерзость, на которую он пошел из-за веры, и дивился узнав-
шему о тайном деле, и благодарил Бога за ту благодать, которой
удостоился служитель Его.

32. После же такого происшествия ревностный этот монах посо-
ветовал блаженному положить мощи в одном из священных мо-
настырей, который он знал как достойный священного попече-
ния о них. Тот же, поскольку часто был побуждаем от него сде-
лать так, уступил его уговорам и принял решение оставить со-
кровище там — ибо вместе со всеми другими благами ему была
присуща и готовность к благодеяниям. А когда слова были гото-
вы осуществиться на деле, явлено ему было во сне некое возве-
щение, удерживающее от этого поступка, порицающее за благо-
деяние и требующее дать обязательство, что он не расстанется с
теми священными мощами. Он же отказывался отдавать этот
дар и заверял, что не уступит его никому другому, но будет иметь
его спутником всей жизни и здешнего обитания. И когда свя-
щенное то вещание, которое, как показалось блаженному во сне,
восполнило венец семи мучеников ¹⁰, прекратилось, этот бла-
женный человек остался благодарить за Божие попечение о нем
и за дорогое ему сопричастие и сопребывание с ним Его муче-
ников. Вернул и Моисей кости Иосифа, как тот просил, но при-
коснувшегося к мертвецу объявил в законе нечистым до вечера,
может быть, вложив в таинство более глубокий смысл — а ве-
ликий этот человек, столь же почтенный, сколь и сам Моисей, и
удостоился дара того священного пальца, и носил с собой эту

¹⁰ Видимо, имеется в виду, что ему явились семь мучеников.

частицу не как мертвую, но как живую в духе, и она скорее освящала прикасавшихся причастием исходящей от нее благодати.

33. После этого он снова получил некий Божественный глас, когда его позвал к себе тот самый Паламон, который стал знаменит среди подвижников и мучеников, и о чьих подвигах за Христа поведало верным повествование о нем¹¹. Итак, он дал повеление блаженному в таких словах: «Иди, — сказал он, — к моему жилищу и посмотри на мою раку — и трижды преклонив колена с призыванием святой Троицы, прости свою руку без боязни, и я тебе протяну мою десницу. Ибо таково мое решение, чтобы ты взял меня здесь, а доставил туда, куда соблаговолит Промыслитель всего». И вот, услышав такие речи, он со всяческой поспешностью пошел в храм во имя святого Паламона. А поскольку он не знал туда дороги, он забрел в труднопроходимые и тернистые места, принимая, я думаю, как преданный раб, еще одно испытание от любящего Владыки — ибо стопы его и голени до самых колен были сильно изранены из-за впивавшихся колючек и неровностей местности. Мне кажется, это было еще одно искушение Иова, слегка повеявшее на того, кто поистине стал совершен душой подобно тому дивному мужу.

34. А так как тяготы эти все увеличивались, он чуть не истек кровью из ран — и, присев на какой-то камень, отдыхал, чтобы

¹¹ Сведения о св. Паламоне до нас практически не дошли. Синаксарь говорит, что он почил «в мире», т. е. не был мучеником (*Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* / ed. H. Delehaye. *Propylaeum ad Acta sanctorum Novembris*. Bruxelles, 1902, col. 885,58). Есть указания, что он был учителем преп. Пахомия Великого (*ibid.*, col. 685,27). Память 12 августа.

возобновить труды, благодаря Устроителя состязания даже после страданий. И всмотревшись вдаль, он увидел кого-то, идущего мимо (это был пастух, пасший овец в безлюдных местах), захотел позвать его, но не смог из-за слабости. Но помощник блаженного и тут не оставил призванного — он явился прохожему, самолично став вестником, и восполнил то, чего недоставало изнемогающему: «Иди, — сказал он, — пастух, на небольшом расстоянии ты увидишь некоего монаха, заблудившегося в пути и бедствующего на бездорожье, — возьми его и, утешив его уныние, проводи ко мне». Такую весть получил пастух, как он сам вскоре рассказал. И, быстро исполнив повеление, он нашел блаженного, развеял его уныние и, взяв за руку, отвел к храму великого Паламона и, оставив его там, ушел к своему стаду. Блаженный же, войдя туда, где была божественная эта рака священных мощей, и стоя перед гробом со страхом и радостью, сказал: «Ты, незаходящее светило мира, повелел мне прибыть в эту землю и предстать перед священнейшей твоей гробницей — тебе надлежит и исполнить обещанное и дать мне священную руку, чтобы положить ее там, где тебе по нраву». Проговорив это, устремив пристальный взор в небеса и призвав Бога святых, он, как обычно, с горячей душой исполнил повеление — и, трижды преклонив колена и столько же раз обратившись к небу, коснулся этой священной руки. Она же, словно приветствуя друга, отдала ему себя без всякого сопротивления от сустава и стала достоянием богоносного этого и вернейшего мужа, всецело неся свою благодать в части и всецело оставив ее в остальных мощах — ибо благодать не делится вместе с веществом тела, но как остается в оставшемся, так и берется во взятом, потому что разделяемое соединяется невидимой силой и благодатью. Вот что совершил великий Паламон для истинного друга, и, таким образом отдав себя всего

через руку, он и там присутствовал, и блаженному в действии казался живым — ибо благодати несвойственно умирать.

35. Итак, приняв таким образом это поистине драгоценное и чтимое богатство и получив повеление положить его в некоем указанном почтенном месте, он покинул Кипр и, совершив путешествие, прибыл в обитель, называемую Иакинфовой — именно туда ему было заповедано подарить ту священную руку. А в этом месте есть небезызвестный храм Богоматери, близ некоего знаменитого города (я говорю о Никее Вифинской), который построил некий благочестивый муж Иакинф с горячей любовью, а самого себя посвятил со всем имуществом и сделал его местом забот о душе. С тех пор и доныне эта прославленная обитель носит такое прозвание, далеко превосходя подвижнической жизнью снискавших ею известность, потому что из-за способности слушающих и изобилия пекущихся о добродетели это священное обителище оказалось преисполненным всяческой чистоты жизни и всяческого преизбытка необходимых вещей. Ибо тамошние стражи целомудрия, облекши неогрубелое тело во власяницу, словно в тернии, и примешивая к слабости естества бдение, пост и прочие труды, впредь воздерживаются уже освобожденным разумом, одерживая победы над вечно осаждающими плотскими страстями, делаясь неким естественным образом горячее из-за жара любви к одному лишь Богу. Ибо от ненависти нужно избавляться не навязанной милостью, но полученной в виде благодеяния¹². Они не повинуются совету змиеву, не слушают, обманутые, Евину заповедь, не вкушают спелого плода, от которого

¹² Место крайне темное, перевод приблизительный: οὐ γὰρ οἷς τετραάνηται τῷ ἐλεεῖν, ἀλλ' οἷς εὐηργέτηται παρωθεῖσθαι δεῖ τὸ μισεῖν.

праотцев постигла смерть, наверное, из-за того, что те ели его несвоевременно, а не в надлежащий срок. Вот такие души, посвященные Матери Божией и Деве, неоскверненные почитатели и девственные служители украшают Иакинфову обитель, так что поэтому, я думаю, и великий Паламон, восхитившись чистотой этого места и тамошних душ, даровал свою священную руку, а через нее и всего себя честной этой обители, воспользовавшись помощью блаженного и поистине ангелоравного по чистоте мужа. Ибо надлежало, чтобы эта священная и исполненная всяческой чистоты рука обрела такого носителя и чтобы такие люди приняли ее, лелеяли и обихаживали с верой. Вот так Божественная благодать своим устройением благоволила, чтобы эта священная рука находилась в той обители.

36. За этим же чудом последовало другое чудо — ибо и всегда дивен Бог во святых Своих (Пс. 68:36). Совершив предлежащий путь, дивный этот муж поспешил в Аггалию, и там по дороге ему попалась некая река, через которую путешественники переправлялись на паромках, потому что она была до самых краев полна водой. И через нее он перешел собственными ногами, причем она казалась неглубокой и удивительным образом из непреодолимой стала для блаженного удобопроходимой. Итак, когда он встретил пастухов, которые и держали паром, они спросили его о причине переправы и о том, как он перебрался через такую полноводную, глубокую и опасную реку. Он же отвечал: «Ничего удивительного, чада, не произошло, если я вверился водам реки, которая едва доставала мне до голени — потому что я не почувствовал большей глубины, чем только повыше щиколотки». А они, уверенные в непреодолимости реки, узнав, что святой не подвергся опасности, посчитали, что в муже этом действовала Божественная сила, и потому, пав ниц, поклонились ему, при-

знав в нем через то служителя Божия: «Вот, и ныне, значит, есть у нас Израиль Божий, который если и не рассекает море и не наводит погибель на противников, но заставляет воду уступать собственным стопам и удивляет необыкновенной переправой, а вернее, невероятным образом идет пешком по струям Иорданским, не хуже того Иисуса Навина, при котором Божий ковчег переправлялся, рассекая речные воды до самого берега и прокладывая народу, знающему Бога, необыкновенную дорогу» (Нав. 3:15–17).

37. Я ни в коем случае не умолчу и о том, что едва не укрылось от меня, выпав из последовательности изложения, — может быть, многим другим не даровано ничего такого, а этому мужу Бог не упускал показывать нечто потаенное в боговещанных снах. Однажды он подружился с неким игуменом кипрских иноков, и тот одолжил ему по его просьбе книгу. А поскольку в том месте жил известный вор, блаженный боялся, как бы тот не украл и книгу, когда жилище его будет без присмотра. Это ему пришло на ум, когда он творил молитву. И видит он некое священное изображение Богоматери, какие обычно пишут на священных и честных иконах благочестивые люди, показывающее ему того вора, толкаемого в пропасть и потом в нее упавшего. И тут же он пришел в себя от видения и услышал, что тот злосчастный попался на какой-то краже, был осужден, подвергнут наказанию и признался в своих злодеяниях и в том, что имел замысел украсть книгу. Вот так не только в необыкновенных делах дивен был доблестный этот человек Божий, но и в открытии тайн, а вернее, в предсказании будущего, через что познается наитие и вселение в достойных благодати Божественного Духа.

38. Когда же блаженный еще не оставил Кипр, но после дарования руки с честной любовью обходил другие священные храмы ради молитвы, произошло с ним немалое чудо, показывающее богатство бывшей в нем благодати. Ибо когда он творил молитву в одной из молелен на острове (это был священный храм Предтечи благодати), пришли к храму измаильтяне-сарацины — ведь часть управления Кипром принадлежит и им, потому что так решили давние римские скиптродержцы, по некоему образу полезного устройства ¹³. Итак, когда они приступили к храму, блаженного охватил страх — он не хотел, чтобы безбожники даже видели его во время беседы с Богом. Посему он сотворил усердную молитву, призывая на помощь почитаемого там Предтечу Господня и прося, чтобы ему стать невидимым в тот час для очей неверных. Всемогущий же Господь, исполняющий желания служителей Своих, отвлек зрительные лучи неверных — и они вошли в молитвенный дом, Христова же просителя, застывшего посреди него в молитве, не увидели, хотя и всматривались пристально. Обойдя вокруг, как будто бы там никого не было, и повеселившись по их обыкновению, они вышли из того священного храма, так что блаженный был в великом удивлении и, беседуя с Богом, приносил Ему еще более усердную благодарность за то, что не был видим скверным очам и его беседа с Богом не была прервана, а может быть, он и избег некоей близкой опасности по причине зверства этих людей и того, что они застали его одного. Так прославляет Бог славящих Его и так вознаграждает служащих Ему в истине.

¹³ С VII по X в. о. Кипр находился в совместном владении Византийской империи и Арабского халифата.

39. Это подвигло блаженного оставить Кипр и направиться на здешний материк. И при содействии благодати замысел этот вскоре претворяется в дело, и он, взойдя на исаврийский корабль, прибывает на побережье Селевкийской земли¹⁴. И преодолев некоторую часть пути, он попал на ниву, полную хлебоносных колосьев, но не в меньшей мере и саранчи, которая портила имевшийся урожай. Возделавшие же это поле земледельцы были там, с малым упованием пришедшие, чтобы собрать плоды своих трудов, но не сумевшие и оплакивавшие беду — ибо густота сидевшей саранчи не позволяла приняться за работу, но скорее лишала их впредь надежды из-за ожидаемой полной гибели урожая, от которого они, будучи бедняками, зависели вместе с женами и детьми. Когда же они увидели проходившего мимо святого, они, плача, рассказывали о своем несчастье и, как будто бы спасение было спрятано у него, словно сокровище, с горячей верой молили его помолиться за них Богу и избавить от нависшей опасности, потому что у них не было больше ничего, чему они могли бы верить свою дальнейшую жизнь, кроме этих колосьев, которым угрожала истреблением насевавшая саранча. Он же, подвигнутый к состраданию (ибо он смолоду был по природе сострадателен), жалостливой душой без промедления стал творить молитву за этих бедняков — и не успел он двенадцать раз преклонить колена, как побудил Божество к милости по отношению к этим несчастным, и несказанная эта стая саранчи мгновенно поднялась с этого места и, следуя за своим предводителем (ведь есть, говорят, и у саранчи начальник), уступая Божественным повелениям, улетела и покинула все тамошние места, ничуть не повредив урожаю, словно только

¹⁴ Фема Селевкия на южном побережье Малой Азии.

затем и прибыла, чтобы дерзновение великого Константина к Богу было явственно показано и деревенским жителям.

40. Они же, против ожидания избавленные от бедствия, пожав плоды своих трудов и получив как бы средства к жизни, *благодарили спасшего их Бога, а святому дивились, что он был столь прославлен Им через быстрое исполнение просимого*, — а потому и, провожая, со слезами умоляли столь горячего помощника во спасение не уходить из их земли, если это будет возможно, а если ему угодно будет идти дальше, то чтобы он и снова помянул спасенных им перед Богом во избавление их от всякого зла. Разве такой рассказ не пробудит в слушателях удивление? Ибо Моисей, бичуя Египет, навел на него тучу саранчи, истреблявшей урожай непослушных, а наш, в чудесах подобный тому, Моисей отвел множество саранчи не для уничтожения плодов, но ради спасения их. Ведь оба представляются повелевающими этому роду, один — прибыть во отмщение, а другой — улететь ради спасения.

41. Но здесь я прекращаю речь о чудесах и дальше буду рассказывать о бранях этого прославленного мужа против невидимых врагов, *против духов злобы, а не против плоти и крови* (Еф. 6:12). Ибо когда он преодолел оставшийся путь сюда из Селевкии и принес ту священную руку в возвещенную ему священную Иакинфову обитель, он рассудил не погружаться более в сутолоку, уже вкусив сладостного бесстрастия, но как только пришел, сразу вновь отправился в пустыни Олимпа. И придя туда и разыскивая себе место для жилища, он встретил некоего монаха, искушавшего, похоже, добродетель блаженного, однако показавшего некое жилище, пригодное для желанного безмолвия, — а было это, как

говорят, место посещения бесов, которое давно уже по опыту было известно предложившему его монаху-искусителю, хотя от доблестного борца по некоему промыслу подстроенное дело было до поры совершенно скрыто, чтобы он не бежал от сражения и стяжал победу над искушением. Когда же он поселился в этом обрывистом и неприступном месте, под которым текла некая река, бесовская эта толпа (ибо ей, похоже, свойственно гнездиться в пустыне, согласно Божественным речениям, подразумевает ли кто отсутствие людей или добродетелей), приступив в самую первую ночь его обитания, стала осаждать блаженного страхами и пытаться лишить его ночного покоя. Ибо составив некое видение злобных людей, она, казалось, угрожала связать хижину веревками и, переговариваясь между собой грозными голосами, тянула домик изо всех сил, чтобы стащить его в реку и там утопить святого. Таково было это воображаемое ополчение, казалось, составленное бесами. Но доблестная эта душа не утрашилась и не смутилась видением — ибо он не был неопытен в сражениях с бесами — но презрела привидевшееся и воспряла на моление Богу. И чувствуя бурю искушения, пусть и не без страха (ведь он не был бестелесен), он облегчал свою боязнь, подкрепляя себя суровостью разума и вспоминая о бесовских искушениях, рассеивающихся, словно пена.

42. Поскольку же казалось, что хижина низверглась в реку, а в действительности блаженный чувствовал, что ничего такого не случилось, он негодовал на злоумышление, но обличал бесов в бессилии и приносил за это благодарность Богу — а они, будто гонимые молитвой, искали спасения в бегстве, отчаявшись в своих искушениях. Это стало началом бесовских нападений на него, и такой он стяжал трофей победы над ними. И что же это

бесстыдное и ненавидящее добро полчище? Оно не отступало, даже побеждаемое, но, положившись впредь на частоту нападений, уже не медлило с тем, чтобы ошеломить этого мужа и выгнать его оттуда, но на следующую же ночь приступило к блаженному, когда он распевал духоносного Давида, — как казалось, с более сильным войском. И когда он вышел из хижины на небольшое расстояние, они закричали ему нечто свирепое и устрашающее, снова приказывая друг другу: «Швырни негодя, бросай его в реку, убей недостойного даже жизни!» Он же, встревоженный этой сумятицей и приняв бесовскую толпу за настоящее нападение на него разбойников, встал рядом с честным крестом — ибо где-то там был поставлен сделанный из дерева крест, наверное, из-за безлюдности места. И обняв его и словно окаменев, он стоял и молил всемогущего Бога избавить его от настоящей опасности и сделать явными козни: «Владыка Боже, не посчитавший недостойным быть ради меня пригвожденным к этому знаку, чтобы даровать мне спасение и освободить от тирании лукавого, помоги мне и в нынешний час». Стая же бесов, далеко отбежав от креста (они ведь знают, чем их прогоняют), уже не могла подступить, но сражалась издали угрожающими словами и бранила его за перемену прежней отеческой веры, говоря, что они не отступятся от войны и нападений на него, пока не разобьют его тело вместе с хижинкой и не сотрут в мелкую пыль, не позволив спешащему по ведущей на небо дороге пройти даже через воздух. Но муж с доблестнейшим сердцем, когда снова почувствовал бесовские козни, стал смелее в сражениях, тем более, что и при втором нападении видел явное поражение противника.

43. Так что же? Отступился ли общий враг нашего рода от злоумышлений против блаженного? Никоим образом. Ведь

он непревзойден в бесстыдстве, даже терпя поражение. Но, словно осудив прежнее безрассудство, он перешел на другой способ нападения и воспользовался другим помощником — и вновь, когда святой провозглашал речения Духа и прочел всего Давида, начал сначала и дошел до сорокового псалма, показалось ему некое бесовское привидение царских полков¹⁵. И кто-то из них, державший в руке посох, казалось, нанес удар по голове святого, так что тот, сделавшись безгласен, уподобился мертвецу. И ступившееся привидение (ибо говорят про бесов и такое), ударив этого мужа чем-то таким твердым, тут же исчезло, а он, пораженный безгласием на целых пять дней, лежал возле хижины, потому что из-за безлюдности места не было никого, кто позаботился бы о нем. По некоему же промыслению какие-то монахи, пришедшие в то место, нашли его, ничем не отличавшегося от мертвеца, окружили подобающим уходом и вылечили от этой болезни за изрядный промежуток времени. А он, придя в себя и спросив, какой сегодня день, понял, что с тех пор, как он претерпел это, прошел пятидневный срок. И много поблагодарив братьев и рассказав о способе злоумышления, и вызвав у них восхищение своей добродетелью, он проводил их восвояси, а сам, воспринимая свои искушения как некую почесть за почестью и богатство за богатством, еще больше радовался и рассуждал, что пока он видит, как лукавый идет на него войной, до тех пор он может быть уверен в благосклонности собственного Владыки Христа, потому что венцы принадлежат труждающимся, а не свободным от трудов. А после того как доблестный

¹⁵ *Τάγματα* — гвардейские подразделения, расквартированные в Константинополе.

муж в течение целых двух месяцев испытывал одно за другим искушения, которые рассказ опустит из-за их многочисленности, пришел предложивший ему это жилище монах, полагая, что и наш подвижник отчаялся из-за приступов обычно нападавших там бесов — ибо он, похоже, судил о ближнем по себе. Подойдя же к келье, он тихо постучал в дверь. Когда же блаженный почувствовал, что кто-то стоит перед дверью, он вышел из хижины, а этот прежний и новый искушитель подвижника, как только увидел лицо блаженного, пал ниц на землю, не в силах, по его словам, вынести блистания лика прославленного мужа, так что, пораженный зрелищем и лежа долгу на земле, он испустил некий отчаянный и изумленный вопль: «Помилуй, отче, осужденного и прости меня, грешного, и, помолившись, удели твоей благодати — ибо я уже на опыте познал, какие труды ты перенес из-за моих козней и каким победителем стал над всяким нападением, быв прославлен Богом». Тот же, обратив к монаху слова любви и рассказав, что случившееся было Божиим промыслом как благодеяние его собственной душе, проводил его молитвами, ободренного и дивящегося происшедшему. Сам же он продолжал все больше увеличивать богатство добродетели.

44. Разве это чудо не может соперничать с древними? Никто не возразит. Ибо Моисеев лик прославила гора Синайская, и боговидение, и передача Божественного закона народу несовершенному и служащему тени — а если и здесь постоянное общение с Богом, и Божественные вещания, и непревзойденное дерзновение, чем истина предпочтена перед тенью; и если у совершенного, чьей добродетели дивятся совершенные, у почти что Моисея нашего

времени, лик был овеян славой, то его не меньше возвеличивает это чудо — ведь един и древле, и ныне действующий Бог, Который в каждом поколении восставляет мужей и творит их дивными, чтобы из последующих чудес имели твердое удостоверение предыдущие. Можно назвать здесь и нечто большее, достигнутое блаженным: ибо он не только сорок дней провел в посте, воздерживаясь, как Моисей, но и, закопав себя в землю по пояс в какой-то яме, словно в могиле, по слову: *«Прильпнула к праху душа моя; оживи меня по слову Твоему»* (Пс. 118:25), а остальную часть священного этого и выносливейшего тела покрыв одной лишь какой-то простой одеждой вместе со священным наплечником, провел все время сорокадневного поста в самый невыносимый холод, живя, наверное, одним только Богом и в устремлении разума к Нему удалившись от всех земных и страстей, и страданий. Так великий этот муж не только вступил в соперничество с теми, кому дивились в древности, но и старался совершить больше них, как будто никак не желая насытиться добром в каждом из священных подвигов, прославляемый через все препятствия и среди своих, и среди чужих.

45. Итак, в пустыне Олимпа доблестный подвижник подвергся таким искушениям и вернулся столь блестящим победителем супостата, в этом тоже следуя за горячо возлюбленным Христом и вместе с Ним прославляемый, потому что он и страдал вместе, и победил искушавшего, не помыслив при нападениях лукавого ничего малодушного или недостойного Его усыновления, — и надлежало, стало быть, чтобы свеча столь великой добродетели не оставалась лишенной светильника священства, но была по-

ставлена на священный подсвечник и светила всем бóльшим сиянием своего света (ср. Мф. 5:15). Посему он принял священный сан пресвитера, причем и это рукополагавший его свершил не без участия Божественной благодати и не без труда. Ибо видя, что блаженный взошел на такую высоту добродетели, он полагал несправедливым, если любыми способами не возложит на него священническое достоинство. Но он, похоже, был понуждаем от Бога, заставляя подвижника выйти и на это ристалище. Поэтому он убедил его, употребив многие подобающие речи, которые могли убедить душу, охваченную Божественной любовью и стремящуюся всякий день восходить на новую духовную ступень. Принял священническое служение сей служитель Божий, достойный от достойного, от Божественного служителя, а скорее, даже и ангела Бога Вседержителя — ибо и тот старец ни в чем не был менее добродетелен, чем великий Константин (хотя и уступал ему в Божественных дарованиях чудес), прославившись во многих гонениях за Христа во времена тиранов-еретиков ¹⁶. И когда он налагал священную Его печать на рукополагаемого, как обычно при хиротонии, сам блаженный муж Константин почувствовал, что она словно охватывает его голову, сжимает ее и как будто напоминает о благодати наития в тот миг Пресвятого Духа на обоих, и совершающего, и совершаемого. И рассказывая это многим из самых близких и известных благоговением людей, боговещанный этот муж не без слез предлагал истинное повествование, потому что сердце его в сокрушении источало слезы как свидетельство.

¹⁶ Имеются в виду иконоборцы.

46. Итак, удостоившись таким образом сей божественной и великой благодати священства, он, оставив уже пустыню, пришел в некое место — знающие называют его Атроя, — в котором стоит одно селение, называемое Месон, и где-то там благоволил остановиться, предаваясь прежним трудам.

47. И вот, когда он однажды творил усердную молитву к Богу и всецело воспарил и душой, и разумом над всеми житейскими помыслами, показано было ему некое бесовское явление — конечно же, озарением благодати, поведавшим о действии лукавого против погибающих из-за него душ. А был это некий кажущийся ефиопский вождь, сопровождаемый многими слугами, который в сильном гневе и со скрежетом зубовным устремлялся на него. А надвигался он на него как будто бы еще с далекого расстояния и в то же время, казалось, нанес мощный удар рукой каким-то монахам, стоявшим по обе стороны дороги, и некоторых поверг наземь, а некоторых сотряс, так что они зашатались под воздействием удара, но не совсем рухнули на землю. Когда же он, как виделось, добрался и до него в таком натиске, блаженный еще усерднее стал молиться Богу, чтобы не испытать такого удара. И тут видение пропало. Он же, избавившись от страха, возносил благодарение Богу. А показавшееся, как он узнал, не было впустую, потому что из монахов, которых в тот час в видении ударил злой ефиоп, некоторые пали наземь и, пренебрегая подвижническим жительством, вновь вернулись к сладострастной и мирской жизни, лишившись истине блаженного жития и запутавшись в земных вещах. Некоторые же, пошатнувшись, но не упавшие, тоже подпали плотским искушениям и страстям, но не совсем отступили от иноческого жительства. Итак, отметив это происшествие, он впал в немалую боязнь, но молился и за искушаемых, и за пад-

ших, а больше просил Бога за самого себя, чтобы ему избавиться от столь великой угрозы того бесовского явления и от причиняемого им падения.

48. И вот, когда он был в таком расположении духа, снова является ему прежнее привидение в час молитвы, и снова ефиоп, угрожающий и бросающий наземь встречающих, а некоторых только сотрясающий силой натиска. Увидев же, что он движется и на него в таком же видении, он и опять прибег к Спасителю и, охваченный страхом, вознес Ему такое усердное моление, говоря: «Боже благий и Господи милости Твоей, Ты Сам призвал меня от дедовского неверия, Сам подвиг меня бежать от житейской суетности, Сам дал вкусить сладости Твоей и Твоего служения и научил бороться против этого лукавого, и многократно удостоил победы над ним — и теперь Тыпустишь, чтобы я пал, преданный в руки его, и чтобы овца стада твоего была растерзана и погублена зубами свирепого этого волка? Нет, Владыка Вседержитель, уничтоживший Себя до плоти ради одной потерянной овцы и нашедший заблудшую, взявший ее на плечи и спасший от гибели по неизреченной милости — посмотри на ярость и напор этого ужасного зверя и спаси меня от рук его, и останови устремленное против меня движение его лукавства. Ей, Владыка Христе, спасение мое и искупление, сломи неукротимую его дерзость и ниспровергни козни, чтобы он больше не похищал из Твоих рук овец разумного Твоего стада, кичась над служащими Тебе». Вот что говорила Богу блаженная эта душа, уstraшенная привидением, проливая горячие слезы. А так как бесстыдное это видение казалось нападающим долгое время, он еще с большим жаром испускал привычный христианам вопль, призывающий Господа к милости.

49. Но взгляните на скорое пособление Спасителя, подаваемое просящему: ибо вновь он услышал глас, неким кротким и властительным образом троекратно призывающий Михаила и повелевающий восстать на спасение подвергшегося опасности. И одновременно с третьим призывом он увидел кого-то чрезвычайно светоносного и славного, блеском превосходящего солнце, и тот, повязав веревку на шею этому темному разбойнику, швырнул его, с шумом полетевшего, в мрачную и глубокую яму. И световидный этот и страшный муж, повернувшись, легким прикосновением начертал знак креста возле сердца блаженного и вновь вернул ему силы, избавил от робости и сделал так, что впредь он смело выступал против всякой сатанинской уловки — ибо так неложный Бог не медлит исполнять желание боящихся Его (Пс. 144:19) и выслушивать их прошения, и спасать их, чтобы они не убоялись вещи, во тьме преходящей, сряща и беса полуденного (Пс. 90:6) (мне кажется, здесь подходит это речение), и, хотя из соратников нашего борца многие пали, к нему падение не приблизилось. Расскажу я и о другом, что не меньше этого.

50. Возле Атрои воздвигнута некая обитель Андрея, первованного ученика Христова. И вот, часто посещая ее по приглашению свершающих там борение за души, он увидел одного из них, страдающего грыжей, потому что устройство его внутренностей было стянуто книзу, и он стонал, облегчая такой груз, тяготевший возле его бедер. Итак, увидев его, он был подвигнут жалостью и состраданием, и горячо зарыдал, и собственной рукой взявшись за эти внутренности, свисавшие у бедра, он внедрил их обратно и слегка надавил, словно возвращая в прежний вид — а затем дерзнул и на большее (ведь

он не сомневался, веруя Велевшему возлагать руки на больных и делать их здоровыми (ср. Мф. 16:18)). Ибо запечатлев крест священной своей рукой на том месте, где выпадали внутренности, он словно некую дверь преградил тяготение вниз, наложив на него в качестве печати и запора священный знак и как бы приказав болезни более не досаждают тому человеку. Посему это деяние означало для страдальца выздоровление, для врача свершение великого чуда, а для Бога — причину восславления и благодарности за то, что Он делает дивными слуг Своих и не оставляет без доброй надежды прибегающих к ним. Итак, тот человек, освободившись от недуга, остальное время своей жизни, до самого конца, не испытывал досаждения и по возвращении давно ниспавших частей оставался здоров и невредим.

51. И еще нечто, достойное рассказа, присовокуплю я к сказанному. Город Никея и многими другими благами изобилует, и удобством торговли привлекает к себе занимающихся этим делом. Поэтому некоторые из еврейского племени, жившие там ради торговли и прочего изобилия, безумствовали в собственных верованиях, беснуясь против Христа. И вот, блаженный, видя их, и как бы снисдаемый верой во Христа, старался побудить непонятливых понять истинное богопочитание, словом и делом ведя их к спасению. Он часто приходил к ним и некоторых из них уловлял неводом духовной мудрости к истинной и безупречной вере во Христа — а поскольку лукавый, не выносящий ущерба из-за спасаемых, обычно завидует таким вещам, он воздвиг против него каких-то людей, отчужденных с самой материнской утробы по неизреченному предведению Божию. И составили они тайный замысел (ибо надлежало подражателю Христову претерпеть равные страда-

ния), чтобы лишить Константина жизни, так как он служил к обличению еврейских верований. И задумали они убить мужа невинного, что, наверное, было наградой за спасение наставляемых им, хотя промышлением всегда Хранящего души рабов Своих он и избежал нависшей опасности. Ибо когда решившие убить праведника собрались в некоем весьма потаенном и подходящем для такого дела из-за своей уединенности месте (а это был молитвенный дом Богоматери) и уже насильственно тащили его и собирались приняться за омерзительное деяние, появилось видение женщины, громко и во всеуслышание вопиющей, что она будет свидетелем содеянного, зная о задуманном убийстве. Увидев ее, страшные эти разумные звери, словно уже уличенные ее голосом, быстро отпустили святого и во мгновение исчезли оттуда. И блаженный, спасенный таким образом, покинул то место. Избавившись же от беды, он осматривался по сторонам, чтобы увидеть женщину, которая принесла ему спасение, — а это, стало быть, была не женщина, но Божественная благодать, принявшая вид Богоматери, которую чтили в той священной молельне. Поэтому, уразумев помощь от Бога, он воздавал благодарность за спасение Богу и Матери Его по плоти — а о составленном заговоре впоследствии, придя, рассказал один из тех злоумышленников и пытался обличить преступников, но был удержан от такого стремления самим истинным подражателем Христовым и в том, чтобы скорее молиться за убийц, а не мстить им. Так облагодетельствовала его сила Пресвятого Духа, и такое необыкновенное спасение обрел он Божиим промыслом.

52. Повествование наше все еще ведет речь о его чудесах, и свидетель тому, что будет сказано, — священная эта Никея. Ибо блаженный этот человек обычно навещал там одного

друга, а там был некий пруд, полный рыб, который изъясняющийся по-римски человек назвал бы виварием. Итак, однажды он гостил у друга и, нагнувшись к пруду, увидел некую рыбу, огромную по величине, и шутя велел слугам разжечь очаг. Они же, имея опыт в таком деле, говорили, что увиденную им рыбу трудно поймать. А он снова велел им позаботиться об огне и, взяв какую-то сетку (ее называют неводом для креветок), погрузил ее в воду. И давно казавшаяся неуловимой рыба, как будто бы именно для этого раньше ускользала, сама собой и словно добровольная снедь подошла к блаженному и оказалась внутри невода. А он не стал вытаскивать, но передал невод присутствующим, чтобы вытащили они, — и таким образом почтил гостеприимство, причем все видевшие изумлялись чуду. Да и разве не надлежало подлинному ученику Христову, хоть и не Тивериадское было у него озеро, а какое случилось, быть почтенным тем же чудом, что сотворил и Он, а вернее, удостоверить им то чудо, которое совершило Божественное Слово (ср. Ин. 21:1—6)? Ведь если желанию слуги повинуется рыбий род, и больше хочет быть пойманным, чем плавать в воде, разве не должны были рыбы по повелению Бога, Создателя всяческих, поистине способствовать свидетельству пришествия Бога к людям? Ибо я утверждаю, что это деяние, и тогда, и сейчас, было не чье-то еще, но Божественной силы, там обнаружившей Божество, а здесь — действие божественных глашатаев с помощью духовной и божественной силы, чтобы и тем, и другим подкреплялось доказательство веры и заграждались всякие христоненавистнические уста, изрыгающие зловонные речи против истины.

53. Но не умолчу я и о другом деянии этого великого мужа, которое подтвердили многие из знавших его. Ибо однажды он

пришел к некоему монаху и отшельнику Симеону, когда тот справлял поминки по преставившемуся из жизни своему наставнику. Устроив угощение для собравшихся тогда, он вычерпал гостям приготовленную для того амфору вина, и, когда блаженный этот муж стал призывать его вновь пригласить присутствующих на ужин, огорчился и печалился, как бы гостеприимство угощения не оставалось без вина. А тот обещал ему, что и на ужин достанет, и на следующий день хватит вина для угощения. Посему устроитель этого угощения послушался и предоставил изобилие вина молитве святого — ибо, не надеясь на то, что хватит, тот муж полагал, что без нее никак невозможно будет восполнить потребное. Итак, был ужин, и полноценное угощение, и после того дня оказался преизбыток, и сосуд Божественной милости не пустел, но на той амфоре была благодать, которая в древности дана была вдове и пророку (3 Цар. 17:16), так что и тогда еще более был прославлен Сотворивший вино из воды и Своим присутствием восполнивший свадебное угощение через благословение (Ин. 2:9) — ибо любодаровитому Владыке Христу свойственно уделять Своим слугам от Своих собственных чудес, согласно сказанному: «Верующий в Меня не только Мои дела, но иногда и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Это сделало великого Константина еще более известным и знакомым, и незнакомым, и в особенности отвратило от несмысленной хулы беснующихся против Христа одержимых ею — ибо благодать чудес обычно некоторых из них приводит к вере, а некоторым внушает страх и показывает немалую слабость их собственного неверия.

54. Но с этим так; расскажу я и о другом, не худшем. В зимнюю пору случилось так, что блаженному, исполнявшему духовное служение, нужно было путешествовать по морю, и он плыл на

корабле вместе со многими другими напротив места, называемого Пифии. Когда же корабль, быстро двигаясь, выплыл на середину моря, его застигла некая зимняя буря и сильнейшая качка, из-за которой ожидалась смертельная опасность. Когда же находившиеся на судне обступили этого божественного мужа, возлежавшего из-за приступов болезни, снедавшей тогда это освященное тело (не знаю, сказать ли, что о нем тоже исполнялось устроение, бывшее о Павле, таиннике неизреченного (ср. 2 Кор. 12:7)), — так вот, когда они обступили его и стали просить о спасении, словно от некоего сокровища, великий в чудесах уступил им и не замедлил исполнить просьбу. Ибо у него была уверенность от горячей веры. Он приказал приподнять себя, держась руками, а затем простер руки в небо и сказал: «Владыка Христе, Который и древле велением Своим усмирил волнение для Своих учеников, попавших в бурю¹⁷, приступи и ныне сюда и доставь нам спасение честным Твоим крестом, как Благодетель» — и одновременно запечатлел то бушующее море. А оно немедленно успокоилось, и качка вместе с ветром сразу улеглась, и после спасения множество бывших на судне людей, спасенных усердной молитвой великого отца, везде стали рассказывать о чуде. Да и как можно было умолчать о таком деянии, которое, я думаю, даже время не покроет забвением, потому что праведный Бог повелел прославить в ответ Своего слугу согласно Своему обетованию.

55. Я же, решив еще продолжать рассказ о чудесах блаженного, не умолчу, насколько буду в силах, и о прочих, которые дошли до моего слуха и были подтверждены посещавшими его — ведь молва о его благодати распространилась повсюду, а больше

¹⁷ См., напр., Мф. 8:26.

всего в Никейской митрополии, и в остальном более горячо расположенной к благочестию, и к слугам Божиим питающей большое уважение, поскольку большая часть города из-за исключительного боголюбия посвящена Богу, и особенно из-за того, что высоко стоящие по родовитости, богатству и мирской известности люди, говоря по-пророчески, предпочитают *лучше быть у порога дома Божия*, чем надмеваться в житейских шатрах (Пс. 83:11). Ибо семена благочестия, похоже, прижились там, и они, передавая богопочитание от отца к сыну, сохраняют неизменными черты веры и боголюбивого своего жития. Итак, молва о блаженном Константине, распространившись, словно некое благоухание, по этой поистине священной Никее, которая главенствует над Вифинской областью, пуще любых других жизненных угод радовала жителей, а особенно тех из них, кто населял упомянутую нами выше Иакинфову обитель. И вот, двое из тамошних иноков, чье благоговение было засвидетельствовано, решили уйти из обители из-за какого-то явившегося соблазна — а у блаженного, как древле у Моисея, когда согрешил народ, тоже раздался в ушах некий глас, который повелевал идти в Иакинфову обитель и удержать Силу и Иоанна от ухода из нее. Посему, повинувшись приказу, он быстро спустился вниз и, прибыв в обитель, завел разговор с замышлявшими уход и спросил о причине такого стремления. Они же, желая до поры сохранить свое решение в тайне, отрицали, что готовятся так поступить, и говорили, что ничего такого у них на уме не было, — ибо они полагали, что поскольку они никому не поверяли своего решения, оно еще остается для всех неизвестным. Когда же он изложил им все их приготовления к бегству и сказал, что ему возвещено это от Бога, почему он и был послан удержать их от этого устремления, они сразу пали к ногам его и поведали обо всем их тайном замысле и о том, что если бы его приход не опередил на-

значенный ими срок ухода, они обязательно покинули бы обитель и впали бы в немалое заблуждение, которое могло бы изрядно повредить их прежним стараниям о спасении. Посему укрепив таким образом Силу и иже с ним и отвратив от суетных намерений, боговещанный этот муж снова вернулся в свое жилище, держась обычных трудов.

56. Провел же он в упомянутом месте Месоне полных восемь лет подвижнической жизни в большом усердии и претерпевая множество искушений от бесовского нападения, так что не проходило ночи, когда бы ему не казалось, будто они бичуют его не плетьюми, но змеями, потому что привидения являли ему более страшные удары, как он сам часто рассказывал, обливаясь многими слезами, что поистине претерпел это. А после того, как он перебрался из Месона и поселился где-то вблизи монастыря, называемого Волий, в котором труды освященных мужей составляли подвижнический образ жизни, однажды около первого часа, когда он возглашал духоносного Давида, явился ему некий столповидный огонь, словно закрученный в витки. Глядя на это видение, он удивлялся и разговаривал с Богом, как бы по-дружески, благоволит ли Он, чтобы тот, любя пустыню и избегая жизни в толпе, избрал себе жилище где-нибудь, где нет места безмолвию. Когда же он увидел, что огневидное это зрелище пребывает и не оставляет это место, он увидел в том свидетельство несомненной Божественной воли на то, чтобы он поселился там. А каким образом он был удостоен чувственными очами видеть явления бестелесных, я расскажу на одном примере, опустив остальное за многочисленностью.

57. Кто-то из монахов, чье благоговение было засвидетельствовано, имел обыкновение исповедовать блаженному движения

своей души. И однажды в самые очистительные дни четырёхдесятницы, в которые звезда безмолвия держал вход к себе недоступным, его постиг недуг, ведущий к концу этой смертной жизни. Посему он дал блаженному отцу знать о своей болезни. Тот же, не желая нарушать правило безмолвия, прежде чем наступит Великий день, известил больного, что: «Я обязательно тебя увижу и ты не упустишь встречи со мной, хотя я пока и отложил свой приход сюда, усердно творя моление Богу и за твою, и за нашу душу». Итак, Божественный и неизреченный промысел предварил их и по прошествии нескольких дней переселил болящего из жизни. А так как муж этот был из избранных рабов Божиих, душу его приняли световидные ангелы и, неся ее, полетели на небо. Блаженный же, стоя у молитвенного прибежища, увидел упомянутое зрелище, как ангелы препровождают блаженную эту душу, как будто божественные ангелы нарочно пролетели вблизи с блаженной этой душой и словно бы свернули, чтобы прославленный отец мог созерцать восхождение на небеса этой святой души. Посему, познав таким образом из этого зрелища несомненность спасения того инока, он благодарил Владыку Христа, не оставляющего без награды труды добродетели, но удостоивающего столь блаженной кончины, и обитания, и сопребывания тех, кто предпочел Его всякой житейской славе и удовольствию.

58. Но с этим так. Посмотри же, как благодать показывала ему и осужденных на гибель — конечно, как пример ради осторожности в жизни. Ибо кто-то из монахов, носивший (видимо, недостойно) священническое достоинство, ушел из жизни, а блаженный стоял возле мертвеца. Когда же близкие, совершив погребальный обряд по ушедшему, опустили его в могилу, исполненная Божественной благодати душа и тут увидела нечто поразительное, что земля как бы сама в се-

бе расступилась и словно пастью поглотила того мертвеца, так что похороненный, казалось, исчез в ее зеве. Вот что являло это знамение, и от этого видевшему стало понятно, что тому досталась противоположная участь и что вместо небесного спасения он оказался осужденным на преисподнюю погибель. Так пронизательность дивного отца стяжала познание обеих вещей, конечно, потому, что Бог показывал их и почти что велел провозглашать, как вознаграждение за добродетель, так и суд и осуждение за порок и легкомыслие, так что этим и видевшего, и через него многих других вразумлял не ослаблять духовных трудов, но спешить к *почести высшего звания* (Фил. 3:14), чтобы одни достигли ангельского сопровождения и общения, а другие не были осуждены отправиться в ад, как приверженные греху и неисправимые.

59. Но посмотрим, и как он повелевал стихиям и деяниями соперничал со знаменитым в чудесах. Гостеприимный нрав имел нашего времени Авраам, хотя и любил безмолвие. Как-то были у него те, кто проводил безмолвную жизнь где-то поблизости, пришедшие, чтобы вкусить его молитв; и приготовлен был немудреный тот и щедрый бедностью стол, зерна, соль и разные виды диких трав — ибо я не могу назвать «акриды и дикий мед», трапезу великого Предтечи, потому что наша пустыня не доставляла ему этого. Вот что было подано, а вокруг стало ветрено, подул сильный южный ветер, сотрясавший дверь хижины и гасивший влажностью очаг. И гостеприимная трапеза любви была нарушена, а пропитанию вместе с нехваткой мешал и ветер. Блаженный же сказал одному из предстоящих — ибо ученики его прислуживали собравшимся, — ласково взглянув на него: «Кто меня больше любит, чада?» И самомалейший победил другого ответом, поспешив с утверждением. Он же говорит ему со дерз-

новением: «Выйди, дитя мое, и скажи ветру: „Ты творение Божие — прекратись впредь и не досаждай больше Его рабам, ибо надлежит нам ублажить братьев“». И тот принял слово, и, став у двери, стал вестником повеления, а мощный этот ветер, хотя он в самопроизвольном порыве колебал даже скалы, одновременно со сказанным мгновенно прекратил свое гудение и порывы, и впредь оставил то место в спокойствии без своего напора, так что видевшие это, пораженные внезапностью чуда (ибо малость кельи не позволяла утаиться ничему из происходящего), обратились к восславлению Бога и дивились благодати блаженного, и считали двойной радостью и пиршеством, что они пообщались с блаженным и вкусили явленного им чуда.

60. Такими дарами присуще Богу почитать Своих слуг, так что отсюда находят удостоверение и чудеса Моисея, бога Фараонова, казнившего Египет посохом, то стуча им по земле, то воздевая в воздух. Но тот представлялся чудотворящим с помощью посоха, а он — речи, и речи не собственной и непосредственной, но воспользовавшейся в духе услугами другого. Можно назвать и другое, не меньшее, из его чудес. Однажды иноки ходили за волами, молотившими на гумне, и собирали вытрясаемые из хлебоносных колосьев плоды. Когда же на горизонте появилась стая дождевых туч, гонимая силой ветра именно к тому месту, ожидалось, что недюжинный ливень повредит обмолоту — и присутствовавшие стали отвязывать молотивших волов от ярма и как можно скорее делать кучу, торопясь спасти обмолоченное зерно от ожидаемого ливня. И вот, блаженный, глядя на их смятение (ибо он находился там) и полагаясь на свое дерзновение к Богу, говорит: «Оставьте пока, братья, не трудитесь больше — лучше продолжайте дело молотьбы, не боясь ничего ожидаемого, — ибо Бог удержит и ливень от

боящихся Его, и обмолот сохранит невредимым». Посему земледельцы, послушавшись этой речи, положившись на свою веру и на святого, снова впрягли волов в упряжки и дальше продолжали работу. И разразился недюжинный ливень, так что, казалось, он потопит присутствовавших на месте — и всю местность вокруг гумна ливневый поток почти что превратил в озеро, а это гумно и работавших на нем оставил совершенно непромокшими и сухими, так что они не почувствовали даже влажности от разразившегося ливня. И разве не поразится любой, услышав об этом чуде? Да, и немало изумления достойно оно и способно доставить Богу величайшую славу. И как было присутствовавшим тогда не исполниться вместе и радости, и удивления, оттого что они видели, как молитва блаженного, словно некая небесная сила свыше, распорядилась ливнем и сделала гумно покрытым и как будто находящимся под кровлей, а всю местность вокруг него затопила бурным потоком? И поистине, как рассказывали очевидцы чуда, из-за сверхъестественности этого деяния они не знали, какое уважение и почитание и оказывать блаженному отцу, — но представлялось им, по их словам, что они видят Илию Фесвитянина, который некогда, казалось, вызвал дождь словом (3 Цар. 18:45), или кого-то из сил небесных, творящего чудо в облике блаженного — а на самом деле это был именно он, который и многими другими чудесами предоставил внимающим много доказательств своего дерзновения к Богу. Свидетельствует об этом его священнейшая обитель, где он и стяжал богатство добродетели, и где удостоился такого дерзновения к Богу, где совершил не только эти, но и большие этих чудеса.

61. Итак, он не был чужд и дара бесстрастия — ибо многие его труды в конце концов снискали ему и эту добродетель, которая

не приходит без подкрепления естества со стороны Божественной благодати. Однажды он шел в сей великий благочестием и державностью город¹⁸, и когда уже приблизился к той местности, где звезда иноков Иоанникий совершал подвижнические труды, и где лежит его блаженное тело, он, верою в этого мужа, прославившего Бога многими чудесами, беседовал с живым в Боге словно с живущим на земле и просил о его милости, чтобы впредь не споткнуться в подвижнических трудах, подвергаясь искушениям от бесовских нападений. Таково было его моление к Богу, в посредники которого он призывал то великое солнце подвижничества. Горячо же внемлющий призывающим Его в истине Бог не замедлил с даром, но уже быстрее самой речи подал просимую благодать и показал блаженному явный признак дарования — ибо он увидел, как яркая звезда, выйдя из того священного места, где лежали останки прославленного отца, достигла его, приникла к его груди и вошла внутрь у самого сердца. Итак, обрадованный этим и как бы торжествуя из-за происшедшего, он воздавал благодарность Богу за это чудо и, восторгаясь благодеянием, еще больше предался любви и весь стал принадлежать Возлюбленному. Ибо явленная звезда дала ему изведать восхождение на такую высоту бесстрастия, что, пребывая в городе, он даже не чувствовал, что покинул пустыню, и не был колеблем никакими искушениями телесными или душевными, но впредь проводил как бы некую ангельскую жизнь, бывшую выше плоти.

62. Расскажу я и еще об одном, не меньшем, доказательстве его бесстрастия. Спустя немного времени он занедужил, постигнутый болезнью, и лежал на полу — ибо таково было от-

¹⁸ Константинополь.

дохновение блаженного, жесткое и земляное ложе вместо постели, подстилки и всех прочих пособий для тела, каждую ночь омываемое стенаниями и слезами. И вот, огромный по величине змей, извиваясь возле его ног, потряс его немалым страхом, так что он, хотя тело его почти обездвигало, поспешил встать и броситься в бегство. Когда же он пришел в себя, немного оправившись от ошеломления, он остался, стойко полагая, что имеющее случиться есть Божие устройство, а к змею обратился со следующими словами: «О, злоначальный зверь, я знаю тебя, кто ты есть, *человекоубийца от начала* (Ин. 8:44) и враг — но ты уже не мог бы одолеть рабов Божиих, если бы тебе не попускал образом устройства Тот, Кто живоносным Крестом сокрушил твою голову и дал верующим в Него выходить на бой против тебя и всей твоей рати. И если наслан на меня от Бога, исполняй приказанное — я готов повиноваться Владычным повелениям; а если нет, то исчезни силою и велением Христа Бога и как можно скорее уйди от моего смирения». Так он сказал, а тот, словно гонимый некоей силой, одновременно со словом двинулся от ног святого, обвил голень, проползая через колени, добрался до обнаженной плоти и, пройдя поясницу и грудь, направился к шее и там выполз из рубашки, и, устремившись головой в крышу, выскочил из хижины. И он выполз наружу через бывшее там отверстие, заняв немалую часть кровли — и такой величины был змей, что когда его голова свесилась с крыши, его хвост был еще вблизи шеи блаженного — ибо таким давало его видеть тогдашнее ощущение. Пораженный же величиной змея, святой прибег к божественному оружию и, сотворив против него рукой крестное знамение, заставил его немедленно исчезнуть в прыжке с величайшим шумом. Но посмотрите на действие Божия устройства о блаженном —

ведь тогдашний приступ прекратил почти всякое бесовское ополчение против него. Ибо как будто сам их предводитель был изгнан или, точнее говоря, повержен вместе со змеем, всякое сопровождавшее того нападение страстей прекратилось и было предано совершенному исчезновению. А было ли увиденное а самом деле змеем или привидением змея, я сказать не могу — только что прикосновение змея сделало затронутую плоть совершенно омертвелой, нечувствительной к любому другому прикосновению, так что даже если к тем местам тела подносили огонь, они совсем ничего не чувствовали. Таким образом и такого попечения удостоила Божественная благодать этого боговещанного и прославленного мужа, и так украсила его блаженную жизнь чудесами прозрения, сделал заботу о нем здесь знаком уготованного ему там блаженства.

63. Но райский вертоград его чудес зовет меня к чему-то другому, что может исполнить великого удовольствия узнавших об этом. Однажды игумена обители, называемой Волион, постигла, как это бывает с людьми, болезнь, причем очень тяжкая и грозящая в недолгое время приходом смерти. Итак, блаженный прибыл, чтобы навестить больного, доселе неизвестный божественный врач, и, присев у постели, спросил о недуге. Тот же, наконец с трудом оправившись от головокружения (ибо сила горячки довела его до такого состояния), сказал: «Природу болезни, человеце Божий, я не могу тебе сказать — а прошу тебя об одном, помочь мне в этом обстоянии твоими молитвами к Богу». Тот же без промедления взял его за руку и ласково молвил: «Встань, отче и принимай друга». А он говорил, чтобы тот пока пренебрег остальным, раз человек при смерти, а ныне помог, насколько сможет, отвести вот-вот грозящую смертную беду. Так отвечал больной.

Он же, восстенав и возведя взор в небо, тихим голосом беседовал с Богом, говоря: «Владыка, дивный в делах Твоих, помяни милость Твою и, если когда-нибудь порадовало Тебя мое служение, непотребного раба Твоего, помяни это ныне и яви чудо Твое на сем лежащем и молящем о спасении Твоем через меня, и меня, горячо любящего Тебя, вновь восставляя на еще более горячее служение Тебе, и болящему предоставляя через нас воссылать Тебе славу и в остальном чистосердечно работать Тебе». И одновременно со словом больной сразу стал здоров — ибо та сильная и жгучая горячка исчезла, и силы, иссякшие из-за болезни, вернулись; и почти уподобившийся мертвецу встал с кровати и собственноручно прислуживал блаженному. Он не позволил делать это другим, потому что работать руками доставляло ему радость, так как он полагал, что вместе с телесной болезнью он этим избавляется и от душевных страстей благодаря столь могущественным молитвам блаженного. Итак, об этом чуде и сам страдалец, и братия того монастыря, не в силах удержать его в молчании, свидетельствовали встречным и подвигали их к восхвалению и прославлению Бога и почитанию слуги Его.

64. Сказать ли и еще кое о чем? Ибо это не заслуживает умолчания, раз пострадавший вопиет и торопится везде провозгласить благодеяние. Однажды разразился мощный ливень и один из ручьев, как положено, наполнился с силой несущейся водой. И вот, ее поток стремительно затянул одного из крестьян и понес его посреди ручья, тонущего, вращаемого в водоворотах и натыкающегося на камни и бревна. Постигнутый такой бедой, этот сельский житель, тем более что он не умел плавать, отчаялся во всех других средствах, а прибег к Богу и предстательству этого чудотворца — ибо молва о таких

деяниях его благодати шла повсюду, и среди крестьян тоже. И он, в такой надежде обрести спасение призыванием святого, неся в потоке. Бог же святых и здесь не скрытно явил силу Своего слуги — но одновременно с призыванием того человека озарил свет, так что стало видно даже то, что было на дне ручья. Явился и некий образ, похожий на блаженного, плывущий в воде и направляющий неплавательное движение крестьянина. А тот, моля о спасении, был пронесен рекой примерно пять стадий и против ожидания достиг его и был выброшен на берег потока, схватившись за какую-то скалу. Он ступил на землю и вышел из воды, так что даже ни единой капли не попало ему в рот, несмотря на весь проделанный им путь, когда его крутило силой водоворотов. Таков мой рассказ и надежные свидетели происшествия — те, кому спасенный, подтверждая изложенное, часто это рассказывал со слезами.

65. А что сказать об унесенных речным потоком тетрадах, возвращенных ему как будто совершенно неувлажненными? Они были унесены, выпав из сумки, и это немало удручило душу блаженного, потому что в них содержались некие душеполезные сочинения. Когда же водовороты один раз погрузили их на дно, а потом и второй, нужда призвала его к молитве. И принявшись за нее, он и тут сотворил некое необыкновенное зрелище. Ибо волна, посреди которой они плыли, сразу пошла вспять, принесла к берегу и положила к ногам блаженного те священные сочинения. Вынув их из воды и увидев, что они невредимы, он с горячими слезами возносил благодарность Богу как исполнителю желаний слуг Своих. Так и такими чудесами украсила Божественная благодать того, кто через нее всего себя посвятил трудам добродетели.

66. Заслуживает того, чтобы быть добавленным к рассказу, и следующее: некий муж из знакомых блаженного, имевший и божественное достояние стричься в кружок ¹⁹, вот он был постигнут болезнью, а когда святой этот пришел навестить его, он стал просить помолиться о прекращении болезни. Тот же и даровал ему молитву, и спросил, выбирает ли он вживе вкушать мирские улады или, умерев, быть со Христом. А он говорит: «Если я уйду ко Христу, то хочу лучше умереть, чем жить». Тот же в ответ: «Во имя Господне отправляйся к Возлюбленному — ибо заграждены для тебя уста дьявольские, и ты беспрепятственно пройдеши через воздух», и одновременно со словом запечатлел того мужа. Итак, прошло немного времени, и больной переселился к Богу, оставив некие свидетельства своего спасения, так что и святой сказал кому-то из его близких, что получил несомненные сведения об обретении его душой места в уделе блаженных.

67. Пришло мне на ум рассказать о другом его необыкновенном деле, которое не меньше прочих доставляет прославление Богу. Иларион, один из учеников сего великого мужа, однажды исполнял братское служение и поспешно спустился к разлившейся реке. Упав же в водоворот и поднятый волной, он подвергался смертельной опасности. И вот, когда блаженный совершал молитву третьего часа со своими учениками, появилось у него словно какое-то ощущение несчастья с Иларионом. И обливаясь горячими слезами, он приказал оставить чтение и вопиять к Богу обычное «Господи, помилуй», прибавив, что смиренный Иларион в опасности. После же того, как тот избавился от нависшей опасности, видимо, благодаря той божественной молит-

¹⁹ Т. е. принадлежал к клиру.

ве, спасенный быстро устремился к учителю, и как только прибыл, святой сказал: «Какая тебе, чадо, вчера грозила опасность!» Иларион же недоумевал, кто оповестил его, однако рассказал о случившемся: «Вчера около третьего часа подвергся я опасности в речном потоке», и: «Я услышал голос учителя, ободряющий меня, называя по имени, и велящий ничего не бояться — и одновременно с этим та опасность отступила, и я был выброшен из реки невредимым вместе с мулом, на котором я ехал, и обрел неожиданное это спасение». Но нет ничего неожиданного, если все во всем и Суший, и Действующий уступает молитвам друзей Своих и отсутствующее показывает как присутствующее, и умиряет движения стихий для спасения Своих людей — ибо древнее постоянно удостоверяется новым, и нынешнее учит о прошлом.

68. Поскольку же мы дошли до этого места повествования, добавив некоторые вещи, мы опустим еще множество из-за пресыщения. А рассказы эти достойны его проницательного ума. Некто обходил с пожертвованиями подвижающихся в добродетели на Олимпе, и когда оказался вблизи кельи святого, то, вначале отложив три золотых, чтобы послать ему, он скупой рукой убавил один и послал только два. Тот же, приняв их и поблагодарив за подарок, хоть он и был совершенно свободен от всякого влечения к ним, открыл вестнику пославшего совершенный, но, казалось бы, скрытый поступок, что, отложив три, он отнял один. Услышав это и удивившись проницательности святого, благожелательный тот даритель послал ему и недостающее, и просил извинения за удержание, и возвестил о благодати великого этого мужа, став сам себе свидетелем такого чуда.

69. Не премину я рассказать и о другом, сходном с этим происшествии, не столько с тем, чтобы почтить святого, сколько оставляя память о Божиим промысле в отношении хорошего царя, свершившемся неизреченным образом. Правил браздами Римского государства самодержец Василий, муж в остальном добрый и весьма человеколюбивый, но, похоже, имевший слабость принимать клевету в оба уха. Была ли это простота, или кто-то подумает что иное, пусть каждый считает, как хочет — однако послушался он и клеветы против Льва, любимейшего из своих детей, души, не знаю, не более ли кроткой, чем древний Давид, как время проявило этого мужа. И он гневался на сына, и царя, и того, кого Ромейская земля желала бы видеть преемником власти (скверная зависть, порождение злоначального беса), и велел стеречь его в заточении, и угрожал смертью. И беда была на острие бритвы, потому что отец не распознал истину, а сын был оклеветан лживыми наветами, и не было никого, кто бы не оплакивал это дело. Ибо город, вплоть даже до женских покоев, проливал слезы, и можно было видеть, как Константинополь превратился в новую Ниневию, пеплом, вретищем, постом и слезами сивившуюся теперь уже не отвратить угрожающую катастрофу, но освободить от наветов невинного и столь прекрасного мужа, а вернее, считавшую ничуть не меньшей катастрофой лишиться такого царя и вообразившую его несправедливое страдание собственным справедливым и от Бога посланным страданием. Что мне описывать эту трагедию, раз прошлое кануло и развеялось, словно дым, и Римская земля вкусила благих упований по благоволению Божию, ибо Он одного взял, а другого оставил на царство ²⁰, что подданным показалось благодеянием. Тогда-то и

²⁰ Издатель не понял эту фразу и поэтому заменил правильное рукописное чтение τῷ χράτει на τὸ χράτειν.

блаженный Константин, прибыв от Олимпского безмолвия, находился в городе. Когда же поклонники его добродетели стали расспрашивать его об исходе тогдашнего дела, он, провидя происходящее и храня предсказание, словно сокровище, ответил, что отец вот-вот отправится в предлежащий всем людям путь, а сын этот, которого охраняли на погибель внизу, но хранили и на спасение свыше, спасется и будет преемником царства, и благостью своей станет для подданных лучше всякого пожелания. Это блаженный предвещал несомнительным помыслом в самую безнадежную в отношении спасения царственного во всем сына пору. И вот, добрый отец оказался снова отцом и, исправив свою ошибку, вознес сына всеми остальными царскими преимуществами. Мы же, видя исход пророчества, дивимся прозрению этого мужа, а спасенного царя боготворим и восхваляем за такую его добродетель и доброту, которую он постоянно проявляет к подданным, и за промысел свыше, который он щедро изведаль.

70. А сейчас я поведаю о том, что при рассказе чуть не приводит меня в замешательство, дело, достойное большого удивления, хотя многие в него не верят. Анна, сестра царя ²¹, задумала устроить испытание каждому из подвизающихся на Олимпе в священном воздержании. И это было не напрасное старание, потому что замысел был добавить выдержавшему и возложить на него исправление оступившихся. Способ же испытания был не лишен изящества: начертав на грамоте какие ей заблагорассудилось слова, она надежно их запечатала и велела дать тому из отцов, кто, проникнув в написанное внутри, пока печать еще будет на месте, скажет о причине прибытия. И царица отправила посланца, а он

²¹ Дочь Василия, сестра Льва.

разыскивал всех горных старцев на предмет испытания. Когда же, обойдя всех, он не достиг цели, так что был даже снедаем печалью из-за неудачи, кто-то из благоговейных сообщил ему о великом Константине и о том, что если он не обладает такой благодатью, то и никто другой. Тот же послушался, отыскал жилище святого и, придя среди ночи, стал стучать в дверь и побудил блаженного, который еще молился, выйти к нему. А тот, как только увидел посетителя, говорит ему насмешливо: «Когда ты устраивал испытание рабам Божиим, искомое странным образом утаилось, хотя, наверное, многие сподобились такой благодати». Итак, он изложил тому человеку причину его прибытия и возвестил тайну запечатанной грамоты, ничуть не менее ошеломив этим разум посетителя, чем обрадовав обретением разыскиваемого. Верный же этот и благочестивый, как видно, посланец, познав необычайность сверхчеловеческой благодати святого, пал ниц и поклонился до земли и, припав к святым стопам блаженного, просил разрешения вопросов, потому что именно из-за этого он проделал такое путешествие. Тот же принял грамоту и прочел воочию то, что, похоже, и раньше знал от Бога, а потом и написал, что положено, и отправил вестника обратно к царице. Итак, это необыкновенное деяние сделало блаженного знаменитейшим по всему городу и во дворце, ничуть не менее, чем одного Даниила, мужа богоприятного (Дан. 9:23) Духу, стяжавшего благодать истиннейших предречений.

71. Есть и нечто другое, что не заслуживает быть пропущенным — ибо видение, о котором пойдет речь, Бог явил блаженному не случайно, но чтобы показать, в какие прегрешения впадают пренебрегающие исповедью, через которую изглаживают-

ся греховные страсти. Некий человек, по жизни торговец, исповедуя блаженному какой-то свой грех, но не оставив той страсти, хотел скрыть это, чтобы таким образом получить отпущение. И вот однажды, когда святой стоял на молитве, ему явилось некое видение, открывшее тайну: ибо он увидел того, кто по видимости исповедовался, стоящим с левой стороны от себя, и по всему лицу у него была огромная рана, весьма отвратительная на вид. Сильно удивившись величине этой язвы, которая была у того человека на лице, он увидел, что одесную стоит некто светозарный ликом, в прекраснейшей одежде — так что от этого зрелища он пришел в еще большее изумление. Но немного придя в себя, он стал спрашивать его, что претерпел этот несчастный человек, — а тот сказал, что это проказа удручающая и неизлечимая. И промолвив это, он стал понемногу удаляться, поднимаясь ввысь, а человек Божий, тревожась о том человеке, чье лицо было поражено проказой (ибо он узнал облик страдальца), быстро отправился к нему, возвестил тайны его сердца и сказал, что, не исцелившись от страсти, тот не может надеяться ни на какое спасение от него. А тот (ибо он не мог уже сдерживать слезы), зная собственную страсть и так неожиданно обличаемый этим дивным мужем в том, что хотел скрыть, сразу же бросился к ногам святого, просил прощения за прегрешение и оправдывался тем, что, порабощенный привычкой, он не может воздерживаться от греха. Засим, снабженный подобающими наставлениями и уstraшенный карами, угрожающими неисправимым, тот любосластный человек расстался с блаженным, впредь приняв на себя ответственность за собственное спасение или погибель. Если же кто-нибудь будет недоумевать, осуждая бессилие святого излечить таким образом болящего от недуга молитвой, то у вас есть пример Иуды, некогда ученика Христова и друга, который поступил по собственному выбору, а не по

принуждению. Ибо благодать не хочет спасать всех даже против желания — а с другой стороны, и оставлять без помощи подвергающихся опасности. Ведь Богу и не присуще изменять нашу свободную волю, но кто полностью посвятил свой выбор добру, а затем нуждается в некоей помощи свыше, те удостоиваются Божественного человеколюбия. А те, кто постоянно позорит свою жизнь дурными делами и даже рук не хочет воздеть из ямы, но пользуется коварными уловками в отношении Божественного Духа, бывают оставлены Богом и из-за собственной порочности лишаются человеколюбия свыше. Праведные же весы в этом Бога всячески показывает нам притча о мытаре и фарисее, которые по доброй воле пришли к Богу, и по образу молитвы один получил меньшее оправдание в приговоре, а другой — большее; и Анания и Сапфира, наказанные за коварные намерения, — и такими примерами полон вертоград божественного Писания. И ныне нечто такое же, случившееся с как бы прокаженным, способно устрашать пренебрегающих добродетелью, и способно вселять добрые надежды в заботящихся о ней, и способно показать близость к Богу преподобного этого мужа и тонкую прозорливость его богоносной души, что обычно достигается многими трудами добродетели, и подвижнической жизнью, и вознесением помыслов к Богу, и постом, подражающим ангельской бестелесности.

72. Расскажу я и об одном немалом чуде, примыкающем к прежним, которое несет великую славу Богу и явственно представляет правдивость Христа, Божественного Слова, в том, что служащие Ему не будут иметь недостатка в тех же, что и у Него, чудесах. Пришел к хижине, где безмолвствовал блаженный, некто одержимый тяжким недугом — ибо, постигнутый падучей болезнью, он лишился голоса, и рот

его был изуродован, потому что челюсть у него вывернулась с собственного места, так что безобразие недуга вызывало жалость даже у совсем не склонных к состраданию. Вот в таком состоянии прибегнув из-за горячей веры в блаженного к его жилищу, говорить он не мог, поскольку язык его был связан болезненной сухоткой, но, показывая кивками и рукой свое страдание, просил сотворить за него моление к Богу и одновременно, орошая пол слезами, умолял святого, надеясь его молитвой немедля получить исцеление от недуга. Подражатель человеколюбивого Бога, пожалев его и считая страдание ближнего своим собственным, не меньше больного увлажнял слезами ланиты. Итак, держа Учителем своим Христом, Который некогда даровал исцеление глухонемому, он велел ему открыть рот и коснулся пальцем языка, запечатлев его крестным знаменем, которым и болезни прогоняются, и бесы обращаются в бегство, и, преклонив колени на землю и воздев руки в небо, молился Создателю и Врачу, чтобы прибегнувший к нему не был постыжен и не обманулся в своих надеждах, с которыми тот пришел, полагаясь не на него, а на исцеляющего через него Бога. Так говорил блаженный, молясь с пристальным взором и простертыми руками, — и, свершив молитву, исполнил нечто премудрое, поистине дело Христа Учителя своего. Ибо, не желая, чтобы чудо было приписано ему (ведь он во всем стремился к скромности), он снабдил больного свечами и фимиамом и послал его к раке великого Иоанникия ²²,

²² Св. Иоанникий Великий (754—846) — один из самых прославленных подвижников Олимпа Вифинского, обладавший пророческим даром (память 4 ноября). Сохранилось два его дометафрастовских жития, одно — написанное монахом Петром, по всей вероятности, в 846—847 гг., другое — известного агиографа мо-

словно в другой Силоам, как Спаситель мира — прежде бывшего слепым, чтобы он оттуда получил исцеление. А тот старец (ибо больной уже достиг преклонных лет), повинувшись во всем святому, побежал бегом, полагаясь на свою веру и на святых в том, что получит исцеление. Когда же он был на середине пути, еще не добравшись до места, куда он был послан, он почувствовал, что прямо там освободился от недуга: ибо и язык его снова стал говорить, беспрепятственно совершая свое действие, и вывернутая челюсть вернулась на свое место, так что благолепие рта восстановилось в первоначальном виде.

73. И вот, ошеломленный радостью, тот, кто был освобожден от такого недуга прямо посредине пути, оказался теперь между двоящимися помыслами: идти ли ему, к кому он был послан, чтобы исполнить поручение пославшего, или отсюда же вернуться к целителю и воздать ему благодарность, а Богу через него славу? Итак, он остановился на первом из этих помыслов — не оставить неисполненным ничто из заповеданного ему святым, — боясь действия его силы и не зная, с какой целью он, собственной молитвой доставив ему исцеление, решил отослать его к другому целителю. Посему быстро преодолев остаток пути, он прибыл в то место, куда был послан, и, приступив к мощам великого того мужа, принес дары от святого и, от избытка радости беседуя словно с живым с поистине жи-

наха Саввы (860-е гг.). Греческий текст с латинским переводом опубликован в *Acta Sanctorum, Novembris I, col. 332–435*. Житие, написанное Петром, ныне доступно в английском переводе в книге: *Byzantine Defenders of Images. Eight Saints' Lives in English Translation / ed. A.-M. Talbot. Washington, 1998*. Славяно-русские минеи содержат перевод метафрастовского жития.

вым, сказал: «Вот, святы́й отче, брат твой посылает тебе эти дары и меня, исцеленного его молитвами, наверное, чтобы ты, казалось бы, умерший, увидел это — ибо я знаю, что вы, удостоенные таковых чудес, можете жить и после смерти и общаться друг с другом». Сказав так и рассказав тамошним инокам о благодати блаженного Константина и обо всем, что случилось с ним самим, он поспешил уже и вернуться к целителю. Итак, вскорости прибыв к жилищу блаженного и обливаясь слезами от несказанной радости, он показал ему действие его молитв, рассказал о времени исцеления и принес через него благодарение Богу. И, сопутствуемый его молитвами, он пришел к своим и рассказал об образе исцеления, и исполнил всех радостью, не только оттого, что больной избавился от недуга, но потому что Бог явил великого этого человека таковым целителем, и они надеялись тоже всегда обретать спасение через веру в него. Ибо и доныне и сам излечившийся, и видевшие его и слышавшие о причине происшедшего с ним чуда не перестают рассказывать об этом благодеянии и восхищаться поистине столь дивным и почтенным мужем.

74. Итак, когда это чудо стало известно в округе и местные жители уверовали в силу его благодати, некий отец бесноватого ребенка, взяв с собой на прошение и его мать, которую еще больше удручало это несчастье (ибо больное дитя, часто брошаемое и в огонь, и в воду, получало изрядные ранения), пришел и стал стучать в дверь блаженного. Когда же тот увидел посетителей, он спросил о причине их прибытия, а родители повергли ребенка к ногам святого, рассказали о недуге и просили об исцелении. Он же, избегая известности, у которой часто в обычае умалять вознаграждение, притворился негодующим на пришедших и настаивал, что ничего не стоит, и изобра-

зил гнев, прогоняющий просителей. Когда же он увидел, что они долгое время ждут и орошают землю многими слезами, он прекратил всякое лицедейство, отбросил притворство и стал плакать вместе с теми просителями, ничуть не меньше терзаясь сердцем о болезни ребенка. И вот, он совершил и нечто новое против своего обыкновения — ибо, взяв дитя, хоть это и была девочка, он, укрывший себя от всякого созерцания женщин и воспоминания о них, сострадательно посадил ее себе на колени (ибо богоносной душе, когда она старается о спасении, не ведомы срок, и дело, и прочее расположение) и в слезах поцеловал младенца в губы, освящая его прикосновением и освобождая от недуга. А затем, отдав ее родителям, сам он обратился к востоку, с простертыми руками призывая заступление свыше и умоляя Бога, чтобы девочка обрела свободу от искуителя. После же того, как он завершил молитву, он передал родителям здоровое дитя, сразу же оправившееся от иступления и явственно дававшее почувствовать, что пришло в себя. Повелел же он им больше не изнурять ребенка постом, а лучше кормить его впредь более основательной пищей. Итак, после того как блаженный дал этим людям такой совет и, радуясь, отослал во свояси, они вернулись с доброй надеждой, что обретут спасение для своего чада. Когда же прошло немалое время и дитя совершенно освободилось от недуга (ибо такие вещи обычно обнаруживаются по истечении срока), отец пришел к жилищу дивного целителя и исповедал благодеяние — что ребенок, достигнув полного излечения, ведет себя совершенно разумно во всем том, в чем раньше проявлял несмысленность.

75. Таковы дела великого Константина — такую силу дарует Христос возлюбившим Его настолько и так, как он, — Христос, сказавший: *«Верующий в Меня, дела, которые тво-*

рю Я, и он сотворит» (Ин. 14:12). Ибо благодать дала блаженному творить поистине великие и сверхчеловеческие дела, и столько, что слово неспособно о них рассказать. Ведь пусть даже мы и взяли за некие повествования, да и те изложили посредственно, однако даже их представить достойно, насколько требует слово для восхваления дивного мужа, не в силах не то что мы, но и если бы кто-нибудь из весьма сведущих в речах посвятил всю свою жизнь рассказам о нем. Ибо он оказался настолько горяч в своей вере в Христа, что презрел и самих родителей, и отринул советы христоненавидящей родни и сам мир вместе с богатством, и невестой, и круговращением житейских удовольствий, а вместо всего этого избрал Христа, и иго Его, и страсти, и вступил в войну во плоти с невидимыми врагами, полагаясь на вечные воздаяния. Ибо, последовав Моисею и Аврааму, слугам Божиим, из которых один бежал от халдейского суеверия, а другой — от египетского безбожия, он тоже распрощался с иудейским заблуждением и предпочел воистину божественную и непорочную веру Христову, так что из-за этого, я думаю, и был удостоен стольких чудес по благодати, которую издревле Бог обычно дарует тем, кто переходит из неверия к вере во Христа, чтобы из видимого удостоверилось то, что не видится, поскольку миновало.

76. Ибо так нашего времени Авраам, как тот сына, всю свою душу принесший во всеожжение Богу, в Которого уверовал, и получивший чрез веру обетование, сотворившее ему праведность во Христе, зная доподлинно, что *делами закона не оправдается никакая плоть* (Рим. 3:20), дерзал одной только верой, на которой, согласно небесному человеку Павлу, он строил из золота, серебра и драгоценных камней (1 Кор. 3:12), пра-

вой жизни и слова и славных дел, из которых строится у людей небесное и нерукотворное обиталище. Ибо кто так свершил подвижническое течение после прихода ко Христу, напряженное и полное борений, выдерживая целые бессонные ночи и целые дни в неумолчных молитвах и славословиях Богу, так что никакой даже малый промежуток времени не проходил, который бы не видел его беседующим с Богом? Ведь для некоторых жизнь есть главное дело, а остальное — побочное, даже если совершается нечто очень божественное, — а для него, наоборот, жизнь была делом побочным, и он всецело был в божественных делах, именно их, которые делают душу бесстрастной и блаженной, считая жизнью скорее, чем что-либо другое. Ибо пищей его были хлеб и вода, и то наималейшей мерой, чтобы распавшиеся узы естества не стали препятствием к служению Божеству; постелью же — камни и земля, и те доставлявшие редкое употребление; а богатство любви столь велико, что, если бы было возможно, он, по блаженному Павлу, стал бы анафемой (Рим. 9:3) ради спасаемых через него или даже отдал бы саму жизнь, если бы кто-нибудь нуждался в спасении от него. Поэтому горяча была его молитва за всех и Самого Бога, хотя Он и весьма человеколюбив, вынуждала благодетельствовать даже недостойным, и каждодневно он удивительным образом совершал чудеса. А чистоту и незамутненность его сердца к Богу показывает провидческая благодать, которой он славился вплоть до смерти, став грозным и почтенным, желанным и любимым для всех дальних и ближних, и по всей почти христианской стране знаменитым. Ибо кто, придя к нему и прося милости, не обрел подавание вожделенного? Ибо упражняясь в высшем безмолвии и убегая от мира, словно из огня, и предпочитая всему одиночеству с Богом, он из-за нелицемерной любви и непревзойденной милости к бедным и город посещал, и в монастыри приходил, и,

где бы ни случилось, делался всем для всех (1 Кор. 9:22), чтобы не отпасть от истинной любви и через себя умножить славу Божию, приобретая души всех или хотя бы некоторых. Он обладал искренностью Иакова по отношению к благочестивым, а иногда — суровостью Моисея по отношению к непослушным, зная время для всякой вещи (Еккл. 3:1), не ревнуя о неподобающей и не медля с повинующейся. Он стяжал целомудрие Иосифово, как тот — от египтянки, так же убегая от всякого удовольствия, словно от иноплеменницы, призывающей к греху; и ревность Илиину, благодаря которой он и дождевой поток удержал, и многократно удостоился боговидения; и пустынножительство и уединение большего из рожденных женами²³ (Мф. 11:11), через что и сподобился такой благодати чудес.

77. И зачем мне заводить долгую речь о том, что он свершил в своей священной обители духовной благодатью, и сколько трофеев воздвиг против плотских страстей и бесовского восстания, удалившись в пустыню, сколько раз благоугодил Богу добродетелью в путешествиях ради Него и какими чудесами, прославленный Им, прославил Его в ответ? Ведь если бы кто-нибудь пожелал рассказать о каждом из деяний этого мужа, то ему, конечно же, недостало бы времени, как и мне, прежде чем он изложил бы все по отдельности²⁴ — ибо пропущенного много больше, чем сказанного, и немощь наша приносит нам новое поражение, не от легкомыслия, но от бессилия. Поэтому, как бы приоткрыв сказанным множеством и величие его добродетелей, я оставляю дальнейшее в качестве повода для повествования другим, чтобы они потруди-

²³ Т. е. св. Иоанна Крестителя.

²⁴ Текст в этом месте испорчен, перевод по общему смыслу.

лись над пропущенным, — а я, изложив случившееся при кончине блаженного, и как он был прославлен, и вкратце что было после кончины, затем прекращу свою речь. Ибо поскольку труженику следовало получить вознаграждение за труды и, приглашенному на тот блаженный пир небесного Царя, неотложно вознестись, то и это, почти для всех неведомое, не стало неведомым и для него, но как Божественной благодатью он в зеркале различал скрытое, словно видимое воочию, так и тут, узнав о своей кончине за восемь лет, он предуведал срок блаженного своего преставления к Богу и что он имеет быть с Ним; и, стремясь уже к награде как победитель страстей, он не пожелал, как бы от большой радости, чтобы кончина его была неизвестна и близким. И пришел он к некоему мужу, который был весьма знаменит безмолвной жизнью и прочими добродетелями в Олимпской пустыне, — ибо он часто посещал его и оказывал ему ответное гостеприимство, так что каждый из них уделял другому от своих благ, и они соперничали друг с другом любовным образом в стяжании добродетели. Итак, его принимал великий Симеон (таково было имя блаженного старца), и когда каждый излагал другому свои дела по закону дружбы, он сказал: «Знай, отче, исполненный почти что апостольской благодати, что *меня уже приносят в жертву, и время моего отшествия настало* (2 Тим. 4:6), — и я пришел объявить тебе это, посчитав несправедливым, чтобы тот, кто во всем остальном был мне общником жизни по Богу, и дружбы, и ведения, не узнал и об этом и не сопутствовал нам сопроводительными молитвами, чтобы как в этом обиталище мы вкусили духовную любовь, так и переселившись туда, если будет благоугодно Богу, не разлучились от любви друг к другу». Итак, сказав это и оставив старца проливающим слезы, он вернул-

ся к своей хижине — и по прошествии немногих дней слег священным этим телом, не из-за болезни (ибо какое вещество, обычно досаждающее, было в преизбытке там, где кости, говоря Давидовыми словами, прильпнули к коже (Пс. 102:6) из-за чрезмерного поста?), но потому что душа уже отделялась по небесному призванию и отправлялась в горний путь, и ей надлежало понемногу отдаляться от земли, пока естество еще было порабощено земле в смерти, чтобы при внезапно наступившем разлучении сей почти бесплотный, если следует сказать и так, союз духа не почувствовал некоего смущения из-за неожиданности происходящего.

78. Так было с ним — а великий тот и почтенный старец, пораженный в сердце словно жалом (ибо и у него, похоже, была благодать предведения), бегом устремился, что было сил, к жилищу блаженного и, застав его лежащим на земле, говорил: «Что медлишь, отче? Встань и освяти нас твоими молитвами, прежде чем отправиться в небесный путь». Тот же, оправдываясь болезнью, до поры отказывался приступить к литургии, хотя с тех пор, как удостоился священнического сана, относился к ней любовно и ревностно. Посему старец много упрашивал его и одновременно взял за руку, поднял на ноги и призывал начать литургию, потому что и час был урочный, и переселение из этого мира торопило. Тот же повиновался и, словно бы и здесь воля повелевала естеству, начал обычную литургию. И, совершив священную и бескровную жертву, он послал ее перед своей душой, чтобы она направила его путь к Богу. После же того, как и это получилось у него столь хорошо и так, чтобы угодить Богу, во всем руководствовавшему его, он снова возлег, повинувшись закону естества, и сказал честному тому старцу: «Друг мой, как прекрасно твое устройство о нас и богоугодное,

похоже, старание, которое и нам по душе — ибо это последняя моя божественная служба и надгробное священнодействие Богу, после которого уже не будет следующего». Промолвив это, он поцеловал старца и попросил остаться, чтобы совершить его погребение.

79. Несправедливо будет умолчать и о случившемся чуде, подобном уже изложенным. В самом конце священной литургии прибыл некий монах из весьма любимых блаженным по изначальной дружбе — ибо простившийся с частной приязнью должен относиться ко всем с равной любовью, а больше других любить тех, кто отличается в любви к Богу по мере добродетели, а этому мужу блаженный воздавал большую честь и уважительную любовь, потому что в самом начале его отречения от мирской жизни тот тоже одновременно отрекся от всего мира и того, что в мире, что не относится к близости с Богом. Вот этот муж дерзновенным образом, когда увидел, что блаженный уже собирается отправиться к Богу, покинув плоть, томился и досадовал, как бы не отстать от него в исходе из жизни, но быть взятым вместе с блаженным и сопровождать его в смертном пути. И он прилагал все старания к тому, чтобы его моление не было оставлено без внимания, и чтобы добиться просимого. Сей же поистине сострадательнейший и великий в своем дерзновении к Богу доставил брату большое утешение, воспользовавшись весьма разумным рассуждением: «Ведь из-за чего ты так хлопочешь об этом деле? Разумеется, чтобы достичь спасения. Так вот, знай, что полезно тебе не обмануться относительно истины, имея меня помощником в твоём желании. Ибо если я достигну своего упования, то твоя кончина обязательно последует за моей, и ты не обманешься в моей славе, изведав на опыте мое дерз-

новение к Богу. Если же с тобой ничего такого не произойдет, то ты узнаешь наверняка, что мои дела обстоят противоположным образом, и у тебя будет утешение, что ты не сопровождал меня, раз я не добился просимого, и ты постарайся присоединиться к другому, лучшему, с кем и достигнешь всеми чаемого блаженства». Сказав это, блаженный, поскольку был утомлен служением литургии, отошел ко сну, потому что и естество, и благодать желали вместе дать ему знать о том, что до сих пор оставалось неясным для него, после стольких трудов и столь великих подвигов, и такой благодати чудес еще сомневавшегося в тамошнем блаженстве.

80. И вот привиделся ему божественный сон, предвещающий пророкам будущее, апостолам же внушающий многие из божественных заповедей и всем святым показывающий, словно в зеркале, исход будущих событий, когда душа при бездействии ощущений отделяется от них и общается с горним и божественным как с родственным себе, и, как бы узнав оттуда то, что устроится Богом, но еще не снизошло до нашей окраины, с помощью намеков творит в себе представления, снова сплетаясь с плотным веществом ощущений при пробуждении. Итак, этот то ли сон, то ли некое иное божественное явление поведало ему об уготованной ему доле блаженства во Христе: ибо ему показался некий вызолоченный дом, украшенный по золоту драгоценными камнями и жемчугом, а у самого этого дивного дома — другой домик, выстроенный поблизости, тоже ничуть не хуже украшенный золотом и жемчугом, и самоцветами. И изумившись этому зрелищу, он осведомился, чей это дом. Тот же, кто показывал видение, не был лишен и голоса и дал ответ на вопрос, сказав, что больший дом — Предтечи благодати и всех, кто подобно ему провел пустынную жизнь. А он снова спросил: чье же поистине бла-

женное достояние есть этот маленький и прекраснейший домик? «Того, кто спрашивает, — отвечал тот, — но поспеши, поселись вместе с душой того, чьей жизни ты подражал». Показав это блаженному, то божественное видение заставило сон отлететь, а созерцавшего — очнуться. И он, пораженный необычайностью зрелища, уже не мог скрывать радости, но рассказывал присутствующим об увиденном, обливаясь обильными слезами из-за невозможного ликования. Из-за этого и инок, просивший обрести вместе с ним кончину, тем паче возымел добрую надежду и с большим жаром или готовностью смотрел на совместный с ним путь. Ибо боголюбивая душа, вождемая спасения, часто имеет обыкновение ради него презирать даже смерть, особенно если упования ее тверды.

81. Когда же призвал час разрешения и наступило исполнение упований (ведь его всегда питало вожделение *разрешиться и быть со Христом* (Фил. 1:23), согласно божественному Павлу), он рассудил умереть не прежде, чем пообщается с Богом по обычному образу молитвы. Посему в то время как совершалось вечернее священное действие священного Рождества Христова, его привели в церковь, и он всецело предался молитве. Когда же литургия уже начиналась, и все вместе спели стих «Приидите, возвеселимся Господу» (Пс. 95:1) и закончили его, святой, поскольку настала необходимость уплатить неотвратимый долг естеству, уже не мог больше там оставаться и, уже предчувствуя последний час и как бы призываемый стихом возвеселиться Богу, поклонился Владыке и, тяжело дыша, пошел из храма в келью. И, еле добравшись туда, он возлег, сказав братии: «Господь только что призвал меня». Они же, поспешив с литургией, пришли в преподобную келью блаженного, чтобы напоследок вкусить его святых молитв. А с ними осталось и множество из тех,

кто обычно собирался туда, оплакивая разлуку с этим великим и дивным добродетелью мужем. Он же, возлежа на той священной и почтенной для ангелов подстилке, которую каждую ночь орошал слезами, приказал всем, оставив прочее, обратиться к священнословию «Господи, помилуй», и сам начал его с простертыми руками. Когда же они закончили первую сотницу, честнейший отец запечатлел их рукой и снова велел продолжать то же самое; и дважды по исполнении сотницы святой запечатлевал конец. А после того, как она же была отмерена и в третий раз, он один читал какие желал священнословия, а священный тот сонм стоял, преклонив голову и прося последнего запечатления. Сей же поистине, скажу ли человек Божий или ангел, одновременно наложил последнюю печать медленно движущейся рукой и, сказав, чтобы мы направляли *ноги наши на путь мира* (Лк. 1:79) (некоторые услышали вблизи, как он шептал это), предал блаженный дух в руки Божии.

82. И вот, хижина наполнилась сильнейшим благоуханием — присутствующие же, обрадовавшись, встали, правильно рассудив, что благоухание знаменует кончину праведника²⁵. И таким светом озарилось его лицо, что, казалось, оно сияет, освещенное падающими на него солнечными лучами, — и таким образом столь высокий величием добродетели человек, отдав залог в руку Божию (ибо *души праведных в руке Божией* (Прем. 3:1)), отрешился от здешних и присоединился к тамошним для воздаяния венцов — удалился с земли и перешел на небо; покинул жилище человеческое и приобщился к ангелам; избавился от трудов и стяжал вечное упокоение; лишился

²⁵ Буквальный перевод «сочтя благоухание причиной кончины праведника» не дает удовлетворительного смысла.

тленного и получил нетленное — быть может, как Петр, горячий ревнитель Христов, вместо ветхого невода принимая наследие Царства — ведь таково обетование. Он умер плотью и был оживотворен духом, а вернее, отделился на время от плоти и стал близок к Богу, Который так повелел, чтобы при гласе Архангела и последней трубе (1 Фес. 4:16) он вместе с телом, с которым он победил мир и то, что в мире, вкусил тамошнего блаженства, уже не боясь быть отторгнутым от соратника, потому что смертное облечется в бессмертие, но в вечном единстве пребывая уже в непреходящих благах, когда сама плоть будет как бы очищена и сделана бессмертной вместе с духом.

83. Итак, когда этот блаженный и поистине прославленный муж преставился к Богу, сразу же явилось доказательство того, какое местопребывание он обрел по достоинству. Ибо после того, как это священное тело, над которым был совершен надлежащий обряд, подобающий такому мужу, было предано всеобщей матери земле, как бы для сохранения в ее лоне, пока Разрешивший не свяжет заново, частые песнопения и словословия сменяли воздыхания о разлуке с отцом его близких и тех, кто им был наставляем в добродетели, и все молились о том, чтобы стяжать его долю и не остаться лишенными предстательства, а особенно тот, кому он поведал о просимой кончине, — о том, чтобы не остаться без доброго сопутствия отца к Богу. И узрите отсюда его дерзновение к Богу и безошибочность предсказания: ибо не прошло еще и пяти дней, и без всякой видимой причины, какие всякому предвещают кончину, этот отцелюбивый и поистине блаженный в своем счастье иннок слег в постель и, простившись с окружавшей его братией (потому что местом его попечения о душе была обитель, называемая Флувуги), сказав только: «Я надеюсь достичь место-

пребывания с великим Константином, который, уходя из жизни, оставил меня с доброй надеждой», простер руки и испустил дух, погрузившись в поистине добрый и блаженный сон. Так кто же не подивится дерзновению сего блаженного к Богу, и кто, прибегая к нему с горячим влечением, не посчитает бесспорным доставляемое его предстательством спасение? Ибо великодаровитому Владыке Христу свойственно не лишать Своих слуг и такой чести, но тем, кто из-за недостойности по отношению к Нему призывает Его рабов к предстательству, Он столь щедро дарует через них спасение — ибо Он не только прославил его при жизни, но и после кончины почтил теми же чудесами, которыми честная его гробница блистает каждодневно, и которых множество чтобы рассказать, понадобится иное слово и очень долгое время, дабы повествование было в удобный час предложено желающим.

84. Теперь же я намереваюсь изложить кое-что малое, чтобы только показать, как говорится, на одном плоде красоту урожая его чудес. Благоуханное миро источает честная гробница блаженного, и оно есть неиссякаемое и целебное лекарство от всякой болезни для черпающих его, которые познали это на опыте. О величии же таковой благодати пусть расскажут те, кто обрел в нем врачевание для недугов, и из них в первую очередь тот, кто первым и снискал благоденствие после твоего отшествия. А это был тот, кто при жизни блаженного был его помощником в служении, инок в прочих отношениях простоватый, но в послушании и вере в него старавшийся не уступать никому. Итак, он, прислуживая на обряде, совершавшемся по отцу на третий день после его исхода, угощал собравшихся — и не из чего иного, как из вареных овощей составив трапезу, стал преемником той блаженной бедности

отца, самолично обслуживая застолье. Поскольку же глаза его наполнились дымом и от этого образовалось воспаление с невыносимой болью, он лишился зрения, до такой степени, что даже и не надеялся на возвращение своих глаз в первоначальное состояние (а это, стало быть, было соделано Богом, желавшим прославить Своего слугу даже после кончины нечаянным выздоровлением его верного помощника). Когда же болезнь стала свирепствовать и невыносимое глазное воспаление вызывало сильную боль, он порешил нечто достойное своей веры и, воспользовавшись проводником, пришел к честной гробнице отца, обнял ее и с воплями просил об избавлении от недуга, помазывая глаза лампадным маслом и напоминая, словно живому, живому в духе о прежних своих трудах ради него и услужения ему и о недавно напавшей мучительной и невыносимой болезни. И тут же, вопия, он уснул. И вот, увидел он, совсем как наяву, блаженного, проходящего перед его взором и зовущего его по имени. И как только тот позвал его, он проснулся, избавленный от боли, и зрение его стало лучше прежнего, так что чуду поражался не только исцеленный, но и те, кто видел недуг и несчастье инока, а затем, когда не прошло еще даже трех дней, сразу узнал об исцелении от болезни. Из них некоторые, не веря в излечение больного из-за силы недуга, не с одного слуха уверовали, но, увидев исцеленного своими глазами, получили удостоверение.

85. Начав творить такие чудеса как бы с самого исходного рубежа, великий Константин и поныне не прекращает, славясь подобными же победами над разнообразными недугами, предлагая всем честную гробницу своих мощей для бесплатного и всегда успешного врачевания. Ибо сколько язв от неизлечимых ран на ногах и руках, и прочих

членах он заживил одним только прикосновением к гробнице и помазанием истекающего из нее мира? Для этого нужен был жар его воли — а свидетели тому обретшие исцеление, громогласно объявляющие о благодеянии. Сколько страдавших лихорадкой с ознобом, которых уже и сосчитать невозможно, в одночасье сподобились избавиться от такого недуга, лишь помазавшись маслом от его лампы, в сражении с болезнью²⁶, когда враждебные соки разжигают страшную войну против человеческой жизни и часто для исцеления требуют только помощи Божией или Его слуг, — и пусть об этом расскажут сделавшиеся из немощных крепкими и из больных — здоровыми, которые и не терпят молчать, но любят сидеть возле священных мощей блаженного из-за преизбытка творимой им благодати. А сколько людей избавилось от бесов, юноши и старики, и дети, незрелым возрастом пробуждавшие жалость в видевших: часто не одно дитя и не два, но множество, одни уже одержимые бесами, а другие снедаемые, как часто бывает, врожденными недугами, когда при полнолунии или новолунии дурные соки приводят страждущего в исступление. И доказательство этого — сами тела, принявшие благодеяние, побуждающие души провозглашать милость. И кто бы захотел продолжать такого рода рассказы о том, как знаменитого этого и поистине великого мужа Прославленный им прославил в ответ, всякий раз для многообразных болезней изливая через него многообразные и различные чудеса? *Ибо поистине дивен Бог во святых Своих* (Пс. 68:36), из рода в род восставляя их словно светила в жизни и удостоверяя древнее но-

²⁶ В оригинале текст испорчен, перевод по общему смыслу.

вым, чтобы чудеса древних святых не стали сомнительны, существуя только в молве.

86. Велик Илия, чей язык был ключом к небесным вратам, — но наш Илия делом удостоверяет слово о чуде, не заперев дождь или призвав его на землю, но словом повелев, и отвратив, и ограничив землю, не омоченную бурным ливнем. Велик Предтеча неизреченного домостроительства, больше кого нет среди рожденных женами (Мф. 11:11), и никто из людей не достигнет его величия, чтобы стать и завершением закона, и глашатаем благодати, и прочим, благодаря чему он сделался другом и вернейшим свидетелем поистине человеколюбивого Спасителя нашей природы, — но предмет моей речи был подражателем его, подражателем пустынножительства и веры, обличавшим пустых книжников и фарисеев и пришествие Христово не предвозвещавшим, но подтверждавшим и уводившим послушавшихся его от тени закона и даже до самой, если потребуется, крови с дерзновением обращавшимся к еврейскому народу. Антоний Великий освятил пустыню ангельским житием; Евфимий обустроил поистине возлюбленный и божественный устав монашеской жизни; блаженный Савва и другие, кто украсил собой подвижническую жизнь, проживя ее, стали дивными в добродетели и удостоились достичь вечного блаженства — а сей прославленный муж, наподобие пчелы собравший ото всех прекраснейшее и старавшийся никому не уступить первенства, словно в зеркале показывает в себе их жизнь, являя благодатные дары всех их как в жизни, так и в чудесах одним неискаженным обликом своего жития. Поэтому мы поняли, что нелегко сплести ему повествованиями похвалу, которая превыше нашего

слова, и возложили все на Бога, Который и его вознаградил бессмертными и превосходящими всякое слово воздаяниями, и нам, опять-таки, предоставил его в качестве кормчего жизни, руководителя ко спасению и непостыдного ходатая о благодеяниях.

87. О, отец наш (ибо я знаю, что праведные не завидуют, когда всякий, у кого больше любви и привязанности, усвоит себе общее благо, потому что благодать не ограничена), о, древних доблестей образ, а новых образец; о, презревший ревностью в вере и родство, и богатство и подражавший бестелесным чистотой жизни; о, град пустыни — ибо ты один был достаточен вместо тысяч, простираясь множеством славословия Богу; о, украшение безмолвия, ставший для многих образцом его; о, утучнивший постами дух и умерщвлением плоти иссушивший страсти, и милостью сострадания ущедривший Божественную милость и хранивший лампаду, которой хватило на вход в брачный чертог, — ты с недавних пор имеешь вечные воздаяния за труды и подвиги, само Царствие Небесное, ради которого ты выдержал столько борений, сами вечные блага, невидимые глазам плоти и неслыханные для ушей ее, и недоступные разуму, вожделенные даже для ангелов — их ты вкушаешь, радостно торжествуя, с пророками ликовствуя, с апостолами веселясь, с отцами радуясь, со всеми святыми сообща...²⁷ и совместно с полками ангельскими творя непрестанное славословие. Но ты, окончив жизнь, удостоился и таких наград — тем же, кто исполнен рвения о тебе ради прославившего тебя Христа, кто стремится обнимать честную

²⁷ В рукописи одно слово не читается из-за повреждения пергамена.

твою храмину и у кого пламя влечения к тебе еще сильнее разгорается от горячей веры, да даруешь свершение надежд на спасение. Ибо предстательство твое уже чисто, потому что ты освободился от телесной слепоты и здешнего мрака, которым мы все объаты, и достиг того места, где ты уже не в отражении и не в намеках предстоишь перед Божественным ликом, непосредственно принимая озарения и вкушая тамошнюю радость, которая для христиан есть предел упований — так даруй же в обмен на любовь умилоствление душевных прегрешений и исцеление телесных немощей, избавь от всех несчастий, причиняемых грехом, и будь нам во всем в этой жизни защитник, руководитель и помощник ко всяческому спасению, творя нас общниками тамошнего твоего блаженного местопребывания, чтобы благодаря твоему посредничеству Христос, Бог всяческих, особо почтивший тебя как при жизни, так и после кончины, взял десницей нашу десницу, и повел нас Своею волей²⁸... и принял со славою в небесные чертоги, даровав нам вместе с тобой вкушать радость и сладчайшее блаженство, ибо Ему подобает слава, честь и поклонение со безначальным Отцем и всесозидающим и животворящим Духом, ныне и присно, и во бесконечные веки веков, аминь.

²⁸ В тексте лакуна.

ЖИТИЕ СВ. ИСПОВЕДНИКА НИКИТЫ, ИГУМЕНА МИДИКИЙСКОГО

Житие св. исповедника Никиты, игумена Мидикийского, несмотря на свое огромное значение как исторического источника, в настоящее время весьма труднодоступно даже для исследователя. Единственное печатное издание находится в апрельском томе Acta Sanctorum, последний раз выходявшем в XVIII в. Более того, до сих пор не существовало полного перевода этого памятника на какой-либо из современных европейских языков.

Ценность Феостириктова Жития для историков объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, произведение было создано после 828 г. и до 843 г., то есть еще во время правления иконоборческого императора Феофила. Это означает, что автор был современником и очевидцем описываемых событий. Во-вторых, Феостирикт проявляет необычный для агнографов интерес к событиям церковной истории, даже к тем, в которых его герой прямого участия не принимает. Именно поэтому, прочитав Житие, можно составить себе вполне основательное представление о византийском иконоборчестве, даже не прибегая к другим источникам.

Литературные заслуги Феостирикта пока не оценены по достоинству. Однако читателя, знакомого с риторическими упражнениями византийских агнографов, не может не поразить честность и прямота автора Жития — например, там, где он описывает «падение» своего героя, пошедшего на компромисс с еретиками. И конечно, лейтмотив памятника — исповедническое противостояние безбожной власти — звучит для России XX в. как нельзя более актуально.

Для русского читателя Житие Никиты представляет большой интерес еще и потому, что именно в нашей церковной традиции сохранился его полный текст. В единственной греческой рукописи этого памятника (Vaticanus Graecus 1660) сочинение Феостирикта

примерно на четверть короче, чем в церковнославянских месяце-словах русского извода (в частности, в Макарьевских Великих Минеях Четних *). Как удалось установить автору настоящего перевода **, фрагменты, отсутствующие по-гречески, восходят к первоначальному тексту, который в Ватиканском кодексе подвергся сокращению (скорее всего, по такой прозаической причине, как нехватка пергамента). Русский перевод учитывает церковнославянский, но через посредство греческой реконструкции. Иными словами, вначале был сделан обратный перевод со славянского на греческий, и уже с этого восстановленного текста — на русский. Места, отсутствующие по-гречески, выделены фигурными скобками {}.

Перевод выполнен по критическому тексту, любезно предоставленному профессором Уппсальского университета Я. У. Русенквистом.

* Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изданы Археографической комиссией. Апрель, дни 1—8. М., 1910, стб. 32—102 (славянская нумерация).

** См. Приложение.

Месяца Апреля в 29 день ¹.

**Слово надгробное преподобному отцу нашему
и исповеднику Никите, писанное Феостириктом,
учеником самого блаженнейшего**

1. Предлежит нам дело величайшей пользы, воспоминание преподобнейшего отца нашего Никиты; предлежит нам, сколько возможно, священное пиршество, составленное из невещественных и духовных яств, не чувственные тела питающее, но угощающее и радующее разумные души, на котором я сегодня буду неискусным распорядителем, в простых речах предлагая его вам, духовным соотрапезникам, ищущим по обыкновению всегда насыщаться душепитательными поучениями отца. Ибо, говоря по-апостольски, о священное собрание, *рассудилось и мне* (Лк. 1:3), издавна, как вы знаете, следовавшему за ним, не все описывать по порядку (да мне и не по силам), но включить в повествование лишь немногие из многочисленных его подвигов для наставления и пользы читающим и тем, кто пожелает прочесть позже, чтобы не исчезли со временем его достоинства, скрывшись в глубинах забвения. Итак, многие написали о жизни, речах и свершениях многих живших до нас святых, их возвеличивая словом, а нам тем самым доставляя

¹ Рубрика в единственной сохранившейся рукописи, возможно, объясняется тем, что память преп. Никиты Исповедника могла, по-видимому, отмечаться как 3, так и 29 апреля (день перенесения мощей?). Во всяком случае, славянский Пролог конца XII в. под 29 апреля содержит статью об «игумене Никите, иже в Пирех» (греческий прототип отсутствует), некоторые детали в которой явно восходят к Феостирикову житию. Однако полный текст Жития Никиты русские месяцесловы помещают под 3 или 2 апреля (последнее число явно ошибочно).

большую пользу, так что по этой причине и мы вслед за ними подвиглись на подобное. Ибо несправедливо, чтобы таковая добродетель этого мужа была покрыта молчанием, так же как и свечу, по евангельскому речению (Лк. 8:16), не ставят под сосуд, но на подсвечник, чтобы она светила всем; входящим в жилище жизни, и сияла пред людьми во славу небесного Бога, прославляемого через добрые дела.

2. Но за такое предприятие следовало бы браться тем, чья жизнь пряма и безупречна, и чья речь почтенна и благочинна в соответствии с жизнью. Ибо там, где первое достигнуто, щедро изливается и второе как бы из исполненного духом сокровища, а там, где этого недостает, и речь исходит или произносится по догадке и с размышлением. И я думаю, что и они едва могут по достоинству изобразить добродетель сего мужа — столь она велика. А точнее будет сказать, что даже и они не могут, а не то что мы, не обладающие ни тем, ни другим, ни почтенной жизнью, ни складно произносимой речью, будучи совершенно несведущи во внешней учености. Но влечение к святейшему отцу побуждает меня, подталкивая к этому предприятию и говоря: «Может быть, будет тебе какой-то душеполезный плод от рассказов о нем. Ведь и те, кто приготовляет миро, даже если по природе они несовершенны, однако же по большей части и сами причастны к благоуханию, и для других узнаваемы обонятельным ощущением по запаху». И снова противодействует страх, удерживая меня и выставляя мое недостойнство такими словами: «Как бы, желая похвалить, ты не оскорбил его некрасивыми речами и не привел в негодование против себя. И будет это тебе во вред, чего не хотелось бы претерпеть. Итак, следует тебе скорее возлюбить молчание, безопасное от всякой боязни, в котором не придется раскаиваться, как это часто случается с высказанным».

3. И вот я колеблюсь между ними словно на весах — но влечение перевешивает и тянет вверх чашу страха, призывая в помощники подателя слова Христа и зная, что долготерпение великого мужа (ибо он и в этой жизни был снисходителен) прощает наши недостатки — и я уверен, что и сейчас его блаженство тем более извинит меня. Ибо, как кто-то сказал, мил отцам лепет детей, и Богу любо то, что по силам. Прибавлю я еще и вот что: пусть никто не думает, будто я пишу что-либо лживое или вымышленное (ведь у недоверия в обычае вредить пользе) — потому что какая мне выгода от лжи, если я буду других хвалить, а на самого себя навлеку отречение Святого Духа, о котором сказал пророк Давид? Ведь сказанное — это не басни, как считают внешние. Но довольно об этом — и с Богом, Который есть причина всякого начала, начну я вот откуда.

4. С чего же начать? Сказать ли об отечестве, и о происхождении, и о том, где он вырос — но зачем я буду занимать этим речь? Сказано, что град святых есть град Божий, строитель и зодчий которого Бог. Отечество же — горний Иерусалим, мать Павла и спутников его, как сказал великий Василий. Если же кто стремится узнать имя и дальней его родины, то произвела его на свет Кесария Вифинская — она вскормила его, и вывела в жизнь, и сделала его известным всем, она и вкусила первые свершения его возраста. О прозвании же родителей его, относительно матери я совсем ничего не могу сказать, что же до отца, то возлюбивший добродетель богоносный отец наш тезоименно рожден был от отца по имени Филарет², который был благочестив и богоугоден, и впоследствии также сподобился иноческого жития, в котором и скончался. Сей был связан с родительницей

² «Филаретос» — любящий добродетель.

его законным браком, и имел его единственным сыном, потеряв супругу на восьмой день после рождения преподобного — ибо сотворивший ее Бог взял ее к Себе.

5. Воспитывался же он у матери отца, и когда достиг отроческого возраста, то отец отдал его учиться обычной для детей грамоте — и ребенок, будучи любознателен и прилежен, за малое время все выучил — а затем Псалтири. И посвятив его Церкви, как Анна Самуила, он отправил его пока исполнять обязанности причетника³. Тот же исполнял их во всяческой богобоязненности и с духовным разумением, так что все удивлялись его добродетельному поведению и нраву. Ибо кто когда-нибудь видел его проводящим время в детских играх, как у них заведено прыгать, скакать, бегать, кувыркаться, улюлюкать? Кто замечал, что он смотрит на плясунов или танцовщиц или вообще приближается к ним и слушает бессмысленные слова? Кто заставлял его хотя бы за кратковременным посещением попок, где просиживают часы за вином, на которых рассказы⁴, беспорядки и болтовня? Но сидя дома и держа в руках попавшуюся книжку, он внимательно читал и возрастал, говоря по-евангельски, премудростью, и годами, и разумением (ср. Лк. 2:52), никогда при том не пропуская служб. Божественное же Писание он слушал, чувствуя его сердцем, то как Бог сказал Аврааму: *Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего* (Быт. 12:1); то пророка Исайю: *Выходите от среды их, и отлучитесь, и не касайтесь нечистого, и Я приму вас*

³ Буквально «храмового прислужника», *νεωχόρος*.

⁴ *Τραγῳδίαί*, возможно, значит здесь «пение». Именно так понял это слово славянский переводчик.

(ср. Ис. 52:11); и снова глас Божий: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10:37–38); и опять-таки: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16:24); и вновь: *Если кто приходит ко Мне и не отрешится от всего, что имеет, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14:26 и 33).

6. Слыша эти и подобные слова, он сеял не их на дороге, то есть на поверхности разума, чтобы их топтали, и чтобы воздушные пернатые (то есть злые духи) подбирали и поедали их, и не на твердой почве окамененного (то есть нечувственного и сухого) сердца, чтобы в пору зноя (то есть искушения) они иссохли, не имея {никакого} корня, и не среди терний житейских забот, где бы они задохнулись и не созрели — но на благой и тучной земле своего сердца, где они и дали плод Богу, тридцатикратный, шестидесятикратный и стократный, первое через добродетельное поведение его в мире, второе через безупречное подвижническое прохождение иноческой жизни, а третье через исповедничество за веру и многие гонения, о которых я расскажу позже. Но нужно вернуться к нашему предмету.

7. Услышав же божественные изречения, как мы уже сказали раньше, что делает он и что задумывает? Переселяется умом и претворяется наилучшим творением, от одной силы перейдя на другую. И предпочтя большее меньшему, он размышлял, как достойно послужить Божеству. И узнав от господствующего разума, что путем безбрачной жизни, в кото-

рой нет смуты⁵, он мог бы очистить чувства и чисто общаться с Чистым, он поспешил порвать с миром и сродниться с Богом — и распрощавшись со всем, с отцом, друзьями, родными, ровесниками, сопричетниками, близкими, он излетел из родных мест и пришел к потоку, протекавшему к югу от того же города, к некоему старцу по имени Стефан, который там безмолвствовал, и стал его соратником и сподвижником, получая от него наставление в правилах иноческой жизни.

8. Когда же старец увидел его старание и усердие, он посоветовал ему отправиться в киновий, так как это полезно в особенности для молодых, стремящихся взойти на вершину добродетели, и доставляет им большее упражнение. Внял великий доброму совету старца и, запасшись в дорогу его молитвами, пошел по пути, ведущему к морю, по которому вело его Провидение, намереваясь через него стяжать Себе народ освященный, ревнителей добрых дел. И прибыл он в эту Мидийскую обитель, которая тогда была малонаселенной и управлялась основавшим ее преподобнейшим отцом нашим Никифором. И он молил пастыря принять его в обитель. Когда же проникательнейший пастырь увидел его и понял по виду и нраву, что тот придется ему кстати, он принял его с радостью и сопричислил своей пастве. И когда это случилось, блаженный принялся за делание Господних заповедей, и, почитая ни во что все здешние временные удовольствия {этой} непродолжительной и текучей жизни, распял себя для мира, как и мир был распят для него. И жил он уже не ради себя, но ради Христа и предстоятеля, и всякое вещественное

⁵ Перевод исходит из подтверждаемого славянским текстом чтения *бѣтосъ* в противовес предлагаемому издателем *бѣтосъ*.

пристрастие окончательно умертвил невещественным пристрастием к горнему.

9. Уход же его на чужбину оказался безвозвратным — ибо с тех пор, как он покинул родину, он не видел ее вплоть до отхода своего к Богу. Сам же он изгнал всякое лукавство и послушание своим безыскусным и нелицемерным послушанием. Постоянной же мыслью его были раздумья о смерти — а владычицу эту⁶ он так подчинил, что даже необходимое уделял ей с большой недостаточей, когда она не стыдилась просить потребное для жизни. Воздержанность же он выказывал не только через отказ от пищи, но и чуждаясь всякой вещественной страсти по слову сказавшего: *все подвижники воздерживаются от всего* (1 Кор. 9:25). В целомудрии же и чистоте он преуспел настолько, что претворил эту тленную оболочку в нетление и в вещественном теле являл бестелесную и невещественную жизнь, бесплотнo жительствова ангелоподобное житие. Не было в нем страсти гнева, или раздражения, или злопамятства, не проявлялось в нем ненависти, оговора или осуждения, не было в нем даже воспоминания о многоречии, легковесности или вообще празднословии, но все делание его было размышление о Божественных речениях и неустанная молитва. Разве был у него хоть след тщеславия или гордости, или что-то делаемое напоказ людям? А дар смиренномудрия он получил столь щедро, что всегда считал всех выше себя, подчиняясь всем, не только первым, но и даже до последних выказывая смирение и послушание. Любовь же к Богу и ближнему он имел неколебимую. Разве был в нем род човекоугодниче-

⁶ Судя по грамматическому роду в греческом оригинале, имеется в виду плоть.

ства или самодовольства, или самолюбия, или ветрености, или притворства, или украшения одежд? Так что он даже тело презирал и, совсем не заботясь о нем, старался только представить его Богу чистым и безупречным. И делая все в простоте нрава и нелукавым сердцем без рассуждений, он принимал все, что ему говорил предстоятель, словно из уст Самого Бога, и исполнял безыскусно и не колеблясь со всею верою и удовлетворением, ничтоже сумняшеся.

10. Пастырь же, видя его столь старательным и усердным, еще до истечения пяти лет представил его к рукоположению в пресвитеры — каковое он и получил из рук великого Тарасия, украсившего Константинопольский патриарший престол многими добродетелями. Когда же это произошло, он препоручил ему против его воли заботу об обители. Преподобный же очень досадовал на поручение, однако, не привыкнув когда-либо противоречить, он и тут не осмелился возражать и, хотя и против желания, все же принял его. Итак, взяв на себя эту заботу, он исполнял ее со всяким прилежанием, стараясь умножить паству — что и случилось. Ибо когда молва о нем распространилась повсюду, очень многие приходили к нему и постригались, и так в течение немногих лет братия в числе достигла сотни. И он спасал ее благодатью Христовой как опытный кормчий, направляя к пристани спасения, бодрствуя над ней как наилучший пастырь.

11. И каков был в добродетели преподобнейший отец наш Никита, такого же послал ему Бог всяческих помощника, который стал вторым после него, некоего Афанасия, мужа почтенного и дивного, чью добродетель невозможно поведать между делом, и чьей любви к Богу, которую он явил в начале

своего ухода из мира, я думаю, и ангелы удивлялись. Ведь он был любимцем у отца, и тот, отменно выучив его письму, отдал его в так называемое ведомство логофета в качестве писца казенных грамот, полагая, что получит через него немалые мирские почести. Юноша же презрел все и бежал в один из киновиев, я имею в виду Символон. Отец же его, узнав об этом, силой вернул его к себе и, выбросив одежду из киновия, против воли надел на него дорогие облачения. А тот говорит отцу: «Ты думаешь, что шелковыми одеждами ты отворотил меня от поставленной цели? Я презрел весь мир, ибо *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16:26)?» И отец запер его, {надеясь} переубедить в благом решении, а юноша, воспользовавшись случаем, разодрал на части шелковые облачения. Отец же, увидев это, надел на него другие, а тот сделал с ними то же, что и с первыми. Посему отец, разгневавшись, так нещадно его бичевал, что спина его загноилась от невыносимых побоев и врачи применили хирургию. И когда юноша сказал отцу: «Меня невозможно переубедить, даже если ты разрубишь меня на куски», тот проникся сокрушением и, {весь} в слезах, отвечал сыну: «Иди, чадо, отправляйся в добрый путь, который ты избрал, и да будет тебе Христос помощником, избавляя тебя от всех силков дьявольских».

12. И тогда он пришел в упомянутый монастырь, воочию являя в нем труды подвижничества — и такое обрел смирение, что ничего не оставил у себя от видимого мира. Многие из вас, знакомые с этим мужем, знают это по той самой беднейшей одежде, которую он носил, так что никто не одевался беднее его, хотя он был в миру очень благородного происхождения. И он, как уже говорилось, был приглашен наши-

ми преподобными отцами в нашу обитель, и славный Никифор вверил ему второе место после преподобнейшего отца нашего Никиты. Итак, оба они стали одной душою и одной волей в разных телах, управляя всем в спокойствии. Ими руководил преподобный Никифор, а они руководили всей братией, и в чем-то вели, а в чем-то были ведомы, соединяемые любовью друг к другу и к предстоятелю — и никогда между ними не было раздражения или ссоры, но были они истинными пастырями и испытанными врачевателями душевных недугов, заботившимися о пастве со всяким усердием и знанием, один рассечением — ибо он был резок, а другой лечил рассеченное, умащая некими сладостными речами — потому что он был кроток — и один занимался телесными <нуждами>, а другой духовными, но оба и теми, и другими.

13. И так они, как опытнейшие и ученейшие врачи, со всею заботливостью, как сказано, пасли словесных овец Христовых. Жесткость и неподатливость они смягчали порицанием и лишением чести; вялость и подавленность, то есть уныние от какого-нибудь искусительного или огорчительного зноя, лечили, ставя на ноги свирелью слова, розгами рассудительности и сострадания поднимая от сна падшее и сокрушенное и связывая его страхом суда. И прилежным научением пробуждая омраченных и легкомысленных, от уныния расслабившихся и зазевавшихся, они особенно осмотрительно следили также и за теми, кто шел быстро и уходил вперед, чтобы их не подстерег зверь самомнения — и вообще, короче говоря, они стерегли всю паству со всяким усердием и заботой, бодрствуя над ней и не позволяя умопостигаемым зверям растаскивать ее, не как наемники, но как наилучшие пастыри пастыреначальника Христа. И так они воспитали всю

братию и соединили в любви друг к другу и единомыслии, что исполнилось на них сказанное: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35), и тогда будете свободны от всякого дерзкого слова⁷. О празднословии же или балагурстве у них не было и помину, но, проводя время в изучении Божественных речений, каждый из них исполнял порученное ему служение, прочитывая наизусть каждый день всю Псалтирь, и когда они заканчивали, то понуждали друг друга продолжать последование псалмопения, так что они вообще никогда не были праздны от славословия Богу. А если и проникало через кого-нибудь празднословие, то другой устранял его увещанием. Были и тайно назначенные братья, которые возвещали отцам, что каждый говорит или делает, так что из-за этого никто не осмеливался произнести какое-нибудь праздное слово даже в отсутствие предстоятелей, избегая упреков.

14. А когда они совершали божественную литургию, великий отец наш Никита стоял перед святым жертвенником как будто предстоял самому престолу Божию, священнодействуя и совершая божественные таинства. А преподобный Афанасий стоял рядом погруженный в себя, держа литургическую рипиду — ибо он был диакон, а потом и пресвитер — со страхом и трепетом, и орошал слезами честные свои ланиты и грудь — и так в продолжение всей святой литургии. И так чисто и безупречно священнодействуя в причастии святых, непорочных и бессмертных Таин, они освящали весь народ и отпускали с миром.

⁷ Место не совсем ясное. Слово *παρησία* может употребляться как в отрицательном, так и в положительном контексте.

15. И часто, собирая их в главном храме, святейший отец наш учил, наставлял, призывал, говоря: «Братия, которую связала благодать, чтобы мы собрались вместе, будем бороться, пока есть время, и да не распустим себя легкомыслием; пока длится торг⁸, да умножим многократно душевную выгоду, потому что когда он закончится, никто уже не торгует. Сказано: *в смерти нет памятования о Тебе*: нет во аде исповедания (Пс. 6:6). Подумаем о том, какие кары ждут грешащих безразлично и не кающихся: здесь сострадательен Судия, а там безжалостен; здесь милует, а там наказывает; здесь прощает седмиды семьдесят раз, а там отсылает во тьму внешнюю. Посему потрудимся здесь прилежно, не расслабляясь унынием, побежим ревностно, ибо нужно бежать, и бежать быстро, чтобы успеть в меру совершенства. Будем трезвиться и бдеть, потому что приходит Господь наш в час, которого не ожидаем. Презрив мир, и то, что в мире, возненавидим плоть и помышление ее, что есть вражда с Богом, бежим от удовольствий плоти, отвратимся от вожделений ее, возненавидим изнеженность, чтобы не нежились через нас наши враги, приобретем воздержанность, с которой нам приходит душевная чистота. Отобьем приступы супостатов, стяжаем смиренномудрие, возводящее на небеса, и исповедь — кратчайший путь спасения; научимся послушанию, доставляющему бесстрашие. Примем с терпением приходящие на нас скорби как собственные, а не как чужие — ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8:18), как говорит апостол. Постараемся сойтись в единстве веры, не поставим здешнее над грядущим; не будем

⁸ Слово *πανήγυρις*, «многолюдное празднество», приобрело в Византии значение «ярмарка».

восхищаться ничем из тленных, не предпочтем пребывающему то, что не остается, будем искать горнего, о горнем помышлять, где Христос (ср. Кол. 3:1—2). Пусть не будет у нас срама и глупых разговоров, от которых огорчается Дух Святой, потому что и за праздное слово мы дадим ответ в день суда (ср. Мф. 12:36). Умертвим *земные члены* наши (Кол. 3:5), постараемся представить их *в жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим. 12:1); не будем заботиться ни о чем ином, кроме спасения душ наших, облечемся во всеоружие духа, чтобы нам *можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань* против невидимых врагов, а *не против крови и плоти* (Еф. 6:11—12). Послужим со страхом (ср. Пс. 2:11) Избравшему нас; возблагодарим Бога, призвавшего нас в жизнь вечную, к которой и постараемся идти, насколько это в наших силах. Будем постоянны в молитве и прощении (ср. Кол. 4:2), отложим *ветхого человека с делами его* и вожделениями и облечемся в нового (Кол. 3:9—10), по Богу сотворенного в святости и праведности. Будем повиноваться *друг другу в страхе Божиим* (Еф. 5:21), стяжаем непорочность, и целомудрие, и чистоту ума, чтобы поселиться вместе с ангелами. *Тогда, говорит Господь, праведники воссияют, как солнце* (Мф. 13:43) — и какой же будет позор их видеть сияющими как солнце, потому что они творили дела света (ср. Рим. 13:12), а себя — помраченными и темными, как сотворивших дела ночи: этого позора довольно нам для величайшего наказания. Посему призываю, будем стараться стать подражателями их дел, чтобы вместе с ними оказаться в том упокоении, откуда бежала мука, и скорбь, и стенание. Любовь же будем иметь ко всем, и мир, и освящение, без которых никто не узрит Господа. Итак, все попечение наше возложим на Бога, потому что Он заботится о нас.

И вот, таким образом и еще больше наставив и научив из Божественных Писаний и от себя, блаженный отпуская нас с миром, говоря: «Идите, братия, благ Бог и нам дать слово устами нашими открыто (ср. Еф. 6:19) напоминать вам о полезном и побуждать к деланию заповедей Его».

16. Таковы были его душеполезные поучения для многих, обращенные ко всем, — а еще он говорил с каждым наедине, приглашая в святую свою келью, неисчислимо и невыразимо, так что часто он даже всю ночь проводил без сна, наставляя ко спасению каждого брата по отдельности, всех милуя, всех врачуя, для всех сделавшись всем, согласно блаженному Павлу, чтобы приобрести всех (ср. 1 Кор. 9:22). Ибо кто, осаждаемый плотолюбивым бесом, рассказав отцу с верою и сердечным сокрушением, не освободился сразу от такого беса? Кто, удручаемый скорбью, легкомыслием или унынием, которые имеют обыкновение затемнять ум, побеседовав с ним, не пробуждался к усердию и мужеству? Кто, отягощенный какой бы то ни было другой страстью, исповедавшись ему, не был тотчас исцелен от болезни? Тело же его было чрезвычайно истощено бодрствованием и воздержанием от пищи, так что он не мог даже говорить от крайней слабости. Ибо кто стяжал такую воздержанность, как отец наш Никита, который даже необходимое, я имею в виду хлеб и воду, принимал в недостаточном количестве (а о вине и прочей разной снеди и говорить излишне)? И кто имел такую непорочность и телесную чистоту, как он, кто достиг такой кротости и смирения, кто был, как он, настолько проникателен или сострадателен, что явно исполнил все блаженства Господни? Он стал нищим духом ради Царствия Небесного, плакал, {трудился} и сострадал труждающимся со всех сто-

рон ради утешения от Утешителя, был кроток и смирен больше всех, чтобы унаследовать землю кротких⁹, алкал и жаждал правды ненасытимо, милостив же и нищелюбив был настолько, что ему не хватало его имущества для раздачи с веселием; чист сердцем, в котором и предстал перед Богом и общался с Ним¹⁰; миротворец и незлобив ради звания сыновства. И изгнан он был за правду, и поносим, и слышал злобные слова от лживых инославных за Христа, отчего и получил в удел, радуясь, великую за это награду на небесах.

17. И будучи таков, блаженный отец наш Никита вселением Святого Духа удостоился и божественных даров, и получил от Бога власть и силу против нечистых духов, чтобы изгонять их, — и справедливо, потому что *Я прослаблю прославляющих Меня* (1 Цар. 2:30), и так далее. Того, о чем я собираюсь рассказать, я сам не застал, но один брат рассказывал мне дважды после его кончины, что «пока монастырский вратарь был занят не знаю чем, пастырь приказал мне временно исполнять эту службу. И когда я был там, пришел к воротам некий человек из местных с очень юным сыном — а мальчик был нем от рождения. И просил меня отец, движимый верой, взять мальчика и отвести к великому мужу, чтобы тот помолился о нем. И когда я доложил об этом отцу, он, слегка побранив меня, отослал. Но так как я стал понуждать его, говоря, что человек просит с верою, он приказал привести к нему мальчика. Когда же я так и сделал, он, взяв его и помолившись, запечатлел крестным знаменем и никогда не говорившего мальчика благодатью Христовой отправил к родителю с чистой речью.

⁹ Перевод следует рукописному чтению как *lectio difficilior*.

¹⁰ Перевод исходит из чтения сгих как *ὄπται*.

Отец же его, пораженный, много благодарил Бога и преподобного и с радостью пошел домой вместе с сыном». Не умолчу я и о том, чему сам был свидетелем.

18. Был в обители один брат из очень простых и незлобивых, и отцы очень любили его за похвальную его простоту и незлобие. И позавидовав ему, начальник зла диавол, воспользовавшись презлым своим действием, сделал так, что он стал каким-то безумным и сумасшедшим. И это огорчало преподобного, видеть брата в таком положении и страдающим. Затем он приказал нам поститься до вечера, и когда было святое собрание, после совершения божественной литургии преподобный взял брата в диаконник и, помолившись, помазал его святым елеем и миром и снова привел его в прежнее состояние, благодатью Христовой явив его разумным и здоровым. И с тех пор тот брат пребывал неповрежденным, потому что преподобными молитвами отца нашего действие нечистых духов было изгнано из него и никогда уже не причиняло ему никакого вреда.

19. Другой человек из новопришедших имел нечистый дух, скрытый в нем и совершенно не проявлявшийся — ибо бес сдерживался, остерегаясь противодействия преподобного и думая утаиться, скрываясь. Итак, когда пришло время юноше принимать святую схиму, почувяв наставление великого мужа и наложение святых его рук, коварный бес начал смущать брата на следующую ночь и показывать ему во сне явления, пугая и сотрясая его. И когда брат увидел, что бес удручает его и овладевает им, он встал посреди ночи, чтобы прибегнуть к преподобному — а затем, оказавшись вблизи кельи, где спал великий муж, увидел огромного змея, ползающего перед дверью домика и заграждающего ему вход, потому что бес превратился в это по

своему обыкновению, чтобы не дать войти к тому, кто должен был изгнать его оттуда. Итак, брат, дерзнув ради преподобного и презрев беса, ворвался в келью великого и открыл ему злоумышление нечистого беса. И святой, запечатлев его и повелев несколько не бояться того беса, приказал возвращаться в помещение, где он спал. А злоумышленник, сдержав себя на несколько дней и не снеся жжения благодати, причиняемого ему преподобным, снова начал смущать брата, наводя на него невыносимые сердечные боли. Наконец, он бросил его безгласным и недвижимым, только с раздираемыми и истекающими внутренностями, так что мы думали, что они разорвутся. Итак, преподобный, встав перед ним, помолившись и запечатлев знаком спасительного креста, в тот же час прогнал из него тиранствующего беса и поднял брата здоровым. И с того часа брат оставался невредимым, и тот бес уже несколько не вредил ему.

20. А иной некто, также из недавно поступивших, тоже имел нечистый дух, подобным же образом скрытый. И проведя несколько дней в монастыре, брат также начал испытывать действие беса и сильно мучиться. И к нему придя, преподобный помолился и, изгнав из него беса, содействием Христовым сделал так, что он выздоровел. И говорил брат после исцеления, что «я видел, как человек Божий с посохом изгоняет из меня некоего уродливого эфиопа». Но он оказался неблагодарным и, уничивив благодать Божию, тайно удалился из обители, прежде чем его постригли, и что с ним случилось, мы не знаем. И многие другие разнообразны недуги, то есть горячку, головную боль и всякие иные страдания блаженный исцелял данной ему благодатью.

21. А каков врач душевных болезней был отец наш Никита, никто не возразит — ведь он даже по движениям и виду узна-

вал одержимых помыслами или страстями. И если кому случилось впасть в некое прегрешение — ибо только ангелы не грешат — он узнавал его по мрачности и перемене лица и, пригласив в свою келью, наедине убеждал божественным своим поучением и утешением рассказать все о себе; и если видел того сильно сокрушенным и униженным, то не давал даже полагающуюся епитимью, но умеренную, подтверждая любовь к нему, чтобы таковой не был поглощен излишней скорбью. И в этом он также был подражатель боговещанного Павла, как и тот сделал в отношении согрешившего в Коринфе ¹¹.

22. Таковы свершения боговещанного отца нашего, таковы подвиги блаженного, таковы деяния чтимого, таковы награды храброго воина, таков победный венец борца. Кто когда насытился его поучением? Как было вдоволь наслушаться его сладостнейшей беседы? Кто всем он был благосклонен, со всеми любезен, всеми любим, со всеми приветлив, с готовностью говорил и слушал, сострадательный, щедрый, весь полный любви и рассуждения, весь исполненный смиренномудрия, весь изобилующий кротостью, весь по-настоящему насыщенный всеми добродетелями — наконец, вся жизнь его и само созерцание были для всех поводом к пользе и назиданию. Посему он и достиг вершины бесстрастия, очистив все чувства, и стал весь просветленный, весь сияющий, весь сладостный и видом, и нравом, и поведением, весь блистающий, всегда озаряемый вечною Троицей.

23. А великий Афанасий, верный и разумный эконом, многие годы прекрасно управлявший делами киновия, перенесший

¹¹ Ср. 2 Кор. 2:5—8.

много бед вместе с отцом, сподвижник его и соратник, многие свершения сотворивший в киновии, заболел болезнью, от которой и умер. Затем, когда мы окружили его, бывшего при последнем издыхании, и молили помянуть нас перед прибирающим его Богом, он произнес нам такие последние слова: «Если я обрету дерзновение и достигну искомого, вы обязательно узнаете об этом». И с тем, благолепно сложив преподобные ноги, он предал дух в руки Господни в двадцать шестой день месяца Гипербередея¹². Итак, похоронив его по обычаю, мы положили его в собственную могилу — ибо у наших отцов не в обычае, как в других монастырях, в одну гробницу класть всех покойников вместе, но найдя каждому подходящее место, они делают там особую могилу и скрывают его в земле согласно сказанному: *прах ты, и в прах возвратишься* (Быт. 3:19). Вот там, как сказано, мы и положили останки и сего блаженного. А чтобы погребение преподобного не исчезло, но было явно видно всем, Бог всяческих устроил так, что на могиле, над самой его честной грудью само по себе выросло дерево, называемое кипарис, так что многие, движимые верою, приходят и целуют это дерево и, взяв от него щепочку, носят с собой для здоровья.

24. Отец же наш Никита, немало удрученный разлукой с ним, взяв на себя ношу их обоих, бодрствовал, трудясь в попечении о братии. А через небольшое время и общий отец наш Никифор, который Божиим содействием основал обитель, посвятивший Богу все, что у него было, почитаемый у Бога и людей, всеми любимый за умеренность нрава, также

¹² Месяц македонского календаря, приходившийся на сентябрь и октябрь.

окончил жизнь в четвертый день месяца Артемисия¹³. А отец наш Никита, как настоящий его ученик, надписанием учредил ежегодное торжественное празднование его памяти. И мы всей братией уговаривали его принять рукоположение и звание игумена — ибо он не имел его, потому что блаженный Никифор был еще жив. Он же досадовал, негодовал, сердился и просил всех избавить его и не заставляя носить такое именование. «Поставьте, — говорил он, — кого-нибудь другого, кого вы хотите, чтобы он имел звание игуменства, а я буду с Богом заботиться о людях, как и раньше — только к этому меня не принуждайте, прошу вас». А когда мы сказали: «Невозможно в этом уступить тебе, потому что и при жизни общего нашего отца ты после Бога был наставник и учитель наш, и тем паче после его ухода нужно тебе принять это и делом, и словом, и именованием», он ответил: «Тяжело мне повеление, которым вы меня принуждаете, братья, но да будет воля Господня». О беспредельное смирение всепреподобного отца нашего — то, чего другие добиваются с дарами и получают с раздорами и сражениями, ему было вручено ради крайнего смирения. Итак, много уговаривая его и сами, и через друзей, и через других отцов, мы силой убедили его принять, как уже говорилось, рукоположение и звание игумена — получил же он его наложением рук иже во святых Никифора, занимавшего тогда Константинопольский патриарший престол.

25. И пока мы еще были в Византии, начали нашептываться нечестивые и богомерзкие учения против честных икон. Ибо злоначальник диавол, безмерно превозносящийся и надмевающий-

¹³ Месяц македонского календаря, здесь соответствует маю.

ся против Бога, сказавший: «Поставлю престол мой на облаках, *буду подобен Всевышнему* (Ис. 14:13—14)» и из-за этого низвергнутый, который издревле и изначально злоумышляет против рода человеческого, сначала проник в рай и, обманув перво-человека обманом обожения, сделал его преступником заповеди Божией и изгнанником из рая. Затем, когда род умножился, он завладел им в идолослужениях и убедил поклоняться *твари вместо Творца* (Рим. 1:25). Когда же люди были освобождены от этого воплощением Божественного Слова, Которое ради них и воплотилось, и через святых апостолов, и мучеников, и других боговидных и священнослужительных отцов, преемников учеников Христовых, и оно, то есть идолослужение, совершенно исчезло, даже и тогда коварный не прекратил злоумышлять, но снова изобрел разные ереси и через них умножил на земле страшные раздоры и несносные соблазны.

26. Затем же, когда и они были устранены святыми Соборами и противостоянием преподобных отцов, против них боровавшихся, каждого в своем поколении, по мере того, как эти ереси возникали, что он делает? Никоим образом не успокаивается и не останавливается, но снова придумывает иную ересь, первую и последнюю, соединяющую все, что были до нее, так что она только что не опровергает домостроительство Спасителя нашего Христа. {И пусть никто не попрекает меня сказанным}. Ибо если честь иконы восходит к первообразу, как говорит Василий Великий, то и наоборот, конечно, тоже. {И кто станет возражать?} Ведь если икона подвергается бесчестью, то по необходимости бесчестится и первообраз, а если прославляется, то подобным же образом прославляется. Скажу тебе яснее через зримый пример: представь себе царский образ, начертанный в некоем месте (ведь у царей издавна в обычае так

делать). И вот двое проходят мимо в том же месте, и один, очень любящий царя, увидев царский образ, подбегает к нему, обнимает и лобызает, а другой, выбравив первого, плюет на образ и, набрав грязи в обе руки, замазывает и залепляет его. Затем царь узнает об этом. Скажи мне, кого из них он одобрит — не почитит ли он первого чинами и жалованием, а второго не покарает ли? И если испортивший образ земного царя не останется безнаказанным, то ругающийся над образом Сына Божия, ради нас вочеловечившегося и облачившегося в плоть и во всем нам уподобившегося кроме греха, какой только кары не понесет? Прочь эту глупость, человече, и устыдись Христова образа, если любишь Христа — а если не считаешь изображение, то ясно, что и первообраз. Но, как я слышал от неких суесловов, некоторые из простонародья обожают их, и поэтому не следует изображать Христа на иконах. Что за недомыслие! Тогда надо тебе, кто такое говорит, и солнце затемнить из-за тех, кого оно слепит. Послушай же о различии поклонения по нашему разумению. Известно, что одно есть служительное, каковое мы научены творить первой и Божественной природе, а другое относительное и возводительное, как говорит великий Дионисий. Наше же поклонение мы видим сообразно нам самим¹⁴ во множестве различных чувственных символов, через которые мы иерархически возводимся к умному обожению в присущей нам мере, и к Богу и Божественной добродетели. И одни как умные сущности¹⁵ восходят к Божественным созерцаниям как им положено, а мы — с помощью чувственных образов, насколько возможно. Если же ты на-

¹⁴ Перевод исходит из чтения $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$ (cod. $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota$, edd. $\alpha\upsilon\tau\eta$).

¹⁵ Перевод по чтению Acta Sanctorum $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$ вместо предлагаемого Русенквистом $\omicron\upsilon\sigma\alpha$.

столько увечен разумом и слеп к нашим доводам и остаешься неисправим, то в час исхода будешь раскаиваться без пользы.

27. Некоторые считают эту ересь менее важной и не ставят ее ни во что, из-за чего легко уловляются и уступают; а некоторые полагают, что это и не ересь, а только препирательство. Я же думаю, как, по-моему, и всякий благоразумный человек, что она очень страшна, потому что идет против домостроительства Христова. Рассмотрим же и то, что другие ереси имели начало от епископов и менее высоких пресвитеров, а эта от самих властителей — а вы знаете, какова разница между пресвитерами и царями, — и те составились от догматических учений и споров, постепенно набирая силу, а эта от царской власти. Ибо Лев, называемый Исаврийским, {одолев} Феодосия Нового, тиранически захватил Ромейское царство и, кичась им, не воздал славу Богу — ибо Им *цари царствуют и повелители узаконяют правду* (Прит. 8:15), как говорит притча, — но поднял *высоко рог свой* и говорил *на Бога неправду* (Пс. 74:6), положил на небеса *уста свои*, и язык его расхаживал по земле (Пс. 72:9). И начал он уничтожать от святых апостолов переланные изображения в церквах, говоря, что не должно ни изображать Христа, ни поклоняться Ему на иконе.

28. Тут сошел со своего престола великий архиерей¹⁶, излетела из гнезда честная ласточка, весну церковную украсившая благозвучным пением и возвеличившая праздники Господни, а вместо нее возвели уродливого ворона, разверзающего клюв и бессмысленно каркающего, в то время как Церковь взывала и стала в печали, лишившись такого великого и боговидного архи-

¹⁶ Св. Герман I.

ерея. И было немалое смятение в Церквах повсюду, потому что зло, словно порча, распространилось везде, поддерживаемое державой нечестия. Затем наследует его царство, а с ним и нечестие, сын его Константин, злого корня еще злейший отпрыск, {от колючего корня терновное древо}, от ядовитого зверя душетленный дракон, от страшного льва пестровидный леопард. Сей же многократно превосходил порочностью отца — ведь он не удовольствовался надругательством над святыми иконами, но и обесчестил, сколько мог, и святых мучеников, приказав не говорить «святой» ни о ком, кроме апостолов, сорока мучеников, Феодора, Георгия и так далее. А мощи их он уничтожил совершенно и ни во что не ставил, и проще говоря, по виду был христианин, а в мыслях совершенно как иудействующий. Ибо та, которую Христос предпочел и избрал, чтобы вселиться в нее, я имею в виду преславную Мать Его, которая превыше всех творений, которая есть спасение всех смертных, предстательство мира, которая стала близка к Богу из-за красоты девства, вот ее-то чтимое имя он многими путями старался изгнать из Церкви — а о заступничестве ее, которым мир стоит, он не хотел даже упоминания, говоря, что она не может никому помочь. И пытался подкрепить свои доводы примером: ибо однажды он взял в руки кошель, полный золота, и, показывая его присутствовавшим, спросил: «Сколько это стоит?» Когда же те сказали: «Много», он, высыпав золото, снова спросил: «А теперь?» И когда они ответили, что ничего, несчастный сказал: «Так и Богородица» — ведь недостойный не удостоивал даже называть ее святой, — «когда Христос был в ней, она была почтена, а как только родила Его, ничем не отличалась от других». Что за богохульство, что за похвальба — и каково неизреченное терпение Божие, каково несказанное великодушие? Как не заградились уста его, говорившие против Матери Христовой неправду в гор-

дости, и чем он был не подобен богохульным иудеям, новый фарисей, высокомерный и богомерзкий?

29. А подобно нам монашествующих он не устаивал даже мысли, но и называл неупоминаемыми, сам неупоминаемый — и тех, кто не повиновался злой его воле, одних осуждали на изгнание, другие умирали в темницах, а иных убивали мечом, иных же забивали палками и волокли, так что их внутренности валялись по улицам. И свидетель мне Стефан, новый христомученик, соименный и сходный делами с первомучеником. Кроме того, некоторых из них бросали в морской поток, а другие, пощаженные карателями, убегали и обитали в горах и пещерах, оставаясь стойкими в тяготах, бедствуя в голоде, жажде, холоде и нагоде; другие, боясь кары и не полагаясь на слабость плоти, уходили в чужие страны и там исполняли свидетельство совести. И одни склонялись перед страхом наказания, других заманивали лестью, третьи поддавались, любя славу человеческую больше Божией, а четвертые — исполняя плотские наслаждения (ведь многие из них были принуждены и жен взять). И сделались места размышлений о душе, увы мне, домами блуда. Весь же замысел и старание его с тех пор, как он воцарился, было окончательно извести монашеский чин. И настолько сей зловоннейший радовался зловонию нечистоты, что мазался испражнениями животных и велел делать то же и своим приближенным, которым он оказывал внимание, благодетельствуя их и таким способом, вечно радующихся зловонию. Но не время описывать все его нечестивые деяния, многие и {весьма} скверные. Рассказывают же о нем, что когда его крестили младенцем, он испоганил купель {извержением своей мерзкой утробы}, так что святой Герман сказал: «Великое зловоние замешает сей в Церковь», что и

вышло. Забыл я еще вот что сказать вам вместе с прочим: я сам читал тринадцать словец, лишенных всякого смысла, которые он обнаружил в течение двух недель.

30. Итак, когда и он изрыгнул жалкую свою душу, царство на пять лет унаследовал сын его Лев: и тот, будучи менее злобен, ничего не сделал, но скорее при нем Церковь получила небольшое облегчение. Затем, когда и он скончался, Ирина, тезоименная истинному миру¹⁷, воцарившись, вместе со своим отпрыском преподнесла Церкви совершенный мир. Ибо отложив женскую слабость, она мужественно выступила против нечестия и, выказав великую твердость ради истины, прогнала из города противоречивших оной, лишив их поясов¹⁸ — {а это были непокорные воины, которых научил нечестию вышесказанный злодей}. И так наилучшим образом сразившись за веру, имея соратником и единомышленником и великого Тарасия, и содействием во всем Бога всяческих, она вернула Церквям древнюю красоту Христова домостроительства и благолепное цветение. И настал глубокий мир во всей вселенной благодатию Христовой и попечением Ирины, православной царицы. Сотворила она и множество других добрых дел, я имею в виду приюты для стариков, нищих, странников и облегчение податей. А монашеский чин настолько возрос при ней, что достиг неисчислимого множества: везде подвижнические и душепопечительные обители, везде мирное устройство монахов и мирян, и тех и других вечные молитвы, всенощные псалмопения, и в остальном все спокойно и тихо, и дела хрис-

¹⁷ «Ирины» по-гречески значит «мир».

¹⁸ Имеются в виду воинские пояса, знак принадлежности к императорской армии.

тианские в умиротворении через единство веры — одна паства, один пастырь Христос.

31. Преемником же ее на царстве, а вместе и в благочестии, стал Никифор, благочестивейший, нищелюбивый и монахолюбивый; затем Михаил, который и теперь еще славен в монашеском достоинстве. Восстав против него и захватив не по достоинству Ромейское царство, звероименный и зверонравный Лев не прославил и не возблагодарил Бога, попустившего это, но осуетился в опустошении ума своего (ср. Рим. 1:21) и счел, что, поддерживая нечестие, он этим сохранит себе царство. Подражает и этот соименному себе и сходному нравом отступнику, {нечестивому} и враждебному ассириянину, изобретателю зол, то есть Льву Исавру, и начинает преследовать святая святых так же, как и тот. Затем он стал искать сообщников и учителей зла: и нашел немногих из синклита, Иоанна, называемого Спектас, и Евтихиана. Искал он и в священническом чине, и подбросивший ему это диавол, обойдя Византий, нашел Иоанна по прозвищу Грамматик, нового Тертилла ¹⁹, и, наверное, взяв его за руку, привел к царю со словами: «Прими его, он пригодится тебе в исскомом — ибо он есть сосуд мой избранный, чтобы нести имя мое против православных». И вот как Павел Христовыми, так и сей стал устами дьявольскими, и как поток, образовавшийся из разных ливней, несет зловонные и мутные воды, так и он из мерзкого сокровища сердца своего вынес зловоннейшие и гряз-

¹⁹ Ритор, обвинявший ап. Павла в Кесарии перед прокуратором Феликсом (Деян. 24:1–8). Выбор именно этого персонажа для уподобления объясняется, вероятно, тем, что иконопочитатели называли иконоборцев *χριστιανοχάτηγοροι*, «обвинителями христиан».

ные учения, напоая ближних *развращением мутным* (Авв. 2:15). Помощниками же у него были из престольных Антоний, епископ Силлейский, а из иноческого сословия некий Леонтий и Зосима — каковой Зосима в те же дни подвергся отсечению носа за прелюбодеяние и скончался.

32. Затем собирается все множество монахов с епископами и митрополитами к святейшему патриарху Никифору и творят всенощное бдение в Великой Церкви — а наутро пригласил их царь. А обманщиков и сообщников зла он держал внутри дворца, покрывая их и, словно птица, пригревая в царских чертогах, и подзуживая, и обещая дары, и веля ничего не бояться. Сначала он приказал, чтобы патриарх вошел один — а потом, не зная, о чем они сговорились между собой без него, пригласил всех. И стал перед ним строй избранных отцов, святых, ангелоравных, боговидных. Стояли рядом и вельможи царские, и весь синклит.

33. И говорит святейший Никифор облеченным высокими званиями: «Скажите мне, не существующее может ли пасть?». Они же, недоумевая из-за неясности вопроса, смотрели друг на друга. И снова патриарх спросил: «Пали при Льве и Константине Исаврийских святые иконы, или нет?» Когда же те кивнули головами и ответили «Да», патриарх сказал в соответствии с замыслом, о котором они сговорились между собой: «{Стало быть, они, конечно, стояли}. Ведь не стоявшее как может упасть?» Царь же на это ничего не ответил, а отцам сказал: «Знайте, отцы, что и я думаю так же, как и вы». И вынув нательный крест с изображениями, который носил, и лицемерно его целуя, он говорил: «Как видите, я ни в чем с вами не расхожусь. Но появились некие люди, которые

учат по-другому и утверждают, что правильный путь тот, о котором говорят они. Итак, пусть они выйдут перед вами, и вы обсудите между собой этот предмет, и если они убедят вас в своей правоте, то и вы не препятствуйте доброму делу, а если вы их убедите, что они учат нововведениям, то пусть прекратят учить худому, и да господствует православие, как и прежде. Ведь если бы меня обвиняли даже по менее важному поводу, мне не следовало бы молчать, а тут церковный вопрос».

34. Когда же те не согласились ни принять их лично, ни удостоить какого-либо слова, но почитали их за мерзость, зная²⁰ к тому же в точности замысел царя, который склонился и направился в сторону зла, и что он не изменит мнения, даже если приведут ему в свидетельство все Писание, сказал Емилиан, епископ Кизика: «Если это церковный вопрос, как ты сказал, государь, пусть он обсуждается в Церкви: ведь и издревле и изначально церковные вопросы обсуждаются в Церкви, а не в царском дворце». «Но и я, — сказал царь, — чадо Церкви, и выслушаю вас как посредник и, сравнив то и другое, узнаю истину». На это Михаил, епископ Синады: «Если ты посредник, то почему не исполняешь дело посредника? Ибо одних ты скрываешь во дворце, и поощряешь, и подзуживаешь, и даешь им волю проповедовать нечестивые учения, а другие даже по закоулкам не отваживаются слово молвить, везде гонимые твоими указами. Это признак не посредничества, но насильства». «Это не так, — говорит царь, — я уже сказал, я как и вы. Но раз меня обвиняют, я не должен отмалчиваться. И что за причина, что вы не хотите с ними говорить? Отсюда нам понятно, что вы в затруднении, и у

²⁰ По-славянски здесь добавлено местоимение «мы». Возможно, Феостирикт был вместе с Никитой во дворце.

вас нет {истинных} свидетельств, подтверждающих ваши слова». Затем Феофилакт, епископ Никомидии: «Свидетель нам, во-первых, Христос, чье изображение перед твоими глазами, а во-вторых, есть тысячи свидетельств, подтверждающих это, и у нас нет недостатка в том, о чем ты заботишься, но нет ушей, которые бы выслушали — мы воюем против власти». Затем Петр, епископ Никейский: «Как ты говоришь, чтобы мы беседовали с ними — ведь вот, ты их союзник. Разве ты не знаешь, что если ты приведешь даже так называемых манихеев и будешь их защищать, то они одолеют нас, потому что ты им помогаешь?» Не без умысла сказал это святейший Петр — ибо где с нечестием сплетается власть, истина терпит поражение, и правда подавлена и угнетена.

35. Затем и святитель Евфимий, епископ Сардский, ответил царю с бóльшим дерзновением: «Послушай, государь, с тех пор как Христос сошел на землю и до сего дня, восемьсот лет и больше, Он изображается и почитается на иконах в церквах повсюду — так какой же наглец осмелится поколебать или упразднить предание, которому столько лет, полученное от апостолов, и мучеников и преподобных отцов? Ведь апостол сказал: *Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим* (2 Фес. 2:15). И еще: *Если даже ангел с неба будет благовествовать вам не то, что вы приняли, да будет анафема* (Гал. 1:8–9). Так что и против тех, кто измыслил эту ересь прежде нас, созван был Второй Никейский Собор при благочестивых государях Константине и Ирине. Итак, этот Собор Сын Божий запечатлел Собственным перстом, и кто осмелится что-либо из него поколебать или переименовать, да будет анафема». Но, будучи хитер, царь пока что изобразил великоду-

шие. Отвечал и Феодор, горячий учитель церковный, игумен Студийский, говоря: «Не разрушай, о государь, церковное устройство — ведь сказал апостол: „И поставил Бог в Церкви, во первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, пастырей и учителей (ср. Еф. 4:11–12 и 1 Кор. 12:28)“, а о царях не сказал. Тебе, о государь, вверено устройство государства и войско — о них и заботься, а Церковь оставь пастырям и учителям, согласно апостолу. Если же не хочешь, то если даже ангел с неба будет благовествовать нам извращение нашей веры, и его не послушаем, не то что тебя».

36. Тогда, вскипев гневом, и посчитав правые речи за {большое} оскорбление {для себя}, он отослал всех и сослал преподобного Феодора, сказав, что при его царствии тот не вернется в Византий, а настоятелей загородных монастырей выгнал из города, приказав им никуда не выходить и не учить православия. Сослал он и предстоятелей великих церквей, одних в восточные страны, а других на острова Запада, и объявил святейшему патриарху Никифору: «Уходи, ибо Церковь в тебе не нуждается». Тот же отвечал ему честною грамотой, говоря: «Я, о государь, просто так не уйду с {предстояния}, ибо нет во мне вины для низложения. Но если меня заставят из-за православия и благочестия, либо ты сам, либо ваш царский человек, то пошли, и я уйду». Тогда царь послал одного из своих вельмож, и тот низложил его тираническим образом. Он же, сойдя в Великую Церковь, зажег свечи, покадил и помолился, и в то время как народ {жалостно рыдал} и оплакивал его отъезд, он {со слезами произнес} им такое слово: «Чада, я {обрел вас христианами}, христианами и оставляю». И пошел на акрополь и, сев в лодку, переправился и прибыл в одно из своих подворий — и там пребывал в постах, и молитвах, и

прошениях, в безмолвии, и стойкости, и многом терпении до дня отхода своего к Господу²¹.

37. И так получив полную волю, горькие гонители истины, {неблагодарные твари, как сказал Григорий Богослов}, стали безбоязненно распространяться и проповедовать злочестивые догматы и {учения}. Поставили они и патриархом, как будто играя в детские игры, некоего Феодота из спафариев, который был какой-то простоватый и легковесный, так что ему в шутку и прозвище дали от зрелищ, на смех любителям поиздеваться. Говорят, что он и служанку водил с собой из-за того, что страдал болезнью почек²², а скорее для исполнения наслаждений. Затем учинили они иудейский синедрион в Великой Церкви и анафематствовали святых отцов наших — что за безумие: обратятся труды их на главы их, и анафема их падет на темя их. А не уступивших им епископов одних топтали ногами, повалив на землю, а других вытолкали из синедриона задом наперед.

38. После этого приказано было войти игуменам видных монастырей, и все вошли — среди которых был и боговещанный отец наш Никита, о ком {мы сейчас} и ведем речь. И тут они сначала коварно пробовали завлечь их лестью, а потом запугать угрозами. А когда увидели, что они все это презирают, бросили их в разные темницы, что-то рассудив относительно них. Заключен же был наш преподобный отец Никита много дней в душном и зловонном узилище, так что и без иного наказания это осуждение {поистине, как мне кажется}, было ему достаточно для кары — ведь и по природе он был брезглив во всем как никто дру-

²¹ 2 июня 828 г.

²² Согласно славянскому тексту, «яичек».

гой. И ко всему этому каждый день приходили к нему выкидыши безумия, я говорю о ничтожных человецишках, не достойных и поздороваться с ним, болтая и говоря хульные слова и дурацкие речи, чтобы помучить преподобного. Особенно же некто по имени Николай мучил его суесловием, пока собственный его отец (а он уже скончался) не предстал ему во сне и не пригрозил, говоря: «Отстань от рабов Божиих». И с тех пор бесчинный стал благоразумнее и уже {не только сам} не досаждал праведнику, но и другим мешал это делать.

39. Итак, когда преподобный, как уже говорилось, пробедствовал в темнице много дней, царь приказал сослать его в восточные земли под стражу в крепость, называемую Масалеон. А была уже примерно середина зимы, и можно было видеть святое это тело снедаемое холодом и снегом сверху, а снизу дорога испаряла влагу и причиняла ему большие тяготы. Еще же и тот, кому было приказано отвести его в ссылку, был немилосерден и торопил его, так что за семь дней, в то время самых коротких, он преодолел все расстояние этого пути (то же самое и с другими отцами делал свирепый зверь). Уразумев же, что ссылкой он не добьется ничего больше, как сделать их еще ревностнее, потому что они были выше всякого мучения, коварный изменил свое решение и приказал, чтобы того, еще и пяти дней не проведенного в ссылке, опять вернули в Византий еще в большей спешке, и с такими же тяготами и бедствиями. И приказал он, чтобы они жили вольно, пока он обдумает, каким образом он мог бы увлечь их к своему учению.

40. И когда миновали дни зимы, а потом и святого поста, после Святой Пасхи передал он их измыслителю зол Иоанну, чтобы

тот {всячески} наказывал их, как придумает. Он же, взяв их, бросил в разные темницы и мучил, подвергнув таким карам, каким и еллины не подвергали мучеников: ибо он вверг их в скорбные и мрачные темницы не имеющими ни подстилок снизу, ни покровов сверху, и во что каждый оказался одет, в том и ложился на землю, подкладывая под голову черепицу, а через очень узкое отверстие им кидали как собакам по унции хлеба, и того испорченного, столько, чтобы они не умерли от голода. Воды же, которую им давали, было очень мало, и та тухлая. Ибо весь его замысел состоял в том, чтобы или убедить их, или свести в могилу. А для еще большего мучения прославленного отца нашего он заточил в тюрьму и брата нашего, который прислуживал ему, я говорю о Феоктисте, благодатью Христовой ставшем его преемником, который тогда был юношей. Увидев же, что те скорее предпочтут умереть, чем предать {что-либо от} истинной {веры}, они завлекли их тем, что, дескать, «мы ничего от вас не просим, только один раз вступить в общение с Феодотом и кроме этого ничего не делать — а потом каждый бы отправился в свой монастырь и с верой вашей, и с мнением». Тогда вышли отцы (если можно называть их отцами ради их новой борьбы, которую они явили позже с жаром и горением) [41] каждый из той темницы, где был заточен, и пришли к преподобному Никите, побуждая и его выйти из заключения. Когда же он стал отказываться и никак не хотел послушаться, они настаивали, наступая на него, что, мол, «невозможно нам, выйдя, оставить тебя здесь, {чтобы твое поражение не оказалось хуже нашего}. То, чего они от нас требуют, есть ничто — снизойдем немного, чтобы не погубить все». И так, после того, как они долго заставляли его, он уступил против желания, не избегая мучений и не обессилев перед бедствиями — ни в коем случае, но из почтения склонившись перед увещанием отцов, не по своему выбору — нисколько, но

уважая старцев. Ибо если бы ему надлежало выбрать жизнь или смерть ради веры, я прекрасно знаю, что он предпочел бы смерть, и никоим образом не предал бы что-либо из правого слова, даже если бы ему предстояли тысячи опасностей. Итак, все вместе пошли в так называемые дома молитвы (а они были расписаны, как и прежде) и приобщились из рук Феодота, говорившего: «Не поклоняющимся иконе Христа анафема». И тогда остальные отцы отправились по монастырям, которым каждый из них управлял. Сей же блаженный, особенно удрученный сердцем, потому что с небольшого отклонения начинается всеобщее крушение, решил бежать и уйти в другую землю и там исправить поражение.

42. И погрузив в лодку свои пожитки, он доплыл до Проконнеса — и снова передумав и сказав себе: «Где случилось падение, там должно произойти и исправление», опять вернулся в Византий и держался прежнего своего исповедничества и веры, совсем ничего не страшась. Царь же, призвав его, сказал ему: «Почему, в то время как другие отцы ушли по своим монастырям, ты один остался, последовав своей воле и не повинуясь нашему предписанию? А как я узнал, ты задумал еще и укрыться от нашей власти, решив ее провести. Так что уступив нашему приказанию, уходи в свой монастырь — а если нет, то я причиню тебе такие мучения, которые ты не сможешь вынести». На это преподобный отвечал кротким голосом: «Я, о государь, и в монастырь свой не уйду по твоему приказу, и от веры своей не отступлюсь, но есмь и буду в том же самом моем исповедании, в котором и отцы мои были сохранены, через которое они и опасности прежде подвергались, доблестно защищая Церковь. В нем мы стоим и хвалимся в надежде славы Божией. Ибо знай, государь, что я сотворил неподобающее не из страха смерти (ведь она вре-

менна) и не возлюбив эту жизнь (Бог свидетель), но против воли исполнил послушание старцам, чего не должен был делать. Итак, ведай доподлинно, что нет у меня никакого общения с вами, но я остаюсь с преданием, которое получил от начала. Делай со мной, что хочешь, и не думай услышать от меня что-либо еще».

43. Царь же, увидев, что намерение его непреклонно, передал его некоему Захарии, смотрителю царских покоев, называемых Мангана, чтобы тот до поры стерег его там у себя, пока он не решит, что с ним делать. Сей же муж, будучи благочестив, ничего плохого преподобному не сделал, но скорее наоборот, оказывал ему великие услуги и благодеяния, стыдясь даже в лицо ему взглянуть. После этого царь сослал его на один из островов в заливе, называемый святой Гликерии. Начальствовал же там некий Анфим из евнухов, обманщик, святотатец, злобный, лукавый, коварный, наглый, немилостивый {мучитель, бешеный, отвратительный, порождение ехиднино, ядовитый ящер, земляной червь, гадкий, увечный во всем, а крепкий только против благочестия, нечестивый и всегубительный, лживый, лукавый и уродливый}. Вот его, ради чрезвычайной его порочности, безбожники сделали экзархом тамошних монастырей (потому что тогда таким людям вручали начальствование, чтобы своим господством они все разрушили). Местные жители прозвали его Каиафой за многое его безумие, и безрассудство, и кичливость. Он же, приняв преподобного и получив власть над ним, усердно мучил. Ибо, заключив его в узкую и тесную темницу, он наказывал его вконец, не позволяя ему даже разогнуться, и носил с собой ключ от тюрьмы, приказав, чтобы скуднейшую пищу подавали ему через отверстие. Ибо ему и обещано было безбожниками, что если он убедит его согласиться с ними, то получит осо-

бенные почести — поэтому он и мучил его чрезвычайно, думая убедить его, нечестивец.

44. Когда же почтенный был там, какое чудо творит через него Бог дивных? Ибо не должно скрывать благодать Святого Духа, преизбыточествовавшую в преподобном. Итак, Захария, вышеупомянутый страж-благодетель боговещанного отца нашего, посланный царем для устройства государственных дел во Фракийскую страну, был захвачен соседними с той страной варварами и отведен пленником в их землю. Услышав же это, Михаил, святейший епископ Синнадский, из заточения, в котором и он содержался, известил преподобнейшего Никиту, что «общий наш друг и благодетель Захария, схваченный Фракийским племенем, отправился пленником в их землю — но прошу тебя, вынуди о нем Бога, ведь ты можешь, я знаю». Когда же эта весть дошла до отца через прислуживавшего брата нашего Филиппа, он немало опечалился, так что даже весь день почти ничего не ел.

45. Когда же настал вечер, он дал слуге свечу, которую он {зажигал} для освещения темницы, чтобы тот омыл ее в морской воде. И, спешно это сделав, слуга вернул преподобному свечу. А тот зажег ее и бодрствовал, моля Бога о Захарии, пока не получил от Бога всяческих уверение в его избавлении. Когда же пришел час ночного псалмопения, он позвал прислужника. И когда они совершили его, слуга, видя его {с вечера огорченным и мрачным, а утром} радостным и веселым, спросил, желая узнать причину. Тот же говорит: «Не горюй, Филипп, потому что ты собственными глазами увидишь здесь нашего друга Захарию». Что и случилось — ибо спустя недолгое время упомянутое племя решило заключить мир с царем, {а когда наступил мир}, про-

изошел и обмен ²³, {потому что они стали передавать друг другу тех пленников, которые у них были. И когда царь называл тех, кто хотел выйти по обмену, как сказано, он никак не упомянул о Захарии. Ибо после его пленения он узнал, что тот сторонник православных и помогает темничным узникам. Поэтому он оставил его умирать в плену, когда выходили все чиновные люди ²⁴. Чужеземный царь сказал Захарии: «Хочешь ли ты пойти восвояси? Ибо, — сказал он, — меня сильно...» ²⁵. И говорит: «Иди». И Захария явственно увидел, что тому было увещание от Бога, и говорит ему: «Если ты решил отпустить меня, отпусти также и подобоименника моей свободы» ²⁶. Тот же отвечал: «Возьми его и иди». И так их обоих, кого царь оставил в пренебрежении, Бог предстательством святого вернул восвояси}.

46. {Слышали мы и о другом, еще более удивительном, чуде} ²⁷. Три брата по плоти имели корабль, с помощью которого они

²³ Вместо всего последующего рассказа в греческой рукописи стоит: «И после того, как произошел обмен, вскоре вышел и Захария с прочими пленниками, благодаря Бога и святого».

²⁴ По-славянски непонятное место: «**вси васанѣ свѣции**». Проф. Клементина Иванова предложила чтение: «**вси, въ самѣ свѣции**», что очень точно подходит по смыслу, так как по договору между Византией и Болгарией 817 г. освобождались не все пленные, а только находившиеся на императорской службе. Именно поэтому Лев V должен был представить их список.

²⁵ Явный пропуск в тексте.

²⁶ По-видимому, имеется в виду некто по имени Елевферий (греч. *ἑλευθερία* — свобода).

²⁷ Вместо всей последующей главы в греческом стоит: «А три брата по плоти, плывя по морю, должны были утонуть, потому что их застала

зарабатывали на жизнь, занимаясь торговлей. И вот однажды, когда они проплывали место, именуемое Пантихий, разыгралась буря, и волна, внезапно поднявшись из глубины, обрушилась на судно. О, несчастье! А была тогда ночь. И двоим едва удалось спастись в маленьком челне, а третий вместе с еще одним человеком остался на корабле. Корабль же полностью погрузился, за исключением носа и кормы, на которых сидели эти двое, уже отчаявшись выжить. Те же, кто спасся, как уже говорилось, прибежали к блаженному, поведав ему со слезами об ужасной гибели брата и умоляя молиться за него, чтобы Бог, быть может, склонился на просьбы и подал о нем надежду против чаяния. Преподобный же сказал одному из них, улыбаясь (а тот был молод): «Если ты увидишь своего брата, сохраненного промыслом Божиим, станешь иноком?» Тот же ответил: «Да, честный отче». Преподобный же сказал: «Идите и ни о чем не беспокойтесь — завтра, верую Богу, вы его увидите». И тогда преподобный встал на молитву, с усердием приняв на себя заботу о них. Бог же чудотворцев исполнил желание Своего слуги. Ибо корабль, как было сказано, гонимый силой ветра, дошел до открытого моря — такова молитва преподобного! — и, как будто ему навстречу подул сильный ветер, вернулся к берегу²⁸, вынырнул и, словно под парусом, добрался до так называемой Пилатийской гавани, несясь очень быстро, как будто бы им кто-то правил, причем находившиеся в нем никоим образом не видели, куда они направляются, поскольку была совсем темная ночь. Есть ли что удивительнее этого? Есть ли что поразительнее?

сильная буря. И спасшись призыванием святого, они благодарили Бога, давшего такую благодать святому Своему».

²⁸ Как в античную эпоху, так и в Византии мореходство было главным образом каботажным: плавать старались вдоль берега.

Два же мужа, выйдя и узнав местность, сильно изумились преславному величию Божию.

О священная и благоприятная молитва! О предстательство, о дерзновение, о неосрамленное прошение. О доброе моление, о нелицемерная просьба. О неиссякаемая вера. Чем это хуже Моисеевых чудес? Тот рассек море Божиим повелением и спас народ беглецов. Сей покорил его же молитвой, и то, что оно объяло своей пучиной и грозило поглотить, оно сразу же принесло и отдало суше, рабски повинувшись своему Создателю Богу, творящему волю боящихся Его. Вы видите вновь, какова была уверенность этого мужа. Ведь это как если бы у кого-то был близкий друг, а некто еще попросил бы этого человека замолвить за него словечко перед возлюбленным другом, и он, еще до того, как обратиться с просьбой, велел бы просителю отблагодарить его за то, что тот просит у любящего, в твердой уверенности, что не получит отказа, — так и блаженный даже прежде чем сотворить моление, повелел им ни о чем не беспокоиться. И еще он сказал: «Вы увидите вашего единоутробного брата спасенным»}.

47. И так держался преподобный шесть лет в мучениях, бедствиях, лишениях, {трудах и скорбях} до кончины богоборца Льва — ибо этот негодяй, {весьма вознесшись разумом и до конца величаясь, гнал Церковь Божию и пленял ее, превосходя самых горьких гонителей до сего дня. За что} и понес достойную своего безумия кару, ужасную смерть еще до своей смерти. Он увидел во сне, как святой Тарасий подходит к нему и, указывая на этого бесчинного, говорит некоему Михаилу: «Рази его». И казалось, что Михаил, приблизившись, убивал его, а он умирал. Проснувшись же от великого страха, он рассказал сон своей жене Феодосии, которая и объявила о нем, рассказав тому, от

кого я это услышал. С того часа нечестивец пришел в иступление и вел себя, словно оглушенный и впавший в спячку}, пока некие сановники, составив заговор и словно ангелом руководимые, не вошли беспрепятственно во дворец и не зарубили его внутри молельни мечами ²⁹ — потому что он хотел прибегнуть к жертвеннику и, как гонитель, ничего этим не достиг, так что оказалось, что он беззаконствовал втуне (ср. Пс. 24:3).

48. Михаил же был у него узником, закованный в две цепи, и, тотчас освободив его, расправившиеся со зверем провозгласили его царем. А он, будучи посредине между добродетелью и ее противоположностью, веру не восстановил, но всех {изгнанных} отцов наших вернул из ссылки и освободил находившихся в темницах {и узилищах}, и великое гонение на Церковь прекратилось. Вышел и блаженный отец наш Никита из темницы, в которую был ввергнут, словно из-под какого-то покрыва блистательный исповедник и бескровный мученик, неся видимое свидетельство победы в своих подвигах. {Но с востока появился некий мятежник, убийца и обманщик, предтеча антихристов ³⁰. Посему, избегая его и злодеев, все богоносные отцы вошли в Византий. Великий же святейший архиерей, — я говорю о Никифоре, — призвав преподобного Никиту, держал его при себе, и тот принял из его рук святые тайны со всяческой уверенностью и верой ³¹. А когда упомянутый негодяй был ниспровергнут, каждый

²⁹ Это случилось в рождественскую ночь 820 г.

³⁰ Фома Славянин.

³¹ То, что Никита причастился из рук патриарха Никифора, означало, что описанное выше грехопадение игумена было окончательно прощено и забыто.

сразу же ушел к своему месту жительства}. Великий же отец наш, любя безмолвие, отправился на острова, лежащие близ города, и поселился на одном из них, ведя ангелоподобную жизнь, и был для всех руководителем ко спасению, для всех укрепление, для всех врач, {младенцам наставник, юношам обуздание, старости опора, вдовам помощь, сиротам защитник, скорбящим посетитель, плачущим утешитель, больным душою умелый врачеватель, пребывающим в смятении светило, терпящим крушение добрая гавань. И проще говоря, обо всех он заботился, одних утихомиривая, а других увещевая словом,} помогая нуждающимся необходимым, и {обильно преломляя хлеб для голодных}.

49. {Он был настолько ненасытен в чудотворении, что выказывал милость не только верным, но и неверным³². Поблизости от прилежащих к той местности островов были заточены сарацины, и однажды один из них заболел. Преподобный послал ему средства против недуга. И когда они приходили к нему, он предлагал им угощение, щедро распространяя свою милость на всех, так что и тот, по природе неукротимый, был приведен к кротости и приносил ему благодарность, прося, чтобы молитвами его пленникам было даровано возвратиться в свою землю. В один же из дней к нему прибыл кто-то из этих сарацин и просил предстоятеля провести его к преподобному, испрашивая для себя удовлетворения своей нужды. Преподобный же, исполняя заповедь Христову: «Всякому просящему у тебя дай», приказал Захарии, который прислуживал ему, дать исмаильтянину просимое. Тот же, занятый каким-то делом, надолго оставил агаряни-

³² Вместо всей этой главы в греческом стоит: «обращал милостыню не только к верным, но и к неверным».

на без ответа. А он, огорчившись, что Захария о нем забыл, пожаловался преподобному. А сей блаженный во всем его утешил и, желая угодить ему, призвал Захарию к себе, высказал ему, что положено, и наложил на него епитимью на глазах у исмаильтянина. Тот же, не зная греческого языка, спросил переводчика, что сказал преподобный Захарии. Переводчик ответил: «Да будет тебе известно, что Захария за пренебрежение к тебе получил эту тяжкую епитимью». А тот, рассказавшись в том, что пожаловался, попросил преподобного через того же переводчика простить Захарии его проступок. Честной же сделал вид, что откладывает дело. А после того, как тот долго молил, присутствующие сказали ему: «Если ты не падешь к его ногам, ты ничего не добьешься». Когда же тот возразил, что «невозможно мне это сделать, иначе меня убьют свои же пленники», спутники <преподобного> снова сказали: «По-другому ты не будешь услышан, только так». Тот же в смущении поглядел туда и сюда и, поскольку не увидел никого из своих земляков, пал к ногам святого, прося о прощении для Захарии. О, чудо! Добродетель этого мужа легко преклонила тех, кого даже меч не покорил. Ибо уважать даже врагов — признак добродетели и дается тем, в ком поселилась благодать. Ведь таково действие Святого Духа, что тот, в ком Он поселяется, может сострадать всем. Итак, агарянин, получив то, о чем просил, а также и сокрушение против обычая, немедля вернулся к своим пленникам}. После этого блаженный купил маленькое подворье напротив города к северу и там провел оставшееся очень краткое время, {душой будучи здоров, но болея телом от непомерных трудов}.

50. Когда же наступило время отойти ему и быть со Христом, потому что болезнь очень усилилась и истощала его силы, {во время поста, в один из дней (это была пятница) он сказал

прислужнику Феоктисту, который потом, как и выше сказано, стал его преемником: «Приготовь то, что требуется просвещенным³³, — может быть, я смогу совершить приношение, когда наступит час его». Прислужник же сказал ему: «Я вижу, честный отче, что ты очень болен и не сможешь совершить литургию — но пропусти этот день и завтра, когда наступит суббота, ты отслужишь ее с утра». Послушался добропослушный и, отведав немного пищи, заперся в своей келье. По наступлении же субботы болезнь еще усилилась, и в воскресное утро около шестого часа он, сложив преподобные ноги, прекрасно пробежавшие в исповедании веры, отошел вместе с пришедшими ангелами в третий день месяца Ксанфика³⁴. А когда услышали о его святом успении, собралось великое множество мужчин и женщин, монахов и дев из города и окрестностей, {так что они даже не помещались}, и все, провожая его как заступника к вышнему Царю, {молили умиловить Его для них, потому что он обрел великое к Нему дерзновение}. Прибыли и архиепископы, святейший Феофил Эфесский и святитель Иосиф Фессалоникийский, и совершив над ним то, что принято при погребении, положили его в раку. А истинные ученики его, погрузив его на корабль, поплыли к святой его обители, которую он устроил собственными трудами. {Причалили к острову Проти: а тамошние жители просили корабельщиков позволить им придти и поклониться святому телу триблаженного нашего отца. Те же послушались. И некая жена, подражая первой кровоточивой, как та края одежды Христовой, так и она коснулась драгоценной раки с тем же недугом и той же

³³ Видимо, подразумеваются преждеосвященные Дары.

³⁴ 3 апреля 823 г.

верой и сразу, как и та, получила исцеление и слышала избранные слова: «*Вера твоя спасла тебя, иди с миром*» (Мк. 5:34)³⁵. И они тотчас отплыли}. Мы же стояли на берегу в ожидании вместе с преподобнейшим Павлом, епископом Плусиады. И когда он прибыл к нам, мы, вынеся его с корабля, поклонились со слезами {его} святым мощам, и вся братия обоих монастырей, подняв их на плечи, со всеми подобающими песнопениями провожала их, {направляясь} в обитель. Бог же {и тут} сотворил через него чудо. {Ибо нам навстречу откуда-то вышел некий муж, гонимый бесами и крепко ими одержимый, приблизился к раке и стал грызть ее зубами. А потом, словно отгоняемый кем-то, он отходил назад на некоторое расстояние и снова бегом приближался к священной раке, крича и понося святого за то, что тот мучает его. И когда мы дошли до монастыря и вошли в Архангельскую церковь³⁶, причем песнопения уже окончились и возглашалась ектенья, рака разверзлась, и тот человек сразу же стал здоров благодатью Божией, так как преподобный отец наш изгнал из него <бесов>. Ибо их там было, по его словам, множество — целых три сотни. Больной же рассказывал, что «при таком скоплении народа, я никого не видел, кроме преподобного, который то прогонял меня посохом, то призывал к себе»}.

³⁵ Рассказ о чудесах в греческом тексте ограничивается такой фразой: «Бог же сотворил через него по пути множество чудес — бесы изгонялись из многих одержимых, больные исцелялись от разнообразных болезней, среди которых и женщина кровоточивая, подойдя с верою и только коснувшись святых мощей, снова стала здорова».

³⁶ Главный храм Мидикийского монастыря был посвящен архангелу Михаилу.

Итак, исполнив над ним обычное последование погребения, мы положили его в гробнице общего нашего отца Никифора, которую тот сделал себе еще при жизни, в левой части притвора — где благодатью Христовой и до сего дня совершаются исцеления и знамения. Ибо все, с верой приходящие к святому гробу его едва живыми, возвращаются домой здоровыми, какая бы ни владела ими болезнь.

51. Такова жизнь, таково житие гражданина небес и боговещанного отца нашего Никиты — сей возлюбил Бога ненасытимо и был возлюблен от Него по достоинству; прославил и прославлен был {от Него}, потому что сказано: «Я прославлю прославляющих Меня» (1 Цар. 2:30). Никита сей ³⁷, соименный победе, друг Божий, воитель за Троицу, поборник правой веры, защитник Церкви, заступник народа. Никита, небесный дом премудрости, мчащийся по воздуху бегун, {насадитель разумных растений, пастырь Христовых овец ³⁸}, небесный человек и земной ангел, неусыпающее светило вселенной, сияющая денница, путеводитель заблудших. Никита, сосуд избранный, освященная скиния, священнейшее сокровище, обиталище Духа, жилище Троицы, приют добродетелей, мастерская заповедей, украшение

³⁷ Как установлено проф. Русенквистом с помощью моей реконструкции греческого текста, практически весь эпилог (начиная со слов «Такова жизнь») был заимствован монахом Петром, автором Жития преп. Иоанникия, и таким образом сохранился по-гречески. В связи с этим фигурными скобками выделены только те места, которых нет в Житии Иоанникия.

³⁸ В Житии Иоанникия последовательно исключены все эпитеты и сравнения, имеющие отношение к священническому сану Никиты (преп. Иоанникий такового не имел).

{священников}, хвала иноков, образец мужества, свершение чистоты, наше величание, опора веры, утверждение Церкви, {гордость вселенной}. Никита, подражающий Христу учитель, кроткий, {тихий}, {смиранный} и мирный {ум}, богоносный человек, пример подвижникам, светоносный столп, просвещенный разум, возжженный светильник, недреманное око, посредник Божий, {попечитель о нас, учениках}, прогонитель бесов, {добрый пастырь}, ловец зверей, бодрствующий страж, основа терпения, плодоносящая пальма, {насажденная в доме Божиим, посвященный в тайны Христовы}, созерцатель заповедного, презревший дальнее, небесный всадник, высоко парящий орел, собеседник ангелов, сопричастник апостолов, сотоварищ страстотерпцев, {сопрестольник патриархов}, насельник Царствия, наследник Божий, сонаследник Христов, предстоящий Троице и приносящий вместе с ангелами трисвятую песнь. Но, о божественная и священная глава, главою всего имеющая Христа (ср. I Кор. 11:3)³⁹, {пастырь сильный}, боголюбивый и трижды счастливый, ты смолоду вел добрую жизнь и усердно упражнялся в добродетели, и благородство души сохранил беспорочным благодаря умерщвлению тела, и благодаря изучению божественных слов соблюл ее достоинство непорабощенным и чистотой ума стал боговиден. Ты взял на плечи свой крест и без оглядки последовал за Христом, и обрел сокровище неприкосновенное, сберегаемое на небесах (ср. Мф. 6:20). Ты распродал все здешнее и купил драгоценную жемчужину (ср. Мф. 13:46) — я говорю о Небесном Царствии. Ты построил дом не на песке небреж-

³⁹ Весь эпилог настолько насыщен библейскими аллюзиями, что указывать их все мне показалось излишним. Читатель, желающий проследить все отсылки, может обратиться к опубликованному тексту ВМЧ.

ного легкомыслия и лени, но основал его на твердом камне веры в Бога, так что он остался непоколебим под натиском ветров, то есть лукавых духов, а также и рек зловерия (ср. Мф. 7:24—26). Ты всю жизнь сносил зной и жару целого дня и не позавидовал пришедшим позднее, и получил полную плату от Создателя всякой твари (ср. Мф. 20:10—12). Ты многократно приумножил данный тебе талант щедрым раздаянием даров и услышал глас Божий: *«Добрый раб, благой и верный, войди в радость господина твоего»* (Мф. 25:21). Ты сохранил неугасимой лампаду своей души с помощью масла благотворительности и теперь вошел со Христом в небесный брачный чертог. Ты прошел узким и тернистым путем и теперь без меры наслаждаешься вышней жизнью. Ты, будучи делателем заповедей Господних, сберег первообразную красоту образа. Ты в памятовании о смерти всю жизнь провел возвышенно и трудами благочестия умертвил плотские страсти, и все плотское мудрование подчинил духу. Ты достиг вершины бесстрастия и на горних добродетелях, я говорю о любви, вере, надежде и сострадании, воспарив на колеснице, словно Илия, на высоту неизреченных смыслов, весь был восхищен к Богу и сорастворился с Ним через боговидное целомудрие и чистое озарение.

И, говоря коротко, ты подражал добродетелям всех издревле от века бывших святых: Авелеву непорочному приношению — {а ты всякий день приносил его Богу, непрестанно творя божественные Таины}. Еносову упованию на невидимое, потому что ты имел дерзновение ко Господу. Енохову благоугождению Богу, благодаря которому и твоя душа переселилась на небеса, а тело предлежит ныне, испуская источник исцелений {для приходящих с верой}. Ноевой праведности, благодаря которой ты, как и он, {оказался} пред лицом Божиим. Авраамову гостеприимству — как тот принял Троицу, так и ты услужил Ей же. Простоте

Иаковлевой, благодаря которой ты был благословен и возлюблен Богом, как и тот — отцом своим Исааком. Поэтому не чувственными, но многовидными духовными дарованиями ты собрал {множество паствы Христовой}. Иосифову целомудрию, благодаря которому ты тоже избежал бесстыдства египтянки, то есть плоти, сбросив с себя одежду всего вещественного (ср. Быт. 39:7). Моисеевой кротости, благодаря которой ты тоже, проникнув во тьму добродетелей, получил богоначертанные духовные скрижали, в которых ты дал нам духовный закон. {Иисус Навинову руководству, благодаря которому и ты во главе народа верных достиг земли обетованной}. Самуилову посвящению Богу с детства, чтобы провидеть и предсказывать будущее, как и тот. Давидову незлобию, с которым и ты отвечал гонителям благословением. Илиной ревности, с которой ты жег приверженцев зловерия, как тот посрамил пророков студных. {Елисейевой двойной благодати воздержания и исповедания, которой ты изгонял бесовские наваждения}. Иоаннову воздержанию, которым ты очистил чувства и чистый общался с Чистым, вместе с пророками говорил с дерзновением, с апостолами проповедовал, {со священниками священник вернейший, с пастырями бодрствующий пастырь}, с преподобными преподобно подвизался, с мучениками исповедовал веру, со Христом победил. Поэтому и услышал ты великий это глас: *«Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство»* (Мф. 25:34).

Посему молим тебя, отче святыи, наставник нашего спасения, как мы тебя не забыли, хотя ты и преставился от нас и покинул эту жизнь по закону природы, — но память твоя пребывает во веки — так и ты не забудь своей паствы, осиротевшей без тебя. {Да не разгонит хищный волк того, что ты собрал своими трудами. Да не погубит их вепрь, выходящий из

чаши обмана, виноградник, который ты насадил со многим потом. Да не рассеют его безбожные пастыри и да не осквернят достояния твоего. Помяни и очисти нас, отче, и твоего преемника, наполняя его свыше и охраняя и пася вместе с ним твое словесное стадо.} Помяни меня, непотребного твоего раба и ученика, и прими от меня это малое надгробное сочинение, хоть и не по достоинству, но прими приносимое тебе с верой, ведь ты — подражатель Христов: как Он две лепты вдовицы. Ибо у меня нет ничего другого, чтобы принести тебе, как и у нее. Прими, очисти нас, отче, и воздай мне освобождением от страстей через твое предстательство, и останови одолевающий меня грех — ибо ты видишь, насколько он удручает меня. Разреши мое ожесточение душевное твоим заступничеством перед Богом — ведь ты можешь, я знаю, добиться этого у Христа, ради Которого ты претерпел труды подвижничества. Подай нам Его милостивым, благосклонным и снисходительным, чтобы Он и нас, быть может, удостоил быть общниками твоей части, очищая нас покаянием и просвещая наш ум для соблюдения заповедей Его и исполнения всех повелений Его, чтобы благой жизнью и добрым поведением мы достигли тамошнего блаженства в Нем, во Христе Иисусе Боге нашем, Которому слава со Отцем и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь ⁴⁰.

⁴⁰ Колофон рукописи: «Закончена сия книга месяца марта 21-го, 4-го индикта, в год от сотворения мира 6424 (=916 от Р.Х.), писанная рукой Иоанна, смиренного и нижайшего монаха, при Анатолии, преподобнейшем игумене Студийском».

Д. Е. Афиногенов

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД
«ЖИТИЯ СВ. НИКИТЫ МИДИЙСКОГО»
ФЕОСТИРИКТА
И ЕГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ***

Б. Л. Фонкичу:
duodecim lustris gloriose peractis

Существенная часть научного творчества Бориса Львовича Фонкича была всегда посвящена греческо-русским связям. Впечатляющие результаты, которых он добился в этой области, свидетельствуют не только о плодотворности такого рода исследований, но и о том, сколь необъятные неизученные пространства ожидают здесь ученого. В особенности это относится к тем случаям, когда материалы на церковнославянском языке, имеющиеся в наших библиотеках, способны пролить свет на те аспекты собственно византийской истории, которые, казалось бы, не имеют к России совершенно никакого отношения. В этой заметке не место обсуждать, как и почему сложилась нынешняя ситуация, когда славистов весьма мало интересует содержание тех переводных текстов, в которых речь идет о сугубо византийских делах, а византинисты позволяют себе игнорировать церковнославянские переводы, даже если греческая рукописная традиция памятника ограничивается одним или двумя кодексами, — удов-

* Настоящая статья была написана в 1998 г. и предназначалась для юбилейного сборника в честь одного из крупнейших русских византинистов и поствизантинистов Б. Л. Фонкича. Однако поскольку выход статьи по не зависящим от автора причинам был перенесен на 2001 г., я счел целесообразным опубликовать ее здесь.

летворимся лишь этой печальной констатацией. Далее пойдет речь об одном из самых вопиющих примеров невнимания к церковнославянским источникам со стороны византиноведения, представителем которого является и автор настоящей работы, в полной мере разделяющий со своими коллегами ответственность за столь неблагоприятное положение дел.

История Византии IX века, как известно, чрезвычайно плохо обеспечена нарративной историографией. Исторические сочинения, описывающие это время, относятся к середине X века и знамениты своей ненадежностью. Поэтому информацию, на которую действительно можно полагаться, приходится извлекать в основном из агиографической литературы¹. Одна из жемчужин последней, с точки зрения историка, — это, безусловно, Житие Никиты, игумена Мидикийского монастыря на Олимпе Вифинском (ум. в 823 г.), написанное монахом того же монастыря Феостириком в середине или конце 30-х гг. IX в. (ВНГ 1341)². По богатству сведений о церковной и политической истории Византии и вообще о различных сторонах византийской жизни этот памятник занимает одно из первых мест среди современных ему источников. Между тем, греческий текст, сохранившийся в одной-единственной рукописи, был опубликован еще в XVI в. бол-

¹ См. некоторые показательные примеры в статье: Д. Е. Афиногенов, Ю. А. Казачков. Легенда о Феофиле: новые разоблачения // Ученые записки Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып 5., с. 5–13.

² Русский перевод греческого текста (без учета церковнославянского!): Феостирикт. Житие преп. Никиты Мидикийского / пер. Д. Е. Афиногенова // Альфа и Омега, 3 (14), 1997, с. 212–238 или Д. Е. Афиногенов. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии, 784–847. М., 1997, с. 156–178.

ландистами в их серии *Acta Sanctorum* (*Aprilis*, vol. I, dies III — пагинация в разных изданиях варьируется) и ни разу с тех пор не переиздавался, несмотря на очевидные дефекты. Новое критическое издание готовится сейчас проф. Я. У. Русенквистом в Уппсале, и именно в ходе сотрудничества с ним у автора этой заметки возникла мысль об использовании церковнославянского перевода для решения некоторых текстологических проблем.

Однако при обращении к изданному в 1910 г. в составе апрельского тома Великих Миней Четий митрополита Макария³ тексту выяснилось, что значение его выходит далеко за рамки подтверждения или опровержения тех или иных конъектур и исправлений греческого оригинала. Уже в 1910 г. любой читатель, обратившийся к печатному изданию апрельского тома ВМЧ, мог прочитать там следующее (столбец *мв*, прим. 13): «Греч<еский> текст... дословен переводу в Макар<ьевской> Чет<ье>-Мин<ее>; однако, славян<ский> текст полнее: у болландистов нет чудес святого (§ 45 и 46), вещего сна имп<ератора> Льва (§ 46), повести о срацине (§ 47), подробностей кончины святого (§ 48) и похвалы с молитвою (§ 45 и 49)». Как это ни поразительно, ни одному византинисту, включая автора этих строк, который весьма широко пользовался греческим вариантом Жития в своих изысканиях, не пришла в голову мысль проанализировать характер этих «дополнений». Далее я попытаюсь несколько восполнить этот пробел. Но вначале мне хотелось бы привести несколько примеров того, как церковнославянский перевод позволяет решать

³ Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссией. Апрель, дни 1—8. М., 1910. Издание подготовлено И. Н. Северьяновым.

текстологические проблемы непосредственно в сохранившемся греческом тексте.

Гл. 2 (р. XXIIС): *Μήπως... καθυβρίσης τὸν ἄνδρα καὶ εἰς ἀγαπώκτησιν καθ' ἑαυτοῦ φέρης, καὶ ἔστιν σοι ἀσύμφορον, ὅπερ μὴ πείσεσθαι εὐχομαι*. База данных по византийской агиографии Дамбартон Оукс (далее АДО) предлагает здесь конъектуру *ἔσται*. Церковнославянский текст (далее ЦС), в котором стоит **бѣдеть**, превращает эту конъектуру в предпочтительное чтение.

Гл. 6 (р. XXIIIВ): В рукописи непонятное *ἐξ ἐπιτόλεως διανοίας*; Я. У. Русенквист предложил конъектуру *ἐξ ἐπιπολῆς*, а АДО — *ἐξ ἐπιπολαίου*. ЦС дает **снадь оѣма**, что позволяет принять чтение Русенквиста, поскольку в греческом оригинале должно было быть наречие, а не прилагательное.

Гл. 7 (р. XXXIIIС): В рукописи *διὰ τοῦ ἀζύγου βίου ἄτερ θορύβου ὄντως*. Русенквист предложил *ὄντος*, что является правильным чтением согласно ЦС: **вєс лица соѣцию**

Гл. 11 (р. XXIVA): В греческом несколько несогласовано *τὸν τὰ δεύτερα αὐτως διέπειν... πέπομφεν*. Русенквист предложил или исправить инфинитив на причастие *διέποντα*, или добавить *μέλλοντα*. ЦС подтверждает первый вариант: **и втораагѡ строацааго по немь... посла**.

Гл. 16 (р. XXVE): В рукописи дефект, читается *θεῶ ὦ.ται*. У болландистов стоит *ῶφε*. Еще не видя церковнославянского текста, я предложил *ῶπται*, с чем издатель согласился. Именно это чтение дает ЦС: **Богомь видѣнъ бѣ**.

Во всех вышеприведенных примерах текст славянского перевода оказывается исправнее сохранившейся греческой версии. Особенно интересны случаи, когда издательская методология не позволила бы менять греческий текст, поскольку он имеет смысл и в том виде, в каком его дает рукопись, но ЦС предлагает более осмысленное чтение:

Гл. 2 (р. XXIIС): μήτε λόγον ἐν προσφορᾷ συντάξεως хекτη-
μένοις. ЦС дает ни слова въ изреченіи сотвореніа ѿмѣщѣ, что
предполагает в оригинале профорᾱ, т. е. чтение, дающее гораз-
до лучший смысл, поскольку все три ключевых слова оказываются
принадлежащими к одной и той же семантической сфере.

Таким образом, похоже, что церковнославянский перевод
был сделан с более качественного оригинала, чем тот, что мы
имеем. Однако это еще ничего не говорит о происхождении тех
довольно крупных фрагментов текста, которые есть в переводе,
но отсутствуют по-гречески. Поскольку эти отрывки содержат
в ряде случаев чрезвычайно важную информацию, необходимо
установить, могут ли они быть использованы в качестве аутен-
тичного источника по истории Византии первой половины IX в.

Византийское происхождение этих текстов сомнений не вы-
зывает. Так, в рассказе о чуде с тремя братьями-мореплава-
телями (гл. 45, ѿ) говорится следующее: **Во єдинъ оубо препла-
ваѿще, нарицаѿмоѿ Паитиухъ** (видимо, пропущено слово «мес-
то»). «Паитих» — это не что иное, как искаженное уже на сла-
вянской почве (**н>и**) название хорошо известного порта Панти-
хион на северном побережье Никомидийского залива (ныне
Пендик). Далее рассказывается, как уже почти затонувший было
корабль по молитвам святого сам собой выплыл к берегу: **доиде
до нарицаѿмого Пѿлатнискаго пристанища**. Рукопись Волоколам-
ской минеи, о которой еще пойдет речь, дает в этом месте чтение
Пѿлатнискаго. Этот топоним также легко поддается отождествле-
нию — речь идет о порте Πύλαι на южном побережье все того же
Никомидийского залива. В греческом оригинале, видимо, было
μέχρι τοῦ χαλουμένου Πυλατικοῦ λιμένος. С географической точ-
ки зрения эти топонимы прекрасно согласуются с логикой собы-
тий. Корабль был застигнут штормом возле северного берега за-
лива, вынесен в «открытое» море (**до пѣчины**), а затем выплыл

уже к южному берегу (Никомидийский залив Мраморного моря врезается в сушу строго с запада на восток). Автор этого рассказа должен был хорошо знать географию окрестностей Константинополя. Итак, мы имеем дело с текстами, возникшими в Византии. Но входили ли они в состав жития изначально или были интерполированы позднее?

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что среди анализируемых фрагментов есть некоторые, не несущие особой идейной нагрузки, но изобилующие мелкими деталями. Так, в рассказе о кончине преп. Никиты церковнославянский текст содержит диалог между святым и его учеником и преемником Феокистом (гл. 48, **ѿѿ**). Никита в пятницу просит Феокиста приготовить «**ѿѿже на потребѣ просвѣщенныхъ**» (очевидно, преждеосвященные Дары, поскольку дело происходит, как указано, **въ время масопоущное**⁴) чтобы принести их. Феокист предлагает игумену не служить в этот день, а на завтра, «**свѣтъ соукотѣ, ранѣе сотвориши ѿ**» (т. е., по-видимому, освятишь, потому что в субботу можно совершать Божественную литургию). Но в субботу болезнь усиливается, и Никита умирает в воскресенье на рассвете (это сказано и в греческой версии). Такие подробности вряд ли могли представлять интерес для кого-либо, кроме насельников Мидикийского монастыря, знавших если не Никиту, то Феокиста лично. Но самое главное, что указание на великопостное время абсолютно точно — Никита умер в воскресенье 3 апреля 823 г., а Пасха в этом году приходилась на 17 апреля! Крайне сложно представить себе интерполятора, который стал бы заниматься подобными вычислениями без всякой видимой цели.

⁴ Чтение по Волоколамской минее.

Читателя, более или менее искушенного в византийской агиографии, не может не удивлять то обстоятельство, что греческая версия Жития преп. Никиты, которая начинается с развернутого риторического вступления, не имеет ни обычной для этого жанра похвалы святому со сравнением его с разными персонажами Ветхого и Нового Завета, ни заключительной молитвы. И то, и другое, однако, наличествует в церковнославянском переводе (гл. 49). При ближайшем рассмотрении всякие подозрения относительно позднейшего происхождения этих частей текста отпадают (столбцы ρ̑а—ρ̑в): **НИ ТЫ ЗАБЪДИ СТАДА СВОЕГО, ѠСНРѢВШАГО ТЕБЕ** (явно слова мидийского монаха); **ДА НЕ РАСПРАШАТЬ ТОГО** (т. е. стада — Д. А.) **ПАСТЪСИ БЕЗБОЖНІИ** (=ποιμένες ἄθεοι — стало быть, дело происходит до восстановления иконопочитания в 843 г.); **ѠЧИСТИ НИ, ѠЧЕ, Ѡ СВОЕГО ПРЕИМНИКА** (значит, текст написан при игумене Феоктисте); **ПОМАНИ НЕКЛЮЧИМАГО МЕНЕ, РАБА ТВОЕГО Ѡ ОУЧНИКА** (итак, автор — Феостирикт!).

Таким образом, церковнославянский перевод был сделан с подлинного полного греческого текста Жития, написанного Феостириктом. Интересно, что среди отрывков, исключенных из сохранившейся греческой версии, есть такие, которые еще больше повышают ценность нашего памятника как исторического источника, поскольку демонстрируют вовлеченность автора в происходящие события и его доступ к достоверной информации. Так, в описании знаменитой аудиенции во дворце 24 декабря 814 г. (начало гл. 34) в греческой версии сказано: «...ἔτι δὲ ἀκριβῶς ἐπισταμένων» (речь идет о православных иерархах). ЦС: **ѠПАСНѢ СВѢДѸЩЕ^М НАМЪ**. Итак, Феостирикт, возможно, присутствовал на этой аудиенции! Говоря о вешем сне императора Льва V, агиограф указывает свой источник (гл. 46):

Вознеѣ же ѿ велика страха, повѣда Феѡсѣи, женѣ своѣи, ꙗже ѿ ѿвѣ исповѣда соуз мнѣ повѣдавшемѹ, повѣдавши. Об этом сне мы знаем еще из двух, по всей вероятности, независимых друг от друга источников: из Жития патриарха Тарасия Игнатия Диакона⁵ (1-я половина IX в.) и историка Генесия (после 960 г.)⁶, причем Игнатий говорит, что ему рассказали об этом сне монахи Тарасиева монастыря на Босфоре. Фраза Феостирикта, однако, выдает близость к более высоким сферам.

Под сокращение попали не только чудеса, похвалы и пространная риторика заключительной главы, но и по крайней мере один крайне важный в сюжетном отношении эпизод. Поскольку он занимает немного места, приведем его полностью:

Крамолникъ же нѣкто ꙗвилса блаше оубоѣца и льстець ѿ востокъ, антихристовъ прѣтча. Бѣгающе оубо его ѿ злыи, внѣдоша вси бѣгосивѣи ѡцы въ Вѣзантїю. Великѣи же архїереѣи стѣѣишии, мѣню* Никїѡора, ѿ прѣбнаго Никитѹ призваѣ, имѣаше ѡ себѣ ѿ ѿ бжѣтвеннѹ рѣкъ еѣ стѣѣи тайны прїа со всѣмъ ѿзвѣщенїемъ и вѣрою. ѿ ꙗкожъ быѣ разрѹшенїе преже нареченаго пагѹбника, изыѣ кожо во ѣвоѣ жилища.

Речь, конечно же, идет о восстании Фомы Славянина, во время которого император Михаил II приказал многим лидерам православной оппозиции вернуться в Константинополь (он, по-видимому, опасался, что они примкнут к мя-

⁵ Ignatii Diaconi Vita Tarasii / ed. I. A. Heikel // Acta Societatis Scientiarum Fennicae, 17. Helsingfors, 1889, p. 395–423, p. 422, 17–30.

⁶ Iosephi Genesis Regum Libri Quattuor / ed. A. Lesmüller-Werner et J. Thum. B., 1978, p. 17, 2–9.

тежнику, который выставлял себя иконопочитателем). Но для Жития преп. Никиты этот пассаж представляет собой совершенно необходимый элемент, потому что выше (гл. 41) Феостирикт рассказывает, как игумен поддался на уговоры своих товарищей по заключению и приобщился из рук иконоборческого патриарха Феодота. Хотя Никита очень быстро раскаялся и продолжал свое исповедничество, его священный сан оказался поставлен под сомнение, поскольку весьма твердо соблюдаемая линия православного сопротивления состояла в том, что клирики, перешедшие на сторону иконоборцев, теряли свой сан безвозвратно⁷. Таким образом, причащение из рук ссыльного патриарха Никифора (полагаю, что «его» относится именно к Никифору, поскольку было бы странно, если бы пресвитер причащал архиерея), общепризнанного главы православной оппозиции, «со всем извещением и верою» (это, очевидно, означает, что Никифор был обо всем информирован), как бы снимало с Никиты грех еретического причастия и подтверждало действительность его священства.

Отсутствие этого эпизода в нашем греческом тексте наводит на размышления. Совершенно очевидно, что сокращение производилось более или менее механически человеком, не разбиравшимся в делах Мидикийской обители и вообще в реалиях описываемого времени. Поскольку единственная рукопись Codex Vaticanus Graecus 1660⁸, согласно колофону, написана монахом Иоанном в Студийском монастыре в 916 г., сразу встает вопрос о

⁷ См. подробнее: *Д. Е. Афиногенов*. Константинопольский патриархат..., с. 80–81.

⁸ См. о нем: *G. Gianelli*. Codices Vaticani Graeci, Codices 1485–1683. Citta del Vaticano, 1950, p. 396–398.

тенденциозной переработке текста со стороны студитов⁹. Действительно, отношения Феодора Студита с Никитой Мидикийским были далеко не всегда теплыми¹⁰, и студийский редактор теоретически мог «поправить» житие. Однако существует и более простое и правдоподобное объяснение. Если проследить, в какой части текста группируются пропуски, то окажется, что практически все они приходятся на конец памятника, начиная с гл. 45. Если риторическое заключение оказалось просто выброшено, то риторическое вступление осталось нетронутым, хотя было бы логично, если бы редактор хотя бы немного сократил и его. Посмотрим теперь внимательнее на ватиканский кодекс. Житие Никиты — это последний текст в нем, причем непосредственно перед ним стоит помета: «Апреля в 29-й день» (f. 366). Но, как уже говорилось, Житие четко говорит, что преп. Никита умер 3 апреля, и именно в этот день празднуется его память¹¹! Почему же в ватиканской рукописи этот текст оказался под 29 апреля? Возможно, потому, что его не было в основной рукописи, которую копировал писец Иоанн (3-е число у него занято Мученичеством Феодосии Кесарийской), и тот добавил Житие к переписанной им минее позже и из другого источника. Не исключено, правда, что сочинение Феостирикта имелось в копируемой рукописи и стояло там под 29 апреля. Дело в том, что в русских Про-

⁹ Ср.: *H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 510–511.* Бек не знал церковнославянской версии, но проф. Русенквист после ознакомления с ней также был склонен усматривать в сокращениях идеологическую правку со стороны студитов.

¹⁰ См. *Theodori Studitae Epistulae / ed. G. Fatouros. Berlin; N.Y., 1992, p. 267, 18.*

¹¹ ВМЧ помещают Житие под 2 апреля.

логах под 29 апреля содержится статья о некоем Никите «иже в Пирех»¹², биография которого имеет разительные совпадения с жизнью Никиты Мидикийского. Есть и третья возможность — что кодекс, в котором память Никиты стояла под 29 апреля, как раз и послужил тем дополнительным источником, откуда Иоанн добавил в свою mineю наше Житие. Как бы то ни было, дальше, по-видимому, произошло следующее. Иоанн, уже подходя к концу Жития Никиты, вдруг обнаружил, что ему не хватает пергамента и начал беспорядочно сокращать текст. У него, правда, еще оставалась одна страница (f. 408v), однако ее, очевидно, не хватало, чтобы вместить всю заключительную главу (в ВМЧ она занимает почти 4,5 столбца), и он предпочел остановиться как раз перед похвалой.

Ватиканский кодекс, содержащий Житие Никиты, является уникальным источником не только для этого памятника. В нем, и более нигде, сохранилось еще одно житие, тоже IX в., а именно, Житие преп. Афанасии Эгинской (ВНГ 180)¹³. Оно помещается в середине рукописи, под 13 числом. Церковнославянский перевод этого жития также имеется в ВМЧ¹⁴ (под тем же числом), и он, за исключением мелких пропусков и разночтений, идентичен греческой версии. Та-

¹² Самая ранняя рукопись — пергаменный кодекс первой половины XIII в. (БАН, собр. Никольского 324), л. 1 об. стб. 1—л. 2 стб. 1.

¹³ Греческий текст: *L. Carras. The Life of St. Athanasia of Aegina: a critical edition with introduction // Maistor. Studies for Robert Browning (Byzantina Australiensia, 5). Canberra, 1984, p. 199–224.*

¹⁴ Издатель греческого текста, естественно, даже не подозревает о существовании этого перевода, хотя обращение к нему, опять-таки, помогло бы решить некоторые из ее текстологических проблем.

ким образом, весьма вероятно, что лишь нехватка писчего материала, а не какие-то идейные соображения, привела к сокращению сочинения Феостирикта. Вместе с тем, присутствие в ВМЧ и Жития Афанасии, и Жития Никиты ставит вопрос об истории русских минейных собраний. В отношении апрельского тома ответ ясен — на Русь попала византийская минея в том виде, в котором она сложилась во второй половине IX — первой половине X в., до Метафрастовой переработки. Похоже, что так же обстоит дело и с некоторыми другими месяцами, во всяком случае, уже достаточно поверхностный поиск привел к обнаружению по крайней мере трех агиографических и полемических текстов IX в., греческий оригинал которых не сохранился (им я собираюсь посвятить отдельные публикации). Более того, сейчас уже можно утверждать, что Академическая минея за февраль (ГБЛ, ф. 173, № 92.1) была составлена в Студийском монастыре в первой четверти X в. и переведена на древнеболгарский язык до конца того же столетия¹⁵.

Установление того факта, что церковнославянский перевод Жития преп. Никиты Мидикийского отражает не дошедший до нас полный греческий оригинал, естественно, отразилось на судьбе готовящегося критического издания памятника. Теперь оно будет включать не только греческий, но и церковнославянский текст (там, где оригинал отсутствует), причем последний будет повсеместно учитываться и в критическом аппарате. Появления этого издания можно ожидать уже в 2002 г.

В заключение необходимо кратко остановиться на текстологии церковнославянской версии, насколько позволяет ны-

¹⁵ См.: *D. Afinogenov. The Church Slavonic Life of St. Thaddaios, the Martyr of the Second Iconoclasm // AB, 119, 2001 (в печати).*

нешняя стадия исследования. К сожалению, пока отсутствует комплексное лингвистическое исследование апрельской минеи четьи русского извода, подобное проделанному И. И. Срезневским в отношении февральской Академической минеи ¹⁶. Древнейшая известная мне рукопись — это апрельский том Волоколамской минеи (РГБ, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, 198 (596)) последней четверти XV в. Текст этой рукописи в целом исправнее, чем в ВМЧ, и потому должен лечь в основу будущего издания. Несколько примеров (помимо приведенного выше с «Пилатийским пристанищем»):

Вол. правильно дает житие под 3, а не под 2 апреля, как ВМЧ.

Гл. 1, прим. 6. ВМЧ: *забыти ими*; Вол.: *забытъми* (греч. λήθης βυθοῖς).

Гл. 49, прим. 14. ВМЧ опускает греч. *ἐδόξασεν καὶ ἐδοξάσθη*; Вол. на полях: *и достоинъ прослависа*.

Судя по всему, Волоколамская минея не была непосредственным оригиналом ВМЧ. Датировка этой рукописи представляет собой единственно надежный *terminus ante quem*, однако вышеприведенный пример Академической минеи показывает, что церковнославянский перевод Жития Никиты, несмотря на отсутствие ранних рукописей, вполне может восходить к Преславской школе X в.

¹⁶ И. И. Срезневский. Февральская книга Минеи четьи древнего состава по списку XV века (Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках LXIV) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 12, 1874, с. 377–391.

Научное издание

**ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
КОНСТАНТИНА, ЧТО ИЗ ИУДЕЕВ**

**ЖИТИЕ
СВ. ИСПОВЕДНИКА НИКИТЫ,
ИГУМЕНА МИДИКИЙСКОГО**

Корректор
Р. А. Агеева

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК—005—93, Том 2; 953000 — книги, брошюры

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 70×100 ¹/₃₂. Гарнитура «Литературная».

Печать офсетная. 5,0 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 4579

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ГПП «Типография „Наука”»

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6